

Изданія Д. Е. Жуковскаго.

КУНО ФИШЕРЪ
Исторія новой философіи
въ 8-ми томахъ.

- Томъ I.** Декартъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.
Переводъ съ нѣм. подъ редакціей Н. Н. Полилова.
Стр. 459. Портретъ Декарта. Цѣна безъ пер. 2 р. 50-к.
- Томъ II.** Спиноза, его жизнь, сочиненія и ученіе.
Переводъ съ нѣмецкаго С. Л. Франка, Стр. 583. Пор-
третъ Спинозы. Цѣна безъ перепл. 3 р. 50 к.
- Томъ III.** Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.
Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Стр. 735. Пор-
третъ Лейбница. Цѣна безъ перепл. 4 р.
- Томъ IV.** Иммануиль Кантъ и его ученіе, ч. 1-ая.
Переводъ съ нѣм. Н. Полилова, Н. Лосскаго и Д. Жу-
ковскаго. Стр. 632. Съ портретомъ Канта. Цѣна безъ
перепл. 4 руб. (Изданіе т-ва «Знаніе» Невскій 92).
- Томъ V.** Иммануиль Кантъ и его ученіе, ч. 2-ая.
Переводъ съ нѣм. О. А. Аносовой и Д. Е. Жуковскаго,
подъ ред. Д. Жуковскаго. Стр. 656. Цѣна безъ пер.
3 р. 50 коп. (Изданіе т-ва «Знаніе» Невскій 92).
- Томъ VI.** Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Печатается.
- Томъ VII.** Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе.
Переводъ съ нѣмецкаго Н. Лосскаго. Стр. 893 Пор-
третъ Шеллинга. Цѣна безъ перепл. 5 р.
- Томъ VIII.** Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе.
Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Лосскаго.
Полутомъ 1-ый. Стр. 760. Цѣна 3 р. 50 к.
Полутомъ 2-й. Стр. 463. Портретъ Гегеля. Цѣна
2 р. 50 к.

Цѣна за всѣ 8 томовъ въ переплетахъ 40 р.

Главный складъ т-во „Общественная Польза“, Б. Подъяче-
ская 39. С.-Петербургъ.

Не перепечатать

Генрихъ Риккертъ.

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С. ГЕССЕНА

съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.

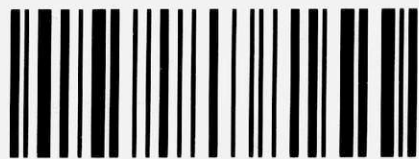

Изданіе Д. Е. Жуковскаго
1908.

Оглавленіе.

	СТР.
Предисловіе переводчика	I—VI
Предисловіе автора къ русскому переводу	XII
Примѣчаніе ко второму изданію	XV
ВВЕДЕНІЕ	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ: Логика исторической науки.	9
ГЛАВА ВТОРАЯ: Ученіе о принципахъ исторической жизни	72
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Всеобщая исторія	141 14
Указатель литературы	149

26664-0

2011094104

Предисловіе переводчика.

Генрихъ Риккертъ, статью котораго „Философія исторіи“ мы предлагаемъ нынѣ всѣмъ интересующимся философскими вопросами въ русскомъ переводѣ, достаточно извѣстенъ уже русской читающей публикѣ. Главный методологическій трудъ его „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ уже 2 года тому назадъ какъ появился въ русскомъ переводѣ, который, правда, и не передаетъ изящества и легкости языка подлинника и тѣмъ затрудняетъ чтеніе книги, но все же удовлетворяетъ требованіямъ точности и научности. Точно также переведенъ и основной гносеологическій трудъ Риккерта „Предметъ познанія“. Изъ болѣе мелкихъ сочиненій переведенъ еще на русскій языкъ докладъ „Культуровѣдѣніе и естествовѣдѣніе“, который хотя и даетъ нѣкоторое представленіе о методологической теоріи Риккерта, но своими неточными и неосторожными формулировками можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Если поэтому переводъ этого доклада нельзя не признать нецѣлесообразнымъ, то, наоборотъ, предлагаемая статья является весьма пригодной для перевода. Предназначенная для болѣе широкой публики, она вмѣстѣ съ относительной популярностью соединяетъ строгую научность и точность, а разъясняющая въ ней полемика съ цѣлымъ рядомъ современныхъ ученыхъ и указанія на классиковъ

философии придают этой статье характер программного сочинения и делают ее интересной и для специалиста. В некоторых отношениях она представляет из себя даже шаг вперед по сравнению с „Границами“, открывая и давая попытки разрешения для ряда проблем, не нашедших себе места в большом труде Риккерта. Даже ученые, не разделяющие в общем точки зрения трансцендентального идеализма, оригинальное понимание которого дает нам Риккерт, согласны с тем, что „пожалуй наиболее интересное и значительное выражение это философское течение нашло в статье Риккерта о философии истории“. Тот же Гефдинг, которому принадлежат эти слова, говорит, что „большое наслаждение доставляет изучение этого хорошо продуманного очерка, а также сравнение его с большим трудом Риккерта“¹⁾.

Этим объясняется и обилие критической литературы, выросшей за последние годы вокруг трудов Риккерта не только в Германии, но и во Франции, Англии и Италии²⁾. В русской литературе имя Риккерта тоже довольно часто упоминается, при чем конечно наряду с серьезной и научной оценкой не обошлось и без резкой „партийной“ полемики (напр. статья М. Покровского), к сожалению построенной в значительной степени на философской неосведомленности критика. Наконец Риккертупосчастливилось даже найти себе место в бойких памфлетах ретиваго г. Луначарского и в других образцах партийной литературы. Изъ

¹⁾ Рецензия в „Göttingischen gelehrten Anzeigen“ 1906 г., № 1.

²⁾ Указатель литературы читатель найдет в конце книжки.

действительно серьезной литературы о Риккерт следует отметить интересные страницы в предисловии П. Струве к книге Бердяева, посвященной разбору гносеологической теории Риккерта, тоже гносеологическая статья г. Петропавловского, затем статья г. Софронова и недавно появившаяся хорошая статья ученика Риккерта М. Рубинштейна, излагающая как гносеологические, так и методологические взгляды Риккерта, но к сожалению написанная слишком „догматически“.

Между тем оригинальная и далеко еще не законченная теория Риккерта счастливо соединяет в себе самые, казалось бы, различные течения и запросы философской мысли, нашедшие себе выражение в 19-м столетии. Далекая от всякого эклектизма, она тем не менее достаточно гибка, чтобы, оставаясь на почве трансцендентального идеализма, не остаться чуждой некоторым запросам и требованиям позитивизма и эмпиризма. Борясь против остатков рационализма у Канта, Риккерт резко отделяет понятие „общеобязательного“ (allgemeingültiges) и „общаго“ (allgemeines), что с одной стороны ведет к признанию эмпирическаго „происхождения“ общаго, являющагося результатом обработки действительности, и с другой стороны к распространению общеобязательности на индивидуальное и таким образом к расширению проблемы априорности. В гносеологии это привело Риккерта к выставлению и обоснованию понятия „объективной действительности“, как общаго материала научной работы; в методологии—к защите и обоснованию истории, как науки об индивидуальном, имющей свои особые задачи. Русскому читателю, привыкшему в философии истории к наивно-реалистическим спорам о роли личности и массы в

исторіи, о значеніи экономического фактора и т. д., данная статья (какъ и всѣ другія сочиненія Риккерта), переносящая весь вопросъ объ исторіи въ область чистой логики, имѣющей солидный гносеологическій фундаментъ, можетъ показаться недостаточной, не дающей отвѣта на самые глубокіе вопросы общественной мысли. Антимонизмъ автора можетъ показаться бесплоднымъ. Всѣмъ тѣмъ, кто ждетъ отъ философіи окончательныхъ отвѣтовъ о „сущности міра“ и „смыслѣ жизни“, статья эта можетъ показаться слишкомъ академической и демонстрирующей лишь безсиліе философіи. Антиметафизическая позиція автора можетъ показаться бесплоднымъ самоограниченіемъ. Но Риккертъ и хочетъ дать лишь максимумъ того, что можетъ дать объективная философія и тотъ минимумъ логическихъ понятій, который необходимъ теперь для того, чтобы уничтожить всю гущу наивно метафизическихъ предразсудковъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ общественныхъ наукахъ и мѣшающихъ дальнѣйшему ихъ развитію. „Философское“, т. е. вѣрнѣе метафизическое безплодіе оказывается, такимъ образомъ, въ высшей степени плодотворнымъ въ области „объективной науки“.

Переводъ сдѣланъ нами съ любезно предоставленныхъ намъ авторомъ корректуръ 2-го изданія сборника въ честь 80-ти лѣтняго юбилея Куно Фишера, въ которомъ данная статья помѣщена 1). Слѣдуя назначенію статьи и желанію автора, мы старались по возможности передать и своеобразный стиль автора, жертвуя

1) Точное заглавіе сборника: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer unter Mitwirkung von B. Bauch, K. Groos, E. Lask, O. Liebmann, Th. Lipps, H. Rickert, E. Troeltsch, W. Wundt, herausgegeben von W. Windelband. Heidelberg, Winters Universitätsbuchhandlung, 2 Auflage, 1907.

для этого иногда буквальной точностью перевода. Ясно видя опасность подобнаго перевода, гдѣ трудно становится провести грань между передачей мысли автора и произвольнымъ толкованіемъ его взглядовъ, мы старались избѣжать этой опасности тѣмъ, что во всѣхъ сомнительныхъ мѣстахъ, допускающихъ различныя толкованія, обращались за разъясненіями къ самому автору. Съ другой стороны, мы пытались сообщить переводу необходимую точность и научность употребленіемъ однозначной и принципиальной терминологіи. Тамъ, гдѣ это было болѣе или менѣе возможно, мы пытались нѣмецкій терминъ всюду передавать однимъ русскимъ терминомъ, но конечно не всегда это правило можно было проводить: въ силу ли филологическихъ условій или въ силу рѣдкой, но все же встрѣчающейся дифференціаціи русской терминологіи по сравненію съ нѣмецкой (напр. *besonder*—1) особый, 2) частный; *allgemein*—1) общій, когда рѣчь идетъ объ общемъ понятіи (= *gemeinsam*), 2) всеобщій, когда рѣчь идетъ объ общеобязательной цѣнности (= *allgemeingültig*); *Gemeinschaft*—1) форма общности, 2) общественная группа). Въ силу обратнаго отношенія намъ часто приходилось два нѣмецкихъ термина передавать однимъ русскимъ (*Wertung, Wertbeurteilung*—оцѣнка; *Geltung, Gültigkeit*—значимость). Въ такихъ случаяхъ мы пытались помочь дѣлу соответственнымъ оборотомъ рѣчи или лишнимъ опредѣленіемъ. Неологизмовъ старались мы избѣгать, вводя ихъ лишь въ крайнихъ случаяхъ: 1) когда этого требовала своеобразная терминологія автора, т. е. когда и въ нѣмецкомъ языкѣ данный терминъ представлялъ собою неологизмъ (*individualisierend*—индивидуализирующий, *generalisierend*—генерализирующий; *Universum*—универсумъ)

или былъ употребленъ впервые въ совершенно новомъ значеніи (Kausalgesetz—причинный законъ (=естественный законъ—Naturgesetz), тогда какъ выраженіе „законъ причинности“ мы оставляемъ въ силу установившейся традиціи за логическимъ закономъ или принципомъ причинности (=Princip oder Satz der Kausalität); и 2) когда того требовала точность и адекватность перевода. Въ послѣднемъ случаѣ мы старались однако опираться на всѣми признанные авторитеты (Geltung—значимость ¹⁾ у Влад. Соловьева, Besonderheit—особность у Герцена). Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы сочли полезнымъ помѣщать въ скобкахъ соотвѣтственный нѣмецкій терминъ.

Въ указатель литературы, составленный авторомъ, мы внесли соотвѣтственныя дополненія, касающіяся русской переводной литературы. Въ концѣ мы привели также указатель русской оригинальной литературы вопроса, составленный нами аналогичнымъ образомъ. Не притязая на полноту, онъ приводитъ лишь дѣйствительно серьезныя, либо ужъ очень характерныя сочиненія и статьи.

Для интересующагося не только философско-историческими вопросами приводимъ списокъ другихъ, не указанныхъ въ указатель болѣе значительныхъ сочиненій Риккертга:

- 1) Zur Lehre von der Definition. 1888.
- 2) Gegenstand der Erkenntniss. — Einführung in die

¹⁾ Gelten—значить мы старались избѣгать, переводя описательно: обладать значимостью. Allgemeingültigkeit все таки общеобязательность, а не общезначимость, какъ того требовала однозначность перевода. На „общеобязательность“ мы не рѣшились посягнуть въ виду общепринятости этого выраженія и связанной съ нимъ традиціи.

Transcendentalphilosophie. 1 Aufl. 1892. 2 Aufl. 1901. [Введеніе въ трансцендентальную философію.—Предметъ познанія. Кіевъ. 1907.].

3) Fichtes Ateismusstreit und die Kantische Philosophie 1899.

4) Psychophysische Causalität und psychophysischer Parallelismus. 1900 [„Philosophische Abhandlungen“ Christoph Sigwart gewidmet].

5) Naturwissenschaftliche Weltanschauung? [„Der Lotze“ Hamburgische Wochenschrift für deutsche Kultur. 1901 N 51—1].

6) Les quatre modes de l'Universel en histoire. 1901 [Revue de synthèse historique. T. II 2 № 5 (Avril 1901)]

Въ заключеніе пользуемся случаемъ принести глубокую благодарность автору за любезное содѣйствіе въ дѣлѣ перевода и издателю г. Винтеру (въ Гейдельбергѣ) за изъявленное имъ согласіе на переводъ.

Фрейбургъ въ Брейсгау Ноябрь 1907.

Предисловіе автора къ русскому переводу.

Небольшая статья эта обязана возникновеніемъ внѣшнему поводу—чествованію 80-ти-лѣтняго юбилея Куно Фишера. Первыя двѣ главы ея содержатъ по возможности краткое и исчерпывающее изложеніе тѣхъ мыслей, которыя я подробнѣе изложилъ и обосновалъ въ моей книгѣ «О границахъ естественно-научнаго образованія понятій», и лишь послѣдняя глава о философской всемірной исторіи заключаетъ въ себѣ кое-что новое. Но я все-таки весьма охотно изъявилъ согласіе на переводъ. Дѣло въ томъ, что мой большой философско-историческій трудъ, переведенный на русскій языкъ г. Воденомъ съ моего согласія въ 1904 году, вызвалъ цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя данная статья пожалуй сможетъ устранить. Въ особенности желалъ бы я этого еще потому, что въ 1903 г. на русскомъ языкѣ безъ моего вѣдома и весьма противъ моего желанія появилась другая моя небольшая работа «Объ естественныхъ наукахъ и наукахъ о культурѣ», которая, занимаясь аналогичными проблемами, совершенно не пригодна для ознакомленія съ защищаемой мною теоріей. Докладъ этотъ, написанный мною 9 лѣтъ тому назадъ, еще до окончанія «Границъ естественно-научнаго образованія понятій», содержитъ въ себѣ выраженія и формулировки, которыя, какъ я теперь вижу, могутъ подать поводъ къ

недоразумѣніямъ въ виду своей неточности. Нѣмецкое изданіе этого доклада совершенно разошлось, и прежде чѣмъ приступить къ новому изданію мнѣ придется его основательно переработать. Я не хотѣлъ бы поэтому, чтобы онъ былъ еще читаемъ въ настоящемъ своемъ видѣ, и я надѣюсь, что всякій, кто захочетъ на русскомъ языкѣ ознакомиться съ краткимъ изложеніемъ моей философско-исторической теоріи, воспользуется для этой цѣли переводомъ данной статьи, а не устарѣлаго теперь уже доклада. Я вообще не могу не высказать моего сожалѣнія по поводу появленія въ свѣтъ переводовъ, сдѣланныхъ даже безъ личнаго согласія автора, и я кстати хотѣлъ бы здѣсь также еще замѣтить, что моя книга «Предметъ познанія» переведена на русскій языкъ безъ моего вѣдома. Я тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, что переводъ этотъ, не будучи, какъ я слышалъ, вполне удовлетворительнымъ, помѣшалъ появленію въ свѣтъ хорошаго авторизованнаго мною перевода.

Точно также хотѣлъ бы я здѣсь сказать нѣсколько словъ и по поводу тѣхъ недоразумѣній, которыя вызвали въ Россіи мои философско-историческіе взгляды. Къ сожалѣнію, я не понимаю русскаго языка, и потому съ полемикой, вызванной моими трудами, знакомъ лишь со словъ моихъ русскихъ учениковъ и друзей. Изъ ихъ рассказовъ болѣе всего мнѣ бросился въ глаза тотъ фактъ, что взгляды мои большей частью пытались связать съ политическими спорами и съ этой точки зрѣнія бороться съ ними. Я очень хорошо понимаю, почему именно въ настоящее время подобное отношеніе къ философскимъ вопросамъ имѣетъ мѣсто въ Россіи, ибо мнѣ пришлось встрѣчать русскихъ студентовъ, которые научными вопросами интересовались повидимому лишь

тогда, когда имъ представлялась возможность употребить ихъ для обоснованія ихъ политическихъ идеаловъ. Но я все же хотѣлъ бы здѣсь самымъ рѣзкимъ образомъ заявить, что всякій, видящій въ моихъ взглядахъ политическую тенденцію, рискуетъ совершенно не понять ихъ. Меня прозвали философомъ буржуазіи. Почему? Потому что я между прочимъ оспариваю такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи Маркса и Энгельса? Но я вѣдь оспариваю его не изъ политическихъ, но изъ чисто логическихъ соображеній. Я пытаюсь показать, что политическая программа социализма выведена не на основаніи историческаго матеріализма, но что, наоборотъ, матеріалистическое пониманіе исторіи обязано своимъ существованіемъ политическимъ точкамъ зрѣнія цѣнности. Это говоритъ, правда, противъ чисто теоретической цѣнности марксистской философіи исторіи, но рѣшительно ничего не говоритъ противъ или за политическіе идеалы социализма. Не существуетъ ни буржуазной, ни пролетарской логики. Я не согласенъ съ марксизмомъ лишь постольку, поскольку нахожу, что теоретическіе и политико-практическіе мотивы переплетаются въ немъ совершенно недопустимымъ съ точки зрѣнія логики образомъ. Я нигдѣ не выражалъ своего отношенія къ политическимъ идеаламъ социализма. Моя философія исторіи во всякомъ случаѣ не зависитъ ни отъ какой партійной политики, и я поэтому прошу также и русскаго читателя отнестись къ ней безъ какого бы то ни было политическаго предразсудка.

Генрихъ Риккертъ.

Фрейбургъ въ Брейсгау Ноябрь 1907.

Примѣчаніе ко второму изданію.

Эта статья, впервые появившаяся въ печати два года тому назадъ, появляется нынѣ вновь въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ. Дополненія и исправленія касаются главнымъ образомъ нѣкоторыхъ возраженій, которыя направлены были противъ защищаемыхъ здѣсь взглядовъ, вызвавшихъ къ счастію довольно оживленную полемику. Общій ходъ мыслей, однако, остался тотъ же. Измѣнять его не было повода. При этомъ я конечно сознаю всю несправедливость моего отношенія къ цѣлому ряду появившихся въ послѣднее время интересныхъ полемическихъ статей, подробно критикующихъ мои взгляды: для болѣе подробной полемики съ ними у меня не было мѣста въ этомъ сборникѣ статей, посвященномъ чествованію, теперь же уже памяти знаменитаго историка философіи. Я надѣюсь однако сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ. Значительно расширенный указатель литературы предмета и теперь тоже конечно не притязаетъ на полноту. Изъ цѣлаго ряда болѣе мелкихъ статей, появившихся въ послѣднее время, я выбралъ главнымъ образомъ такія, которыя направлены противъ моихъ взглядовъ, чтобы дать читателю возможность ознакомиться съ тѣмъ, что было высказано противъ защищавшейся мною уже раньше и понынѣ еще защищаемой философско-исторической точки зрѣнія.

ВВЕДЕНІЕ.

Философскія науки къ началу 20 столѣтія все еще находятся въ состояніи реставраціи. Реставрація эта была обусловлена возрожденіемъ интереса къ Канту, и потому-то всѣ тѣ мысли, которыя составляютъ нынѣ главное достояніе воспитанной на Кантѣ философіи, возникли собственно не въ нашу эпоху: онѣ ведутъ свое происхожденіе отъ гораздо болѣе ранней поры философскаго развитія. Вѣдь все еще одной изъ главныхъ задачъ настоящаго момента является борьба съ натурализмомъ просвѣщенія, окончательно побѣдить который не удалось кантовскому идеализму. Конечно, правы и тѣ, которые стали бы утверждать, что и Кантъ въ значительной степени уже оставленъ позади. Но это произошло отнюдь не благодаря идеямъ, возникшимъ въ послѣднее время: почти каждый дѣйствительный прогрессъ относительно Канта движется въ направленіи уже предуказанномъ его непосредственными преемниками, нѣмецкими идеалистами, которые теперь вновь становятся въ центрѣ философскаго интереса. Въ виду этого изученіе исторіи философіи пріобрѣтаетъ въ наши дни особенное значеніе, и потому-то мы и чествовали Куно Фишера, который не только способствовалъ оживленію въ наше время интереса къ Канту и его пони-

манію, но и много содѣйствовалъ усвоенію мыслей е великихъ учениковъ.

Что мы вновь повторимъ уже совершенное нами развитіе отъ Канта къ Фихте, отъ послѣдняго къ романтикъ Шеллинга или Шопенгауера и отъ нихъ еще дальше къ Гегелю,—этого бояться нечего. Мы ужъ не можемъ воспользоваться философскими системами прошлаго въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ намъ даны. Наше новое время несетъ съ собой новые вопросы, которые требуютъ новыхъ отвѣтовъ. Да и вообще еще никогда ничто не повторялось въ исторической жизни. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что кантовскій и послѣ-кантовскій идеализмъ представляютъ изъ себя цѣлую сокровищницу мыслей, далеко еще не исчерпанную, у которой мы можемъ позаимствовать массу цѣнныхъ идей, несомнѣнно могущихъ пригодиться намъ при разрѣшеніи философскихъ проблемъ нашего времени.)

Изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ это въ особенности касается философіи исторіи. Именно въ послѣднее время интересъ къ ней возросъ до совершенно исключительныхъ размѣровъ, да и, повидимому, продолжаетъ все болѣе и болѣе возрастать. Но несмотря на это, то, чему она учитъ, отнюдь не является чѣмъ-то дотолѣ совершенно неслыханнымъ и новымъ, по крайней мѣрѣ основныя ея понятія далеко не новы. Преимущественно касается это тѣхъ направленій, которыя слывятъ нынѣ за особенно „современныя“; именно они почти всецѣло питаются отъ тѣхъ мыслей, которые были уже высказаны философами Просвѣщенія. И обратно: то направленіе, которое борется нынѣ съ тенденціями Просвѣщенія, точно такъ же должно съ благодарностью признать, что лучшее его оружіе выковано для него отчасти

Янтомъ, но въ еще большей степени послѣ-кантовскими идеалистами, въ особенности Фихте и Гегелемъ. Поэтому (тотъ, кто хотѣлъ бы составить себѣ представленіе о современномъ состояніи философіи исторіи и ея направленіяхъ, о главныхъ ея проблемахъ и о различныхъ попыткахъ ихъ разрѣшенія,—могъ бы для усвоенія основныхъ понятій попробовать прослѣдить въ прошломъ тѣ нити, которыя ведутъ къ нѣмецкому идеализму и даже еще глубже въ прошедшее—къ эпохѣ Просвѣщенія.) Но, конечно, и въ области философіи исторіи рѣчь будетъ итти не о простомъ лишь возрожденіи стараго. Чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно вспомнить о развитіи историческихъ наукъ въ 19-омъ столѣтіи, и во всякомъ случаѣ въ системахъ прошлаго мы должны отдѣлять долговѣчное и цѣнное отъ того, что стало уже „историческимъ“, и въ особенности отъ того, что явилось результатомъ возврата къ метафизическому догматизму. Для философіи исторіи это отчасти уже сдѣлано. Но еще много понадобится изслѣдованій, трудъ Ласка „Объ идеализмѣ и исторіи у Фихте“ покуда, наконецъ, ясно опредѣлится та сторона этихъ старыхъ идей, которая имѣетъ долговѣчное значеніе. Уже изъ этого одного видно, что историческій методъ не подходитъ для краткаго обзора современнаго состоянія философіи исторіи, какимъ хочетъ быть этотъ очеркъ. Но даже и независимо отъ этого, многое еще можно возразить противъ историческаго метода. Несмотря на всю благодарность, которую мы испытываемъ по отношенію къ великому прошлому философіи, несмотря на то, что мы безусловно признаемъ, что оно превосходитъ насъ въ творческой оригинальности, мы все же должны стремиться къ тому, чтобы выйти изъ состоянія эпигон-

ства, въ которомъ мы погрязли, чтобы, не повт
лишь вновь уже совершеннаго развитія отъ эпохи Гро
свѣщенія къ Канту, попытаться пойти своимъ собствен
нымъ путемъ. И именно для философіи исторіи, пожалуй,
особенно важно не забывать, что философъ не долженъ
никогда оставаться однимъ лишь историкомъ, что фило
софія никогда не должна растворяться въ исторіи. Въ
виду этого мы и попытаемся здѣсь, миновавъ прошлое,
дать систематическій очеркъ философіи исторіи.)

На этомъ пути, однако, мы наталкиваемся на цѣлый
рядъ трудностей. Результатомъ усиленныхъ занятій
исторіей философіи явилось не только обиліе философ
скихъ идей, но и довольно-таки большая путаница и
неувѣренность, затемнившая прежде ясный смыслъ са
мыхъ элементарныхъ понятій нашей науки. (На вопросъ,
что такое философія, теперь нельзя дать отвѣта, кото
рый бы всѣхъ удовлетворилъ. Если такъ обстоитъ дѣло
съ философіей вообще, то то же самое можно сказать и
объ отдѣльныхъ ея частяхъ. Чтобы избѣжать нареканій
въ неточности и неполнотѣ, мы, прежде чѣмъ обосно
вать собственное наше понятіе философіи исторіи, оста
новимся на различныхъ значеніяхъ, которыя вообще
возможно придать этому слову.)

(Три ясно различимыхъ понятія бросаются сразу въ
глаза. Философію вообще часто опредѣляютъ какъ науку
объ общемъ въ противоположность отдѣльнымъ наукамъ.
Подъ философіей въ такомъ случаѣ понимаютъ общее
познаніе о дѣйствительности, совокупность всего науч
наго познанія вообще. Соотвѣтственно этому опредѣ
ляется и понятіе философіи исторіи. Если отдѣльныя
историческія науки имѣютъ дѣло съ особыми областями
исторической жизни, то задачей философіи исторіи

является собрать вмѣстѣ добытые ими результаты,
объединить ихъ въ цѣльную, стройную картину, дать
общій обзоръ всей исторической жизни. Такимъ обра
зомъ въ этомъ первомъ своемъ значеніи философія
исторіи есть ни что иное какъ всеобщая, или „все
мірная“ исторія (Universalgeschichte).

Общность изложенія можно, однако, понимать раз
лично. Вернемся опять-таки къ общему понятію фило
софіи. Если задачей ея является общее познаніе дѣйстви
тельности, то это, конечно, не значитъ, что она должна
воспринять въ себя все богатое содержаніе, всю массу
матеріала, познаннаго отдѣльными науками. Скорѣе
наоборотъ: общность ея должна быть всегда связана съ
обобщеніемъ въ томъ смыслѣ, что содержаніе специаль
наго знанія при этомъ болѣе и менѣе утрачивается, такъ
что, наконецъ, обобщеніе это достигаетъ той степени
отвлеченія, когда предметомъ дальнѣйшаго рассматрѣ
нія остаются одни лишь общіе „принципы“. Такимъ
путемъ мы получаемъ еще одно новое понятіе фило
софіи исторіи. Согласно ему, философія исторіи, отвле
каясь отъ особенностей содержанія исторической жизни,
ищетъ общаго „смысла“ (Sinn) ея или общихъ ея „зако
новъ“. Даже не опредѣляя точнѣ понятія „смыслъ“ и „за
конъ“, мы все же наталкиваемся такимъ образомъ на
понятіе науки объ историческихъ принципахъ,
рѣзко отличающееся отъ понятія всеобщей исторіи.

Понимая же подъ исторіей не самую минувшую
дѣйствительность, но изображеніе этой минувшей дѣй
ствительности, или историческую науку, мы получаемъ,
наконецъ, третье понятіе философіи исторіи. Это по
слѣднее понятіе находится въ тѣсной связи съ много
кратно высказывавшимся взглядомъ на задачи филосо-

фии вообще, согласно которому философия, въ особенности теоретическая, касается не столько самих вещей, сколько знания о вещахъ. Такимъ образомъ подъ философией исторіи можно также подразумѣвать науку объ историческомъ познаніи, видѣть въ ней часть логики въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Можно, конечно, указать еще на возможность и такой науки, которая занималась бы выясненіемъ значенія историческаго мышленія для разработки общихъ проблемъ міровоззрѣнія и жизнепониманія. Всѣ эти вопросы, однако, лишены самостоятельнаго значенія, на нихъ легко будетъ дать отвѣтъ по выполненіи работы, указанной выше, и потому нѣтъ никакого основанія для выставленія четвертаго вида философіи исторіи: Такимъ образомъ, повидимому, остаются три одинаково правомѣрныхъ науки, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый кругъ проблемъ: это — всеобщая исторія, ученіе о принципахъ исторической жизни и логика исторической науки. Всѣ онѣ одинаково обладаютъ правомъ на названіе философіи исторіи.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, получается нѣсколько иная картина. Какимъ образомъ всеобщая исторія можетъ существовать наряду съ отдѣльными историческими науками? Можно ли видѣть въ ней простое лишь суммирование добытыхъ послѣдними результатовъ? Конечно нѣтъ. Отъ нея по крайней мѣрѣ будутъ требовать того, чтобы она изображала историческую жизнь въ видѣ единого цѣлаго. Что такое, однако, это цѣлое, въ чемъ состоитъ принципъ его единства и его расчлененія? Такимъ образомъ, разбирая основныя понятія философіи исторіи, мы отъ перваго ея вида необходимо приходимъ ко второму. Но точно

также мы не должны предполагать извѣстными, ссылаясь на очевидность, и тѣ понятія, которыми пользуется наука о принципахъ для опредѣленія своей задачи: будь то понятіе общихъ „законовъ“, которымъ должна быть подчинена вся историческая жизнь, или понятіе единого „смысла“, который долженъ быть положенъ въ основу всего историческаго развитія, какъ единого цѣлаго. Въ этихъ понятіяхъ сокрыты проблемы. Тогда какъ исканіе законовъ природы есть фактъ, самъ собой понятный и не требующій дальнѣйшихъ разъясненій, возможность находенія историческихъ законовъ оспаривается нерѣдко самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но если даже мы и отвлечемся отъ этого, возникаетъ новый вопросъ. Въ области естествознанія находеніе законовъ есть задача отдѣльныхъ наукъ. Почему же въ области исторіи задача эта выпадаетъ на долю философской науки? Далѣе: по какому праву принимаемъ мы, что историческій процессъ вообще имѣетъ какой-нибудь смыслъ? И какими средствами обладаемъ мы для его познанія? Философія исторіи, какъ наука о принципахъ, не можетъ даже приступить къ своей работѣ, не отвѣтивъ предварительно на поставленные вопросы. А она не сможетъ дать на нихъ отвѣта безъ яснаго проникновенія въ сущность историческаго познанія, т. е. безъ логическихъ свѣдѣній.) Такъ, вторая изъ трехъ разсматриваемыхъ дисциплинъ наталкиваетъ насъ на изученіе третьей, подобно тому какъ первая привела насъ ко второй. Такимъ образомъ (между различными видами философіи исторіи, которые сначала казались намъ тремя совершенно самостоятельными науками, имѣющими каждая свой особый кругъ проблемъ, обнаруживается извѣстная связь: логика исторіи (является)

исходнымъ пунктомъ и основой всѣхъ философско-историческихъ изслѣдованій вообще.) Лишь въ результатѣ самого дальнѣйшаго изслѣдованія обнаружится, въ какой мѣрѣ проблемы науки о принципахъ и всеобщей исторіи должны быть превращены въ логическія проблемы, если онѣ вообще поддаются разрѣшенію. Но уже изъ всего сказаннаго выше, кажется намъ, ясно, что не простое желаніе, а необходимость заставляетъ насъ начать этотъ очеркъ съ краткаго обзора важнѣйшихъ проблемъ и спорныхъ вопросовъ логики исторіи.

ГЛАВА I.

Логика исторической науки.

Въ той области философіи исторіи, къ обзору которой мы теперь приступаемъ, въ области логики исторической науки—наше время можетъ еще болѣе чѣмъ гдѣ либо притязать на извѣстную оригинальность. Въ философіи нѣмецкаго идеализма мы находимъ лишь нѣсколько, правда цѣнныхъ, но разобщенныхъ и несистематизированныхъ замѣчаній по вопросу о логическомъ формулированіи и трактованіи проблемъ. Въ докантовской же философіи прошлаго и настоящаго для выясненія этихъ вопросовъ не сдѣлано рѣшительно ничего. Несмотря на то, что связь между логикой исторіи и философіей исторіи въ широкомъ смыслѣ ярко бросается въ глаза, болѣе или менѣе серьезныя попытки понять логическую сущность историческихъ наукъ во всемъ ея своеобразіи восходятъ не далѣе какъ къ Паулю, Навиллю, Зиммелю и въ особенности къ Виндельбанду.) Относительно самыхъ элементарныхъ вопросовъ въ этой области еще до сихъ поръ господствуетъ ожесточеннѣйшая борьба мнѣній, такъ что логика исторіи, дѣйствительно заслуживающая этого имени, должна даже еще бороться за свое право на существованіе. Наряду

съ увѣренностью въ томъ, что философско-историческія проблемы возможно трактовать безъ всякой логической подготовки (напр. Линднеръ), мы даже встрѣчаемся съ прямою отрицаніемъ возможности выставленія чисто логическаго понятія исторіи и историческаго метода.

И не только лишь отсутствіе необходимой логической подготовки у многихъ участниковъ спора явилось причиной такого положенія вещей. Трудности, здѣсь встрѣчающіяся, также не могутъ служить причиной этого, ибо, при правильной постановкѣ вопроса, понятъ сущность исторіи отнюдь не труднѣе, чѣмъ познать характеръ другихъ наукъ. Но страннымъ образомъ именно въ постановкѣ вопроса не наблюдается совсѣмъ согласія. Казалось бы, это само собой понятно: тотъ, кто хочетъ добиться яснаго рѣшенія вопроса, прежде всего руководится при этомъ всѣми признанными трудами великихъ историковъ, устанавливая сначала тѣ особенности, которыми историческое мышленіе отличается отъ мышленія другихъ наукъ. Казалось бы далѣе, что сначала слѣдовало бы понятъ логическую структуру уже имѣющихся на лицо историческихъ наукъ, а ужъ затѣмъ лишь высказывать сужденія объ ихъ научной цѣнности. Но то, что понятно само собой, не является въ данномъ случаѣ общепринятымъ. Необходимость руководствоваться трудами великихъ историковъ до сихъ поръ отвергается многими въ виду якобы ненаучности послѣднихъ (напр., Лампрехтъ и Тённиесъ): то, что содержатъ въ себѣ ихъ произведенія, говорятъ они, не есть настоящая наука. Въ данномъ случаѣ они приступаютъ къ логическому изслѣдованію такой опытной науки, какой является исторія, съ уже предвзятымъ, заранѣе установленнымъ и до сихъ поръ еще не осуществленнымъ понятіемъ объ

этой наукѣ. Ихъ не смущаетъ то, что въ дѣйствительности не находится историковъ, удовлетворяющихъ ихъ идеалу; это означаетъ лишь, по ихъ мнѣнію, что исторію необходимо поднять на ступень науки. И такъ поступаютъ въ особенности тѣ, которые неустанно твердятъ, что опытъ (является) единственной основой всякаго знанія! Эта мысль о противоположности науки и исторіи прочно засѣла въ головахъ многихъ. И страннымъ образомъ именно эти мыслители считаютъ себя призванными указывать исторіи на ея истинныя цѣли.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что большинство историковъ не хотятъ даже и слышать о разсужденіяхъ подобнаго рода, столь чуждыхъ духу исторіи. Исторія и философія (удаляются) другъ отъ друга вслѣдствіе взаимнаго непониманія, и это дурно отзывается на обѣихъ наукахъ. Антиисторичная философія исторіи, особенно популярными теоретиками (не практиками) которой были прежде Тэнъ и Бокль, обновляется нынѣ вновь, напр. Лампрехтомъ, правда съ большимъ рвеніемъ, нежели ясностью. Со стороны эмпирической исторической науки она получила достаточную отповѣдь въ лицѣ Дройзена, Бернгейма, Белова, Эд. Мейера и др. Съ философской точки зрѣнія, однако, несмотря на много весьма цѣнныхъ результатовъ, многое также осталось еще невыясненнымъ въ этомъ методологическомъ спорѣ историковъ между собой,—въ спорѣ, въ которомъ къ чисто логическимъ вопросамъ примѣшался цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о свободѣ и необходимости, о законмѣрности и случайности, о телеологіи и механизмѣ. Этимъ и объясняется подчасъ весьма безпомощное положеніе тѣхъ историковъ, которые, слѣдуя философской „чертѣ вѣка“, обращаются отъ своихъ спе-

ціальнихъ научныхъ изслѣдованій къ вопросамъ болѣе общаго характера. Но еще болѣе страдаетъ отъ всего этого философія. Вслѣдствіе недостаточнаго пониманія историческаго мышленія, именно въ наше время пріобрѣтшаго громадное значеніе, она надолго утратила свое прежнее, нѣкогда могущественное вліяніе. Насколько эта потеря вліянія связана съ отсутствіемъ у нея чутья къ исторіи, это особенно ясно видно изъ того факта, что, если у иныхъ представителей такъ наз. наукъ о духѣ (Geisteswissenschaften) и появляется подчасъ интересъ къ философіи, ему почти всегда предшествуютъ изслѣдованія по методологіи исторіи.

И Непониманіе сущности исторической науки яснѣе всего, конечно, проявляется въ наше время у представителей натуралистическихъ догмъ, которыя нынѣ снова стали модой дня. При этомъ совершенно безразлично, въ какой формѣ выступаетъ этотъ натурализмъ: въ формѣ матеріализма или психологизма. Въ обоихъ случаяхъ признаніе за исторіей научнаго характера означало бы потрясеніе основныхъ натуралистическихъ понятій. Ибо, при послѣдовательности въ мышленіи, тамъ, гдѣ дѣйствительность отождествляется съ природой, для исторіи нѣтъ мѣста. Отчужденность нашей философіи отъ исторіи имѣетъ, однако, еще болѣе глубокія основанія. Если въ принципѣ натурализмъ, какъ міровоззрѣніе, и былъ окончательно побѣжденъ Кантомъ, то это преодоленіе натурализма шло у него, вообще говоря, помимо историческаго мышленія. Кантъ былъ все-таки ученикомъ Ньютона: въ лучшемъ случаѣ лишь отдѣльные замѣчанія изобличаютъ въ немъ нѣкоторое пониманіе историческаго мышленія. Вообще же говоря, методологія Канта, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ она

вылилась въ его главномъ теоретическомъ трудѣ, почти всецѣло опредѣлена интересомъ къ математикѣ и естествознанію (Naturwissenschaft). Это дѣйствительно и даетъ, повидимому, нѣкоторое право, отрицая научный характеръ исторіи, ссылаться при этомъ на Канта, какъ это и дѣлаетъ М. Адлеръ. Наконецъ, сюда еще приходится то обстоятельство, что (между естественными науками (Naturwissenschaften), поскольку онѣ являются науками систематическими, и философіей, которая точно такъ же ищетъ системы, имѣется гораздо больше чисто внѣшняго сходства, нежели между философіей и исторіей, которая никогда не можетъ стать систематической наукой. Болѣе того: можно даже говорить объ извѣстнаго рода антагонизмѣ между историческимъ и философскимъ мышленіемъ, антагонизмѣ, весьма плодотворномъ и желательномъ: ибо одной изъ задачъ философіи безусловно является борьба съ историзмомъ, какъ міровоззрѣніемъ. Все это, однако, въ еще большей степени увеличиваетъ значеніе логики исторіи.) Въ виду односторонности обоихъ, философія должна одинаково бороться какъ съ натурализмомъ, такъ и съ историзмомъ, а для того, чтобы борьба эта увѣнчалась успѣхомъ, ей необходимо понять сущность и значеніе историческаго мышленія. Этимъ ставится логикѣ новая задача: она должна окончательно преодолѣть методологическій натурализмъ, который еще и нынѣ защищается даже выдающимися кантіанцами, напр., Рилемъ, видящимъ въ немъ „единство научнаго метода“, — окончательно преодолѣть его во всей его односторонности и такимъ образомъ подойти къ пониманію всей научной работы, не исключая и исторической.)

(Утверждая, что для разрѣшенія этой задачи до сихъ

порь сдѣлано еще очень мало, мы, можетъ быть, на-
ткнемся на сильное сопротивленіе—въ виду множества
исслѣдованій о сущности „наукъ о духѣ“, предприня-
тыхъ со времени Милля. Мы, конечно, и не думаемъ
отрицать цѣнности всѣхъ этихъ трудовъ. Мы хотимъ
лишь сказать, что у Дильтея, Вундта, Мюнстерберга
и другихъ авторовъ, труды которыхъ во многихъ отно-
шеніяхъ весьма цѣнны, либо, какъ у Вундта и Мюн-
стерберга, совсѣмъ не задѣтъ тотъ основной централь-
ный пунктъ вопроса, уясненіе котораго есть необходи-
мое условіе дѣйствительно логическаго пониманія ис-
торіи, либо, какъ у Дильтея,—недостаточно рѣзко оттъ-
ненъ и не настолько выдвинуть впередъ, чтобы стать
дѣйствительно плодотворнымъ въ логикѣ исторіи. Это
видно уже изъ обычной для всѣхъ этихъ трудовъ терми-
нологіи, противопоставляющей наукамъ о природѣ
(Naturwissenschaften) науки о духѣ. Въ настоящее время
врядъ ли найдется что нибудь менѣе однозначное, чѣмъ
противоположность природы и духа (Geist). Каждый изъ ав-
торовъ, писавшихъ о сущности наукъ о духѣ, по-своему
опредѣляетъ также и основное понятіе „духа“; общее же у
нихъ всѣхъ собственно лишь то одно, что всѣ они во-
обще признаютъ существованіе двухъ различныхъ группъ
эмпирическихъ наукъ. Врядъ ли, исходя изъ понятія
духа, можно вообще притти къ согласію относительно
сущности историческаго мышленія. Въ основѣ всѣхъ
этихъ попытокъ заключается слишкомъ много предпо-
сылкъ, большей частью метафизическихъ, которыя предо-
ставляютъ лишь антиисторичному натурализму много
удобныхъ пунктовъ для нападенія. Единственное поня-
тіе духа, не требующее нынѣ болѣе подробнаго обосно-
ванія,—это понятіе психическаго въ своей противопо-

ложности къ понятію физическаго, ибо, конечно, всѣ ав-
торы, болѣе или менѣе принимаемые во вниманіе нау-
кой, согласны въ томъ, что то, что мы называемъ ра-
достью, или воспоминаніемъ или волей, не есть тѣло.
Точно также никто не станетъ отрицать, что объекты
исторіи, если вообще только имѣтъ въ виду отличіе фи-
зическаго и психическаго, подпадаютъ подъ понятіе пси-
хическаго, и что, слѣдовательно, исторія дѣйствительно
является наукой о духѣ постольку, поскольку она
трактуетъ главнымъ образомъ о психическомъ бытіи.
Но это единственное, не требующее дальнѣйшихъ
разъясненій однозначное понятіе духа рѣшительно ни-
чего не даетъ для логическаго разграниченія отдѣль-
ныхъ наукъ и для пониманія логической сущности исто-
ріи. Натурализмъ вполне справедливо будетъ утвер-
ждать, что, если духовное въ вышеприведенномъ смыслѣ
и не есть, конечно, тѣло, оно все же всецѣло относится
къ природѣ и потому въ одинаковой степени со всѣми
другими объектами природы должно стать предметомъ
единого и однообразнаго научнаго разсмотрѣнія. И это
не простая лишь теорія: практика современной психо-
логіи усиливаетъ достовѣрность этого утвержденія и
ставитъ его выше борьбы различныхъ методологиче-
скихъ воззрѣній. Защитники логической противополож-
ности природы и духа безсильны противъ утвержденій
подобнаго рода, безсильны постольку, поскольку ихъ
основное понятіе опредѣляется ими недостаточно безу-
коризненно; что же касается понятія духа, то дать ло-
гическое опредѣленіе его либо совершенно невозможно,
либо во всякомъ случаѣ возможно лишь тогда, когда
предварительно уже имѣется логическое понятіе исторіи.

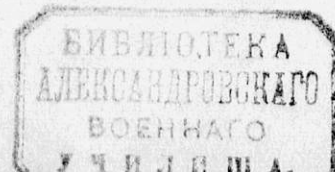
Ученіе о методѣ и не должно начинать съ разсмо-

трѣнія всѣхъ этихъ спорныхъ вопросовъ; его цѣлью является вѣдь уясненіе метода. Методъ же заключается въ тѣхъ формахъ, которыми пользуется наука при обработкѣ даннаго ей матеріала и прежде всего именно только въ формахъ. Конечно, и самъ методъ часто обусловливается особенностями матеріала. Совершенно неправильно, нападая на логическое трактованіе научныхъ методовъ, указывать при этомъ на то, что оно, игнорируя предметныя различія, необходимо лишается всякаго значенія. Выставляя въ началѣ формально логическія точки зрѣнія, мы вообще, однако, не игнорируемъ научнаго матеріала. Изслѣдованіе, принимающее во вниманіе различія въ содержаніи отдѣльныхъ наукъ, можетъ, конечно, привести иногда къ результатамъ, весьма цѣннымъ въ логическомъ отношеніи. Но это, вообще говоря, дѣло случая, и потому логикъ, желающій наиболѣе вѣрнымъ и кратчайшимъ путемъ достигъ своей цѣли, долженъ отвѣчаться отъ всѣхъ различій въ содержаніи отдѣльныхъ наукъ, чтобы тѣмъ лучше понять чисто формальныя методологическія различія.

Прежде всего онъ долженъ только имѣть въ виду, что, во-первыхъ, во всѣхъ эмпирическихъ наукахъ объектамъ противостоятъ познающій субъектъ, который—все равно, являются ли эти объекты духовными или тѣлесными явленіями, естественными процессами (Naturvorgänge) или продуктами культуры—принимаетъ ихъ просто, какъ „данные“ ему, и что, во-вторыхъ, субъектъ этотъ ставитъ себѣ цѣлью познаніе какой-нибудь части или даже всего даннаго ему міра. Далѣе нетрудно показать, что познаніе это не можетъ быть воспроизведеніемъ или отображеніемъ (Abbild) объектовъ, что оно есть, скорѣе, пре-

ображающее (umbildende) ихъ пониманіе. Чтобы доказать это, независимо отъ другихъ основаній, вполне достаточно простого соображенія, что данная дѣйствительность, которая является исходнымъ пунктомъ всякой эмпирической науки, представляетъ изъ себя, какъ въ цѣломъ, такъ и въ каждой своей части, совершенно необозримое многообразіе, не поддающееся никакому изображенію. По содержанію своему всякое сужденіе, высказывающее что-нибудь о дѣйствительности, необходимо является уже значительнымъ упрощеніемъ этой дѣйствительности. Воззрительно (anschaulich) данный матеріаль наука перерабатываетъ въ абстрактныя построенія мысли, къ которымъ лучше всего, въ отличіе отъ воззрѣнія, подходитъ названіе понятія. Въ этомъ абстрактномъ (begrifflich) процессѣ переработки и заключается та сторона научнаго метода, которая, съ точки зрѣнія логическихъ различій, является наиболѣе важной.

Далѣе однако—и это особенно важно отмѣтить—своеобразныя особенности различныхъ формъ научной работы, поскольку формы эти являются средствами для достиженія научной цѣли, должны всецѣло зависѣть отъ формальныхъ особенностей тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ познающій субъектъ. Логика, слѣдовательно, должна установить тѣ формально различныя задачи которыя различныя науки ставятъ себѣ, и попытаться понять научныя методы, т. е. въ данномъ случаѣ виды образованія понятій (Begriffsbildung), во всемъ ихъ различіи, смотря на нихъ, какъ на необходимо различныя средства для достиженія этихъ различныхъ цѣлей или какъ на необходимо различные способы преобразования и абстрактной обработки даннаго въ воззрѣніи матеріала. Само

собой понятно, что обнаруживающіяся при этомъ отличія въ методахъ и цѣляхъ чисто формальны; но именно вслѣдствіе своего чисто формальнаго характера они должны имѣть основное, рѣшающее значеніе для пониманія логической сущности научнаго метода. Какъ ученіе о методѣ, логика и имѣетъ сначала дѣло лишь съ формами мышленія, и, только по выясненіи этихъ формъ, она можетъ приступить къ вопросу о примѣненіи ихъ къ различному матеріалу отдѣльныхъ наукъ.

Если отъ этого общаго опредѣленія логики отдѣльныхъ наукъ мы обратимся къ особымъ задачамъ логики исторической науки, то намъ прежде всего необходимо будетъ уяснить себѣ основное формальное противорѣчіе въ нашемъ пониманіи эмпирической дѣйствительности; намъ нужно спросить себя, каково логическое значеніе этого противорѣчія, и затѣмъ указать, какой изъ элементовъ этого противорѣчія имѣетъ рѣшающее значеніе для историческаго изображенія (Darstellung) дѣйствительности.

Что существуютъ два принципиально различныхъ вида пониманія дѣйствительности, это, пожалуй, лучше всего можно видѣть на примѣрѣ тѣхъ донаучныхъ знаній, которыя мы составляемъ себѣ о той или иной части окружающаго насъ міра. Ошибочно было бы утверждать, что знанія эти являются отображеніемъ дѣйствительности, такой, какой она есть на самомъ дѣлѣ. Еще до того, какъ наука приступаетъ къ своей работѣ, уже повсюду находятъ она само собой возникшее до нея образованіе понятій, и продукты этого донаучнаго образованія понятій, а не свободная отъ всякаго пониманія дѣйствительность, являются, собственно, матеріаломъ науки. Внутри этого донаучнаго образованія по-

нятій имѣются, однако, весьма существенныя формальныя различія. Основное различіе заключается въ слѣдующемъ.

Безъ сомнѣнія, большая часть вещей и процессовъ представляютъ для насъ интересъ лишь постольку, поскольку они имѣютъ что нибудь общее съ другими вещами и процессами; поэтому лишь это общее и принимается нами во вниманіе, хотя фактически каждая часть дѣйствительности во всей своей индивидуальности безусловно отличается отъ другой ея части и хотя въ мірѣ ничто въ точности не повторяется. Въ виду того, что индивидуальность большей части объектовъ насъ совершенно не интересуетъ, мы и не знаемъ ихъ во всей ихъ индивидуальности; объекты эти являются для насъ лишь экземплярами общаго родового понятія, которые всегда могутъ быть замѣнены другими экземплярами того же понятія; иными словами, мы рассматриваемъ ихъ, какъ будто бы они были равными, хотя въ дѣйствительности они никогда не равны, и потому мы обозначаемъ ихъ общими родовыми именами. Это каждому знакомое ограниченіе интереса нашего общимъ, тѣмъ, что обще извѣстной группѣ предметовъ, иначе говоря—это генерализирующее пониманіе дѣйствительности (generalisierende Auffassung), которое заставляетъ насъ совершенно неправильно предполагать, будто въ мірѣ дѣйствительно существуетъ равенство и повтореніе,—этого рода пониманіе дѣйствительности обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ большой практической цѣнностью. Оно расчленяетъ для насъ и вноситъ извѣстный порядокъ въ необозримое многообразіе и пестроту дѣйствительности, оно даетъ намъ возможность въ ней ориентироваться.

Съ другой стороны генерализирующее пониманіе дѣйствительности отнюдь не исчерпываетъ нашего интереса къ окружающему насъ міру и, слѣдовательно, нашихъ знаній о немъ. Тотъ или иной предметъ часто интересуетъ насъ лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ что либо особенное, ему только присущее, (eigentümlich), что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ объектовъ. Нашъ интересъ, слѣдовательно, и наше знаніе о немъ направлены всецѣло на его индивидуальность, на то, что дѣлаетъ его незамѣнимымъ; и если мы также, конечно, знаемъ, что и его, подобно всѣмъ другимъ объектамъ, можно разсматривать какъ экземпляръ какого нибудь родового понятія, то мы все же не желаемъ приравнять его другимъ вещамъ, стремимся выдѣлить его изъ группы; на языкѣ это отражается въ томъ, что мы предметъ въ такомъ случаѣ обозначаемъ не родовымъ, а собственнымъ именемъ.

Также и этотъ родъ расчлененія и упорядоченія дѣйствительности или, иначе говоря, индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности (individualisierende Auffassung) знакомо каждому; оно и не требуетъ поэтому дальнѣйшаго разъясненія. Одно только важное обстоятельство слѣдовало бы особенно отмѣтить; знаніе индивидуальности какого нибудь объекта тоже отнюдь не является отраженіемъ его въ смыслѣ познанія всего многообразія его содержанія; наоборотъ, здѣсь также имѣютъ мѣсто извѣстнаго рода выборъ и преобразование первоначальнаго матеріала; изъ всей необозримой массы элементовъ выбирается опредѣленный комплексъ ихъ, который въ извѣстной особой связи принадлежитъ лишь одному опредѣленному объекту. Существуютъ вообще лишь индивидуальные, а никоимъ обра-

зомъ не общіе объекты, существуетъ лишь единичное (Einmaliges) и никогда не существуетъ ничего, что бы въ дѣйствительности повторялось:—въ виду того что истина эта, повидимому, все еще часто забывается, ее не мѣшаетъ вновь и вновь повторять. Мы должны поэтому различать между двумя видами индивидуальности: между индивидуальностью, присущей любой вещи и любому процессу, содержаніе которой совпадаетъ съ ея дѣйствительностью и познаніе которой столь же недостижимо, сколь и не нужно, и между индивидуальностью, полной для насъ значенія, состоящей изъ совершенно опредѣленныхъ элементовъ; мы должны разъ навсегда уяснить себѣ, что индивидуальность въ послѣднемъ, болѣе узкомъ и болѣе обычномъ смыслѣ, подобно общему родовому понятію, не есть дѣйствительность, но лишь продуктъ нашего пониманія дѣйствительности, нашего донаучнаго образованія понятій.

Различіе, которое мы выше пытались обрисовать, имѣетъ для логики громадное значеніе. Во-первыхъ, всякая научная работа примыкаетъ къ донаучнымъ процессамъ и ихъ результатамъ; мало того, на нее можно даже смотрѣть, какъ на планомѣрное продолженіе и развитіе уже раньше безсознательно начатаго умственнаго процесса. Далѣе, особенное значеніе это различіе имѣетъ потому, что оно чисто формально, ибо любой объектъ можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія обоихъ методовъ: генерализирующаго или индивидуализирующаго. Къ тому же, основываясь на противоположности общаго и частнаго, различіе это представляетъ изъ себя наибольшее различіе, которое только вообще мыслимо съ логической точки зрѣнія; между двумя крайними полюсами, его составляющими, должны помѣ-

ститься всѣ виды образованія понятій, такъ чтобы каждый изъ нихъ занималъ извѣстное мѣсто въ ряду, который такимъ образомъ получится. Обладаетъ ли это различіе какимъ нибудь значеніемъ для методовъ отдѣльныхъ наукъ? Если да, то именно изъ него должна исходить логика въ своихъ методологическихъ изслѣдованіяхъ.

Прежде всего, что касается генерализирующаго разсмотрѣнія объектовъ, то не только его практическое, но и его теоретическое значеніе для науки не подлежитъ никакому сомнѣнію. Методъ многихъ наукъ состоитъ именно въ подведеніи частнаго подъ общее, въ образованіи общихъ родовыхъ понятій, по отношенію къ которымъ объекты являются экземплярами. Понятія, возникающія такимъ образомъ, обладаютъ, конечно, самыми различными степенями общности, смотря по тому, для какой области (менѣе или болѣе обширной) они образованы. Но какъ бы даже ни былъ малъ ихъ объемъ и какъ бы ни было специально ихъ содержаніе,—познавать въ такомъ случаѣ всегда означаетъ понимать неизвѣстное какъ частный случай извѣстнаго; наука при этомъ отвлекается отъ всего индивидуальнаго и своеобразнаго, останавливаясь исключительно на общемъ. Высшая цѣль этого рода познанія заключается въ томъ, чтобы всю данную дѣйствительность (подвести подъ) общія понятія, заключить ее въ единую цѣльную систему взаимно подчиненныхъ, все болѣе и болѣе общихъ понятій, во главѣ которой должны стоять понятія съ безусловно общимъ содержаніемъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ объектовъ, подлежащихъ изслѣдованію. Гдѣ цѣль эта достигнута, тамъ найдено то, что мы называемъ законами дѣйствительности.

Мы не забываемъ при этомъ, что въ теченіе долгаго своего развитія наука выдѣлила много видовъ генерализирующаго метода, которые съ логической точки зрѣнія различаются между собой въ способѣ построенія своихъ общихъ понятій. Такъ, напр., общее понятіе закона (*allgemeiner Gesetzesbegriff*) современнаго естествознанія отличается, конечно, въ этомъ отношеніи отъ родового понятія античной натурфилософіи, и поэтому Риль вполне правильно указываетъ на различія, существующія между анализомъ отдѣльнаго факта и абстракціей, являющейся результатомъ сравненія многихъ фактовъ между собою. Но какъ бы то ни было: (является ли, какъ въ первомъ случаѣ, обобщеніе слѣдствіемъ познанія или, наоборотъ, какъ во второмъ, познаніе слѣдствіемъ обобщенія,—въ обоихъ случаяхъ для насъ важно сначала лишь обобщеніе вообще, какъ таковое. Мы отвлекаемся здѣсь отъ различій, имѣющихъ, быть можетъ, большое значеніе для другихъ логическихъ проблемъ, ибо насъ интересуетъ теперь лишь то, что составляетъ отличительную черту всякаго генерализирующаго метода въ противоположность индивидуализирующему методу, для котораго обобщеніе ни въ какомъ случаѣ не является цѣлью. Къ тому же для насъ здѣсь болѣе всего важенъ не путь, при помощи котораго находятся общія понятія, но лишь логическая структура уже найденныхъ, готовыхъ понятій и ихъ отношеніе къ эмпирической дѣйствительности, для которой эти понятія образованы. Какъ анализъ такъ и абстракція одинаково имѣютъ своимъ продуктомъ понятіе, применимое къ извѣстному множеству объектовъ и содержащее въ себѣ то, что общее всѣмъ этимъ объектамъ, между тѣмъ какъ индивидуальныя различія объ-

26/IV 22
12/V-56a. 1
10/18 741
11-1964

ектовъ игнорируются. Въ этомъ отношеніи совершенно безразлично, будемъ ли мы говорить о современномъ понятіи закона или объ античномъ родовомъ понятіи. Только это и нужно намъ теперь имѣть въ виду для того, чтобы охарактеризовать сущность генерализирующаго метода въ его наиболѣе общей формѣ, а также выяснитъ все то громадное значеніе, которое онъ имѣетъ для цѣлага ряда наукъ.

Если, понимая такимъ образомъ генерализирующій методъ, мы будемъ смотрѣть на понятіе закона, какъ на безусловно общее понятіе и, слѣдовательно, лишь какъ на наиболѣе совершенную форму общаго понятія вообще, то мы вполнѣ должны будемъ признать правомѣрность стремленія примѣнить этотъ методъ пониманія явленій ко всѣмъ областямъ дѣйствительности: во всѣхъ областяхъ жизни—въ духовной или тѣлесной, въ жизни природы или въ культурной жизни,—повсюду мы можемъ пытаться находить законы. Въ одной области это, конечно, можетъ быть труднѣе, чѣмъ въ другой; возможно даже, что въ нѣкоторыхъ областяхъ познаніе такихъ безусловно общихъ понятій недостижимо для человѣка, и что, въ такомъ случаѣ, стало бытъ придется довольствоваться чисто эмпирическими и нумерически общими понятіями. Въ принципѣ, однако, генерализирующій методъ, примѣнимъ всюду. Изъ этого, повидимому, вытекаетъ одно важное въ методологическомъ отношеніи слѣдствіе. Отсюда, именно, можно вывести то заключеніе, что научное мышленіе вообще совпадаетъ съ построеніемъ общихъ понятій, т. е. съ объединеніемъ въ одно того, что общеизвѣстному множеству объектовъ, при чемъ все равно, какимъ образомъ это общее найдено: путемъ абстракціи

или путемъ анализа, и что, слѣдовательно, съ чисто формальной точки зрѣнія существуетъ лишь одинъ научный методъ. Противоположность генерализирующаго и индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности имѣла бы, въ такомъ случаѣ, для логики значеніе лишь постольку, поскольку наука вообще устраняетъ все индивидуальное при посредствѣ общихъ понятій; а именно потому, что, изслѣдуя вопросъ этотъ, мы совершенно отвлеклись отъ особенностей матерьяла различныхъ наукъ, обычное раздѣленіе наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ лишается, повидимому, всякаго смысла, во всякомъ случаѣ оно утрачиваетъ свое формально методологическое значеніе. Духовную жизнь слѣдуетъ такъ же, какъ и тѣлесный міръ, разсматривать при посредствѣ генерализирующаго метода, а потому, конечно, и историческая наука должна тоже примѣнять именно этотъ методъ.

(На такихъ доводахъ основывается часто провозглашеніе универсальнаго метода, (Universal-methode), и надо сказать, что, въ силу своего чисто формальнаго характера, это лучшіе доводы изъ всѣхъ возможныхъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшая основа для методологическаго натурализма, ибо именно въ естественныхъ наукахъ генерализирующій методъ празднуетъ нынѣ блестящую побѣду. Та логика, однако, которая хочетъ понять дѣйствительно существующія науки, никогда не удовлетворится однимъ этимъ методомъ. Изъ того, что вся дѣйствительность можетъ быть подчинена генерализирующему методу, — положенія безусловно правильнаго, она никогда не будетъ дѣлать того заключенія, что построеніе общихъ понятій тождествен-

но съ научной работой вообще. Скорѣе наоборотъ: она задастъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли всѣ науки примѣняютъ этотъ методъ; и стоитъ ей только взглянуть на научную работу, о которой свидѣтельству- ютъ труды всѣхъ историковъ, чтобы отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Это не значитъ, конечно, что методъ исторіи во всѣхъ своихъ частяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ отлича- ется отъ метода естественныхъ наукъ. Для насъ важно здѣсь лишь отношеніе конечныхъ результатовъ исторической науки къ дѣйствительности, о которой она трактуетъ, т. е. способъ обработки и изображенія послѣдней. Въ особенности мы должны опять-таки при этомъ отвлечься отъ пути, при помощи котораго историческая наука постепенно достигаетъ своей цѣли; лишь въ такомъ случаѣ намъ удастся достаточно ясно отбѣнить противорѣчіе ея къ естествознанію. Пусть Риль до известной степени правъ, возражая противъ того, что методъ веденія научнаго доказательства въ такъ называемыхъ наукахъ о духѣ совершенно иной, нежели въ естественныхъ наукахъ, хотя въ историче- скихъ трудахъ врядъ ли легко можно будетъ найти примѣръ доказательства, покоющагося на анализѣ и экспериментѣ въ смыслѣ метода Галилея. Но какъ бы тамъ ни было, въ этой связи соображеніе это насъ не касается. Фактъ остается фактомъ: историческое изло- женіе въ своемъ окончательномъ видѣ или, употребляя слово „понятіе“ въ болѣе широкомъ и менѣе обычномъ смыслѣ слова, историческое понятіе относится къ объ- ектамъ, для которыхъ оно образовано и которыхъ оно подразумѣваетъ, совершенно, съ логической точки зрѣнія — принципіально иначе, чѣмъ это имѣетъ

мѣсто у продуктовъ всякаго генерализирующаго об- разованія понятій. Въ концѣ концовъ, фактъ су- ществованія научной исторической работы до того очевиденъ, что даже приверженцы генерализирующаго универсальнаго метода, или методологическаго нату- рализма не могутъ отрицать его. Желая помочь дѣлу, они говорятъ, что историческая наука нынѣ весьма еще несовершенна, и что лишь потому она не подходитъ подъ общее правило; но дальнѣйшій прогрессъ ея не- разрывно связанъ съ тѣмъ, что она все больше и больше будетъ примѣнять единственно научный, гене- рализирующій методъ. Этотъ взглядъ, однако, совер- шенно несостоятеленъ, и,—это слѣдуетъ всегда особенно сильно подчеркивать,—несостоятеленъ онъ отнюдь не потому, чтобы ту дѣйствительность, которую разматри- ваетъ исторія, нельзя было подводить подъ общія понятія, ибо этого логика, въ силу своего формальнаго характера, никогда не сможетъ доказать; несостоятеленъ онъ просто потому, что по логической сущности сво- ей историческая наука, поскольку она себя сознаетъ, совсѣмъ и не хочетъ обрабатывать дѣйствитель- ность съ точки зрѣнія общаго, а не хочетъ она этого дѣлать потому, что на этомъ пути для нея невоз- можно достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя она, какъ исторія, себѣ ставитъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ за- ключаются эти ея цѣли, съ чисто формальной точки зрѣнія? Всегда и всюду историкъ стремится понять историческій предметъ,—будь это какая нибудь лич- ность, народъ, эпоха, экономическое или политическое, религіозное или художественное движеніе, — понять его, какъ единое цѣлое, въ его единствен- ности и (Einmaligkeit) и никогда не повторяющейся

индивидуальности и изобразить его такимъ, какимъ никакая другая дѣйствительность не сможетъ замѣнить его. Поэтому исторія, поскольку конечной цѣлью ея (является изображеніе объекта во всей его цѣлостности (Totalität), не можетъ пользоваться генерализирующимъ методомъ, ибо послѣдній, игнорируя единичное, какъ таковое, и отвлекаясь отъ всего индивидуальнаго, ведетъ къ прямой логической противоположности того, къ чему стремится исторія.) При этомъ опять-таки пока еще рѣшительно все равно, принадлежитъ ли исторической объектъ къ міру духовнаго или тѣлеснаго, является ли онъ продуктомъ культуры или естественнымъ процессомъ; важно лишь одно: если какая нибудь часть дѣйствительности возбуждаетъ вообще къ себѣ историческій интересъ, то значить требуется изображеніе какого нибудь единичнаго объекта, обладающаго индивидуальнымъ содержаніемъ, ибо только такого рода изображеніе въ состояніи разрѣшить данную историческую задачу. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что исторія стремится дать отображеніе своего единичнаго объекта во всей его индивидуальности, ибо это—принципіально недостижимая задача: вѣдь и донаучныя наши познанія не даютъ намъ отображеній объектовъ, которые мы обозначаемъ собственными именами. Это не значить также, что, изображая свой предметъ во всей его индивидуальности, исторія изображаетъ его такимъ во всѣхъ его частяхъ; наоборотъ, ее интересуется лишь индивидуальность цѣлаго, а послѣдняя, если мы отвлечемся отъ мысли объ отображеніи, отнюдь не совпадаетъ съ суммой индивидуальностей его частей. Мы не отрицаемъ, наконецъ, того факта,

что на пути къ своей цѣли, напр. доказывая или опровергая фактичность какого нибудь лишь по преданію извѣстнаго намъ событія, исторія нуждается въ общихъ понятіяхъ и, стало быть, прибѣгаетъ къ услугамъ генерализирующаго метода, точно такъ же, какъ и обратнo, генерализирующія науки не могутъ обойтись безъ изображенія индивидуальнаго, служащаго исходнымъ пунктомъ при построеніи общихъ понятій. Пока мы хотимъ лишь выяснить логическую сущность конечной цѣли исторической науки и необходимо вытекающую изъ этой цѣли логическую структуру результатовъ историческаго изслѣдованія. Результаты же этого изслѣдованія, являясь пригоднымъ средствомъ для достиженія цѣли, могутъ состоять изъ однихъ лишь понятій съ индивидуальнымъ содержаніемъ.)

Если мы захотимъ примѣровъ, то, конечно, рѣшительно все равно, какого „направленія“ придерживается авторъ разсматриваемаго историческаго труда. Чтò бы мы ни взяли: „Всемирную Истроію“ Ранке, „Происхожденіе современной Франціи“ Тэна, „Исторію Германіи въ XIX столѣтіи“ Трейчке или „Исторію Цивилизаціи въ Англіи“ Бокля, „Основаніе Германской Имперіи Вильгельмомъ I“ Зибеля или „Культуру Возрожденія въ Италіи“ Буркгардта, „Шарнгорста“ Макса Леманна или „Исторію Германіи“ Карла Лампрехта,—повсюду мы находимъ, какъ это и явствуетъ изъ заглавій всѣхъ этихъ трудовъ, обозначающихъ какимъ нибудь собственнымъ именемъ опредѣленное историческое цѣлое, рядъ событій, изложенныхъ такъ, какъ они однажды произошли въ мірѣ, — и, какую бы форму имъ ни придавалъ историкъ, событія эти изображены во всей ихъ особенности (Besonderheit) и индивидуальности. Возь-

мемъ для примѣра хотя бы „Исторію Германіи“ Лампрехта, думающаго, что онъ работаетъ по „новому методу“. Что является существенной частью этого труда? Развѣ только то, что имѣется и у другихъ экземпляровъ общаго родового понятія націи, что, стало быть, точно также можно замѣтить и на развитіи французскаго, англійскаго, русскаго народа, и что повторялось и будетъ повторяться любое число разъ въ различныя эпохи и на различныхъ мѣстахъ? Стоитъ лишь поставить этотъ вопросъ, чтобы тотчасъ же стало ясно, что и тѣ историки, которые, стремясь образовать возможно больше общихъ понятій, въ теоріи отвергаютъ „индивидуалистическое“ пониманіе исторіи, на практикѣ тоже всегда рассматриваютъ свой объектъ индивидуализирующимъ способомъ.

Съ другой стороны, въ неисторическихъ трудахъ, чѣмъ бы они ни занимались: тѣлеснымъ міромъ или духовной жизнью — этотъ методъ, составляющій сущность всякаго историческаго изслѣдованія, никогда не примѣняется. Можно, конечно, вмѣстѣ съ Гефдингомъ,¹⁾ обращая обычное возраженіе противъ изложенной выше теоріи, сказать, что и естественныя науки также въ концѣ концовъ хотятъ лишь понять великій единственный процессъ, происходящій въ доступной намъ части вселенной, и что поэтому всѣ общіе законы естественныхъ наукъ суть лишь средства и пути для достиженія высшей цѣли. Въ извѣстномъ смыслѣ это правильно, ибо (какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи нѣтъ ничего, чтобы случалось болѣе чѣмъ одинъ разъ, и дѣйствительность не знаетъ повтореній. Общій предметъ, ко-

¹⁾ См. упомянутую въ предисловіи переводчика рецензію Гефдинга на сборникъ, въ которомъ помѣщенъ предлагаемый очеркъ. Срв. стр.

торый дѣлятъ между собой исторія и естествознаніе, какъ это указываетъ и Риль, индивидуаленъ: это единая дѣйствительность, понятая въ единичномъ своемъ развитіи.) Но это отнюдь не можетъ служить возраженіемъ противъ нашей теоріи: вѣдь это все же не значитъ, что естественныя науки должны понимать тѣ единичные процессы, которые онѣ изучаютъ, во всей ихъ единственности и индивидуальности, какъ то хочетъ дѣлать исторія и что онѣ лишь пока, временно, занимаются преимущественно частью нахожденіемъ общихъ законовъ. И здѣсь опять-таки достаточно лишь нѣсколькихъ примѣровъ. „Ученіе объ ощущеніяхъ токовъ“ Гельмгольца или „Зародышевая плазма“ (Keimplasma) Вейсмана, „Медицинская психологія“ Лотце или „Исторія развитія животныхъ“ Бэра, „Трактатъ объ электричествѣ и магнетизмѣ“ Максвелла или „Формы общественности и общество“ (Gemeinschaft und Gesellschaft) Тённиса, — всѣ эти труды въ концѣ концовъ рассматриваютъ у своихъ объектовъ, какъ это опять-таки указываютъ ихъ заглавія, состоящія исключительно изъ родовыхъ именъ, лишь то, что позволяетъ ихъ приравнивать другимъ экземплярамъ того же самаго понятія и о чемъ, стало быть, можно сказать что оно повторяется любое число разъ. Въ этомъ проявляется принципиальное и ни въ коемъ случаѣ не просто лишь количественное отличіе этихъ трудовъ отъ историческихъ. Что кромѣ генерализирующихъ наукъ о духѣ имѣются еще и индивидуализирующія науки о тѣлесномъ мірѣ, — это для насъ теперь не имѣетъ значенія. Намъ интересуется здѣсь не различіе духа и тѣла, но лишь формальное различіе научныхъ цѣлей и методовъ, поскольку они этими цѣлями обусловлены, — и

даже фанатики универсального метода вряд ли смогут отрицать указанное здѣсь нами различіе. Трудно понять даже, какъ объ этомъ вообще еще можно спорить. Говорить объ „единствѣ научнаго метода“ — это значить противорѣчить фактамъ. „Единство научнаго метода“ установится лишь тогда, когда историки перестанутъ заниматься исторіей.*

Такимъ образомъ, (исходнымъ пунктомъ логики исторіи мы выставляемъ слѣдующее положеніе: не только въ донаучныхъ нашихъ познаніяхъ существуютъ два принципиально-различныхъ способа пониманія дѣйствительности, генерализирующей и индивидуализирующей, имъ соотвѣтствуютъ также два съ логической точки зрѣнія принципиально-различныхъ вида научной обработки дѣйствительности, которые отличаются между собой какъ своими конечными цѣлями, такъ и своими конечными результатами.) Мы хотѣли бы здѣсь только замѣтить, что, отграничивая другъ отъ друга двѣ различныя группы наукъ, мы, понятно, не имѣемъ въ виду указать этимъ принципа для разграниченія научной работы. (Логическое дѣленіе не есть дѣйствительное разграниченіе; формальное же противорѣчіе не должно и не можетъ служить принципомъ для дѣйствительнаго разграниченія наукъ, ибо послѣднее зависитъ не отъ логическихъ различій, но отъ предметныхъ (sachlich) различій въ матеріалѣ. Совершенно нелѣпо, поэтому, отказывать въ логической цѣнности этому противорѣчію на томъ основаніи, что оно имѣется внутри каждой отдѣльной науки, что оно будто бы разрываетъ научную работу на части, противорѣчить фактамъ, желая раздѣлить то, что въ дѣйствительности повсюду связано. Не о фактическомъ, а лишь объ абстрактномъ разграни-

ченіи двухъ различныхъ научныхъ тенденцій идетъ здѣсь рѣчь, при чемъ въ дѣйствительности тенденціи эти могутъ быть весьма часто, даже, пожалуй, повсюду тѣсно сплетенными вмѣстѣ. И если бы даже на основаніи этого абстрактнаго разграниченія нельзя было бы дать логическаго дѣленія наукъ, — оно и тогда было бы необходимо. ✕ *den*

Переходя къ болѣе подробному опредѣленію сущности индивидуализирующаго метода, мы прежде всего должны подчеркнуть, что научный методъ отнюдь не совпадаетъ съ тѣмъ индивидуализирующимъ пониманіемъ дѣйствительности, которое было характерно для одной части нашихъ донаучныхъ знаній. Говоря о генерализирующемъ пониманіи дѣйствительности, мы вѣдь тоже начинаемъ говорить о методѣ лишь тамъ, гдѣ уже приступлено къ систематическому образованію понятій. Что соотвѣтствуетъ въ исторіи той систематической связи все болѣе и болѣе общихъ понятій, которая характеризуетъ генерализирующей методъ? Послѣ того, какъ мы установили исходный пунктъ для логики исторіи, дальнѣйшая наша задача и должна будетъ заключаться въ установленіи этихъ составныхъ частей, придающихъ индивидуализирующему методу научный характеръ. Здѣсь, конечно, мы вынуждены ограничиться лишь немногими пунктами, которые въ послѣднее время вызвали цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ и которые особенно пригодны для выясненія различія между индивидуализирующимъ и генерализирующимъ методами. (Мы начнемъ съ болѣе подробнаго выясненія понятія, уже въ самомъ началѣ выдвинутаго нами на первый планъ, понятія историческаго цѣлаго. *mu*

До-научное индивидуализированіе часто вырываетъ

свои объекты изъ окружающей ихъ среды, отграничивая ихъ этимъ другъ отъ друга и постольку изолируя ихъ. Изолированное, однако, никогда не бываетъ предметомъ научнаго интереса, и нѣтъ ничего неправильнѣе, чѣмъ отождествлять индивидуализирующій методъ съ простымъ сопоставленіемъ изолированныхъ фактовъ, какъ дѣлаютъ его противники. (Исторія, наоборотъ, стремится, подобно генерализирующимъ наукамъ, понять все въ извѣстной связи. Въ чемъ, однако, заключается историческая связь? Историческая связь всякаго историческаго объекта имѣеть, такъ сказать, два измѣренія, которыя можно было бы назвать измѣреніями широты и долготы, т. е. во-первыхъ, исторія должна установить отношенія, связывающія объектъ съ окружающей его средой, и, во-вторыхъ, прослѣдить отъ начала до конца въ ихъ взаимной связи различныя стадіи, послѣдовательно проходимыя объектомъ, или, иначе говоря, изучить его развитіе). Конечно, изображенный такимъ образомъ объектъ является самъ опять-таки частью болѣе широкой окружающей среды и болѣе долгаго развитія, и тоже самое можно сказать и объ этой болѣе обширной связи, такъ что въ концѣ концовъ получается рядъ двухъ измѣреній, который въ предѣлѣ приводитъ насъ къ послѣднему историческому цѣлому. Гдѣ лежитъ этотъ предѣлъ, съ помощью полученныхъ нами пока понятій мы еще не можемъ себѣ уяснить. Во всякомъ спеціальному историческому изслѣдованіи прекращеніе исканія исторической связи зависитъ отъ выбора темы. Здѣсь для насъ лишь (важно пока прочно установить понятіе исторической связи вообще, понимаемой нами какъ извѣстный рядъ развитія, имѣющій различныя связанныя между собою стадіи, связанный также съ окружающей его средой).

Это тѣмъ болѣе необходимо, что именно этотъ пунктъ подалъ поводъ къ цѣлому ряду недоразумѣній относительно сущности историческаго метода, при томъ недоразумѣній, весьма широко распространенныхъ. Въ противоположность къ отдѣльнымъ объектамъ связь можно называть общимъ элементомъ въ исторіи, откуда и возникло то мнѣніе, что историческая наука будто бы пользуется генерализирующимъ методомъ. Между тѣмъ включеніе объекта въ окружающую его среду, какъ это дѣлаетъ историкъ, есть процессъ, совершенно чуждый методу генерализирующихъ наукъ. Среда („milieu“) всегда индивидуальна, и поскольку она принимается во вниманіе историкомъ, — послѣдній всегда разсматриваетъ ее въ ея индивидуальности. Обща она лишь въ томъ смыслѣ, что включенные въ нее отдѣльные индивидуумы являются ея частями. А врядъ ли требуетъ еще доказательства то положеніе, что отношеніе части къ цѣлому не одно и то же, что отношеніе экземпляра къ родовому понятію, по отношенію къ которому экземпляръ этотъ является подчиненнымъ. Несмотря на это все таки часто еще смѣшиваютъ между собою различные виды „общаго“. Мы здѣсь укажемъ лишь на одно обстоятельство, которое намъ поможетъ уяснить основное логическое значеніе указаннаго различія. Въ сравненіи съ понятіями своихъ частей понятіе общаго цѣлаго, съ которымъ имѣеть дѣло исторія, богаче содержаниемъ, между тѣмъ какъ общее понятіе естествознанія необходимо должно быть бѣднѣе содержаниемъ, чѣмъ подчиненные ему экземпляры. Точно также, если содержаніе естественно-научнаго родового понятія съ возрастаніемъ его объема въ общемъ уменьшается, то, наоборотъ, вопреки обычному правилу

логики, (содержаніе понятія историческаго цѣлаго увеличивается съ увеличеніемъ частей, обнимаемыхъ этимъ цѣлымъ, ибо каждое изъ частичныхъ историческихъ понятій (Teilbegriff) присоединяется со всѣмъ своимъ содержаніемъ къ историческому понятію объ „общемъ“, т. е. болѣе обширномъ цѣломъ.) Именно потому, что исторія всегда разсматриваетъ единичное (Einzelnes) въ „общемъ“, т. е. какъ члена нѣкотораго цѣлаго, мы и должны причислять ее къ индивидуализирующимъ наукамъ, имѣя въ виду ея конечную цѣль.)

Разбирая понятіе историческаго развитія, мы получаемъ совершенно тѣ же результаты. Историческое развитіе тоже обще лишь въ томъ смыслѣ, что оно образуетъ собой нѣкоторое цѣлое, обнимающее всѣ свои части. И тутъ также содержаніе понятія, означающаго историческое развитіе, возрастаетъ съ увеличеніемъ количества стадій, этимъ понятіемъ обнимаемыхъ. Въ исторіи развитіе вѣдь всегда означаетъ возникновеніе чего-то новаго, до сихъ поръ еще нигдѣ не бывшаго.) А такъ какъ въ понятіе закона входитъ лишь только то, что всегда можно разсматривать такимъ образомъ, какъ будто бы оно повторялось любое число разъ, то поэтому понятіе историческаго развитія и понятіе закона взаимно исключаютъ другъ друга. Лишь вслѣдствіе многозначности слова „развитіе“ стало возможнымъ объединять вмѣстѣ эволюціонно-историческій и законѣрно-научный (gesetzeswissenschaftlich) методы и говорить о „законѣхъ развитія“, именно тамъ, гдѣ, какъ напр. въ „эволюціонно-исторической“ эмбриологіи, мы разсматриваемъ ряды развитія, имѣя въ виду лишь то, что они имѣютъ между собой общаго, и гдѣ, слѣдовательно, мы, совершенно оставляя въ сторонѣ историческое наро-

станіе новаго во всемъ его своеобразіи, строимъ общее понятіе для нѣсколькихъ рядовъ.

Съ другой стороны, въ виду возможности этого, нельзя, опредѣляя логическую сущность исторіи, ограничиться просто однимъ лишь понятіемъ развитія или „ряда“, противопоставляя уже рядъ, какъ таковой, закону, какъ этого хочетъ Ксенополь. Послѣдній правъ, утверждая, что историческіе объекты суть всегда ряды. Понятіе ряда, однако, все еще недостаточно для опредѣленія историческаго. Дѣйствительности, которая не была бы во времени и не измѣнялась бы въ немъ, и, слѣдовательно, не образовывала бы собою ряда, вообще не существуетъ. Абсолютно неизмѣняемы только понятія. Во всякомъ случаѣ: (всѣ ряды можно разсматривать также и генерализирующимъ образомъ, т. е. имѣя въ виду лишь то, что обще извѣстному множеству ихъ.) Такимъ образомъ объектами исторіи (являются) не ряды развитія вообще, но единичные и индивидуальные ряды развитія.) Поэтому совершенно неправильно видѣть отличительную черту исторіи въ противоположность другимъ наукамъ въ томъ, что предметъ ея составляетъ не индивидуальное, но развивающееся. Въ этомъ отношеніи исторія не противоположна другимъ наукамъ. Скорѣе наоборотъ, историческіе ряды развитія (суть) ни что иное какъ историческія индивидуальности, понятія нами въ процессѣ ихъ становленія и настанія, и потому изображеніе ихъ, подобно изображенію связи объекта съ окружающей его исторической средой, возможно лишь при посредствѣ индивидуализирующаго метода.) Даже болѣе того: „общая“ историческая связь и есть ни что иное, какъ само историческое цѣлое, а отнюдь не система общихъ понятій, и именно это цѣлое исторія разсматриваетъ всегда во

логики, (содержаніе понятія историческаго цѣлаго увеличивается съ увеличеніемъ частей, обнимаемыхъ этимъ цѣлымъ, ибо каждое изъ частичныхъ историческихъ понятій (Teilbegriff) присоединяется со всѣмъ своимъ содержаніемъ къ историческому понятію объ „общемъ“, т. е. болѣе обширномъ цѣломъ.) Именно потому, что исторія всегда разсматриваетъ единичное (Einzelnes) въ „общемъ“, т. е. какъ члена нѣкотораго цѣлаго, мы и должны причислять ее къ индивидуализирующимъ наукамъ, имѣя въ виду ея конечную цѣль.)

Разбирая понятіе историческаго развитія, мы получаемъ совершенно тѣ же результаты. Историческое развитіе тоже обще лишь въ томъ смыслѣ, что оно образуетъ собой нѣкоторое цѣлое, обнимающее всѣ свои части. И тутъ также содержаніе понятія, означающаго историческое развитіе, возрастаетъ съ увеличеніемъ количества стадій, этимъ понятіемъ обнимаемыхъ. Въ исторіи развитіе вѣдъ всегда означаетъ возникновеніе чего-то новаго, до сихъ поръ еще нигдѣ не бывшаго. А такъ какъ въ понятіе закона входитъ лишь только то, что всегда можно разсматривать такимъ образомъ, какъ будто бы оно повторялось любое число разъ, то поэтому понятіе историческаго развитія и понятіе закона взаимно исключаютъ другъ друга. Лишь вслѣдствіе многозначности слова „развитіе“ стало возможнымъ объединять вмѣстѣ эволюціонно-исторической и законѣрно-научный (gesetzeswissenschaftlich) методы и говорить о „законахъ развитія“, именно тамъ, гдѣ, какъ напр. въ „эволюціонно-исторической“ эмбриологіи, мы разсматриваемъ ряды развитія, имѣя въ виду лишь то, что они имѣютъ между собой общаго, и гдѣ, слѣдовательно, мы, совершенно оставляя въ сторонѣ историческое наро-

станіе новаго во всемъ его своеобразіи, строимъ общее понятіе для нѣсколькихъ рядовъ.

Съ другой стороны, въ виду возможности этого, нельзя, опредѣляя логическую сущность исторіи, ограничиться просто однимъ лишь понятіемъ развитія или „ряда“, противопоставляя уже рядъ, какъ таковой, закону, какъ этого хочетъ Ксенополь. Послѣдній правъ, утверждая, что историческіе объекты суть всегда ряды. Понятіе ряда, однако, все еще недостаточно для опредѣленія историческаго. Дѣйствительности, которая не была бы во времени и не измѣнялась бы въ немъ, и, слѣдовательно, не образовывала бы собою ряда, вообще не существуетъ. Абсолютно неизмѣняемы только понятія. Во всякомъ случаѣ: (всѣ ряды можно разсматривать также и генерализирующимъ образомъ, т. е. имѣя въ виду лишь то, что обще извѣстному множеству ихъ.) Такимъ образомъ объектами исторіи (являются) не ряды развитія вообще, но единичные и индивидуальныя ряды развитія. Поэтому совершенно неправильно видѣть отличительную черту исторіи въ противоположность другимъ наукамъ въ томъ, что предметъ ея составляетъ не индивидуальное, но развивающееся. Въ этомъ отношеніи исторія не противоположна другимъ наукамъ. Скорѣе наоборотъ, историческіе ряды развитія (суть) ни что иное какъ историческія индивидуальности, понятія нами въ процессѣ ихъ становленія и наростанія, и потому изображеніе ихъ, подобно изображенію связи объекта съ окружающей его исторической средой, возможно лишь при посредствѣ индивидуализирующаго метода.) Даже болѣе того: „общая“ историческая связь и есть ни что иное, какъ само историческое цѣлое, а отнюдь не система общихъ понятій, а въ нѣтъ, знно это цѣлое исторія разсматриваетъ всегда во

всей его личности, единственности и индивидуальности.

Переходя затѣмъ къ вопросу о роли, которую общія понятія играютъ въ исторической наукѣ, мы прежде всего замѣчаемъ, что всѣ элементы историческихъ сужденій и понятій—общіе. Они должны быть такими уже потому, что они вѣдь всегда обозначаются общепонятными словами, а также потому, что слова—общепонятны лишь благодаря тому обстоятельству, что они обладают общимъ, т. е. соотвѣтствующимъ многимъ объектамъ, значеніемъ (Bedeutung). Исторія, слѣдовательно, всегда прибѣгаетъ къ помощи общихъ понятій о дѣйствительности, пользуясь ими какъ послѣдними элементами для своихъ индивидуальныхъ понятій, и, лишь извѣстнымъ образомъ сочетая эти общіе элементы, она даетъ намъ индивидуализирующее изображеніе дѣйствительности.

Но этимъ еще не исчерпывается значеніе общихъ понятій въ исторіи. Они также необходимы и при установленіи исторической связи. Различныя стадіи историческаго ряда развитія, а также историческій объектъ и окружающая его среда соединяются между собой при посредствѣ причинной связи. Желая выяснить взаимную связь частей и цѣлаго, историческая наука и должна изобразить эти отношенія причинъ и дѣйствій. Конечно, нерѣдко высказывалось убѣжденіе, что объекты историческаго изслѣдованія или, во всякомъ случаѣ, одна часть этихъ объектовъ суть „свободныя“ существа, и что поэтому историку нечего искать причинныхъ связей. Не говоря уже о томъ, что понятіе свободы врядъ ли тождественно съ понятіемъ безпричинности и что вся эта проблема свободы воли относится болѣе къ этикѣ, нежели къ теоретической философіи,—для эмпирической науки понятіе безпричинности во всякомъ случаѣ ли-

шено всякаго смысла. И исторія тоже должна предполагать, что каждый ея объектъ есть необходимое дѣйствіе предшествовавшихъ ему событій,—и потому она тоже должна искать причинныхъ связей.)

Мы здѣсь снова наталкиваемся на одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, которые могутъ дать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. Мы имѣемъ въ виду провозглашеніе „причиннаго метода“ въ исторіи, который будто бы тождествененъ съ методомъ генерализирующихъ наукъ. Послѣднее, однако, правильно лишь въ томъ случаѣ, если понятіе причинности отождествлять съ понятіемъ закономѣрности. Тогда конечно всякая наука, которая ищетъ причинныхъ связей, и, слѣдовательно, также и исторія, является наукой, формулирующей законы (Gesetzeswissenschaft); но въ томъ-то и дѣло, что для подобнаго отождествленія не имѣется никакихъ основаній. Скорѣе наоборотъ: причинныя связи, если онѣ вообще обладаютъ эмпирической реальностью, суть части индивидуальной дѣйствительности, ибо кромѣ индивидуальной эмпирической дѣйствительности нѣтъ никакой другой дѣйствительности. Напротивъ, законы всегда общіе, и потому они лишь понятія, не больше; иначе они необходимо превращаются въ метафизическія реальности. Ученіе о методѣ должно быть, однако, свободно отъ метафизическихъ предпосылокъ, и потому оно можетъ имѣть дѣло лишь съ индивидуальными причинными связями, какъ частями эмпирической дѣйствительности, и съ законами, какъ общими понятіями.) Выраженіе „причинный методъ“, который нынѣ въ особенности любятъ противопоставлять „телеологическому методу“, ничего поэтому не говорить, именно потому, что каждая эмпирическая

наука имѣетъ дѣло съ причинными связями, и потому, что причинныхъ связей, какъ таковыхъ, еще совершенно не касаются методологическія различія: подобно всякой другой эмпирической и индивидуальной дѣйствительности онѣ допускаютъ по отношенію къ себѣ какъ генерализирующее, такъ и индивидуализирующее пониманіе.

Но, возвращаясь къ вопросу о значеніи общихъ понятій въ исторіи, мы должны замѣтить, что, если всякая историческая причинная связь между двумя стадіями историческаго ряда развитія есть процессъ, въ которомъ причина вызываетъ нѣчто такое, что еще никогда нигдѣ не было, то все же изображенія подобныхъ историческихъ причинныхъ связей нельзя достичь при помощи однихъ лишь абстрактныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ нѣкоторое общее содержаніе, и лишь особое сочетаніе которыхъ выражаетъ индивидуальность дѣйствительности, что именно и характеризуетъ всякое изображеніе индивидуальнаго. При изображеніи индивидуальныхъ причинныхъ связей сюда еще приходится нѣчто, что еще въ другомъ особомъ смыслѣ требуетъ употребленія общихъ понятій. Дѣло въ томъ, что историкъ не только хочетъ указать временную послѣдовательность причины и дѣйствія, но онъ хочетъ также постичь необходимость, съ которой изъ определенной индивидуальной, никогда не повторяющейся причины вытекаетъ определенное индивидуальное, никогда не повторяющееся дѣйствіе. При этомъ ему не обойтись безъ обходнаго пути общихъ понятій о причинныхъ отношеніяхъ и, если возможно, о причинныхъ законахъ (Kausalgesetz). Хотя названіе общихъ и менѣе всего подходитъ къ причинной связи, являющейся частью эмпи-

рической дѣйствительности, мы все же научно выразить необходимость этой связи можемъ лишь при посредствѣ пространственной и временной „схемы“ того, что повсюду и всегда было, есть и будетъ, и потому съ научнымъ изображеніемъ даже всякой индивидуальной причинной необходимости постоянно связано построеніе общаго понятія или, гдѣ это достижимо, общаго причиннаго закона. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется также обычное смѣшеніе закона и причинности. Такимъ образомъ, исторія, желая понять необходимость причинной связи и, стало быть, перебросить мостъ между индивидуальной причиной и ея индивидуальнымъ дѣйствіемъ, принуждена пользоваться при этомъ общими понятіями причинныхъ отношеній.

Какъ поступаетъ при этомъ исторія, это вопросъ, требующій особаго и подробнаго изслѣдованія. Здѣсь мы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ укажемъ только принципъ, которымъ исторія въ данномъ случаѣ руководится. Свою цѣль она достигаетъ тѣмъ, что разлагаетъ понятіе индивидуальнаго объекта, являющагося именно тѣмъ эффектомъ, необходимость появленія котораго нужно понять, на всегда составляющіе его общіе элементы, соединяя затѣмъ эти элементы съ такими же общими элементами понятія индивидуальной причины, при чемъ каждая пара соединенныхъ такимъ образомъ общихъ элементовъ выражаетъ необходимость причинной связи для той части дѣйствительности, которая ей подчинена. Затѣмъ, исторія собираетъ вновь общіе элементы понятія причины, которые прежде были рассмотрѣны каждый въ отдѣльности, объединяя ихъ снова въ одно понятіе, выражающее индивидуальность этой причины, и такимъ образомъ, съ помощью обходнаго пути

общихъ причинныхъ понятій, она проникаетъ въ необходимость связи индивидуальной исторической причины съ индивидуальнымъ историческимъ дѣйствіемъ. Само собой понятно, то, о чемъ мы говоримъ здѣсь, есть лишь логическій идеаль, вполне осуществить который невозможно тамъ, гдѣ не удастся каузально подчинить всѣ элементы понятія эффекта элементамъ понятія причины. И потому въ историческомъ изложеніи лишь весьма рѣдко можетъ исчезнуть тотъ ирраціональный остатокъ, который не поддается каузальному выведенію. Въ такихъ случаяхъ говорятъ часто о свободѣ, подразумеваемая подъ этимъ невозможность исчерпывающаго проникновенія въ причинную необходимость.

Какими средствами обладаетъ исторія для того, чтобы возможно полнѣе понять необходимость исторической причинной связи, и каково при этомъ ея отношеніе къ генерализирующимъ наукамъ,—подробное выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. И безъ того уже достаточно ясно, что и для историка важно знаніе причинныхъ законовъ, и что такимъ образомъ внутри самой исторической науки индивидуализирующій методъ можетъ быть самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ генерализирующимъ. Этимъ именно и объясняется стремленіе сдѣлать изъ исторіи науку, формулирующую законы. Точно такъ же, однако, ясно, что то обстоятельство, что понятія законовъ имѣютъ для историка извѣстное значеніе, отнюдь не мѣняетъ конечныхъ цѣлей исторіи и логической структуры ея метода, поскольку послѣдній этими цѣлями обусловленъ, а слѣдовательно въ особенности структуры историческаго изложенія въ его окончательномъ видѣ. Продукты генерализирующаго мышленія являются для нея всегда лишь

необходимыми путями или средствами; подобно общимъ элементамъ всѣхъ вообще историческихъ понятій, они служатъ лишь средствами для индивидуализирующаго изображенія историческаго цѣлаго.

Но даже разсмотрѣвши всѣ случаи, когда генерализирующій способъ является лишь средствомъ для индивидуализирующаго изображенія, мы далеко еще не исчерпали всего того значенія, которое имѣютъ въ исторіи общія понятія. Лишь историческое цѣлое разсматривается всегда съ точки зрѣнія его единственности и индивидуальности, а отнюдь не всѣ его части. Многія изъ нихъ вообще не принимаются историкомъ во вниманіе,—это тѣ, которыя не имѣютъ никакого значенія для индивидуальности цѣлаго; изображенныя же части въ большинствѣ случаевъ подводятся подъ общія групповыя понятія (Gruppenbegriffe). Мало того: можно вообще утверждать, что понятія о частичныхъ объектахъ (Teilobjekt), содержащія въ себѣ лишь единичное и индивидуальное, совсѣмъ не необходимы для историческаго изложенія, и что, слѣдовательно, въ послѣднемъ слѣдуетъ образовывать одни лишь групповыя понятія, содержаніе которыхъ обще извѣстному множеству объектовъ. Безъ такихъ групповыхъ понятій невозможно обойтись тамъ, гдѣ у историка не хватаетъ свѣдѣній для того, чтобы проникнуть въ индивидуальность изображаемыхъ имъ событій; въ такихъ случаяхъ онъ поневолѣ довольствуется общимъ понятіемъ. Часто, однако, и если возможно даже всегда, историкъ дѣйствительно-таки хочетъ строить одни лишь групповыя понятія, и въ такихъ случаяхъ кажется, что онъ даже и по цѣли своей пользуется генерализирующимъ методомъ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ понять еще одинъ

спорный вопрос, давший повод ко многим разговорамъ. Именно, приверженцы „новаго“ направленія въ исторіи говорили, что „старое направленіе“ дѣйствительно — таки было „индивидуалистично“, но только потому, что оно придавало слишкомъ большое значеніе политическимъ и другимъ событіямъ и, стало быть, отдѣльнымъ личностямъ „Новое“ направленіе, не желая оставаться на поверхности явленій, должно поменьше заниматься политическими дѣяніями отдѣльныхъ личностей; скорѣе наоборотъ: оно должно обращать вниманіе главнымъ образомъ на массовыя движенія; лишь такимъ путемъ оно сможетъ проникнуть въ подлинную „сущность“ развитія культуры. На этомъ основаніи старому „индивидуалистическому“ методу противопоставляютъ новый „коллективистическій“; а такъ какъ онъ пользуется одними лишь общими понятіями, то въ немъ и усматриваютъ новый методъ исторіи, единственно научный методъ, уже давнымъ давно примѣняющійся въ естественныхъ наукахъ.

Каково логическое значеніе этого воззрѣнія? Чтобы понять это, допустимъ, что историкъ дѣйствительно долженъ строить одни лишь групповыя понятія, ибо логическаго противорѣчія это положеніе въ себѣ не заключаетъ, подобно утвержденію, что цѣлью исторіи является построеніе системы общихъ понятій. Представимъ себѣ, на примѣръ, исторію Французской революціи, рассматривающую одни лишь массовыя движенія, потому что дѣйствія отдѣльныхъ личностей, участвовавшихъ въ революціи, кажутся историкъ несущественными. Можно ли было бы сказать, что этотъ новый методъ исторіи является дѣйствительно не только коллективистическимъ, но также и генерализирующимъ, что это — ме-

тодъ естественныхъ наукъ? Сколь бы очевиднымъ ни казалось мнѣніе это приверженцамъ новаго метода, оно все-таки ложно, ибо только части цѣлаго подводятся въ исторіи подъ общія понятія. (Какъ мы видимъ, послѣднее обстоятельство опять-таки имѣетъ при этомъ рѣшающее значеніе). Само же цѣлое даже и историки, пользующіеся коллективистическимъ методомъ, всегда рассматриваютъ во всей его единственности и индивидуальности, и потому, образуя общія групповыя понятія, они должны имѣть въ виду изображеніе индивидуальности цѣлаго. О генерализирующемъ методѣ можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы при посредствѣ этихъ групповыхъ понятій имѣлось въ виду изобразить любую революцію, а не, какъ мы это предполагаемъ,—и, поскольку рѣчь идетъ объ историческомъ изображеніи, необходимо должны предполагать,—одну опредѣленную Французскую революцію, начавшуюся въ 1789 г. и т. д. Поэтому противопоставленіе „индивидуалистическаго“ метода „коллективистическому“ — ошибочно. Въ большей или меньшей степени коллективистическимъ методомъ, т. е. построеніемъ групповыхъ понятій, пользуются и пользовались всѣ историки. И, если теперь иные историки чаще всего ограничиваются одними лишь общими фразами о характерѣ эпохи и массовыхъ движеніяхъ, говорятъ лишь о социальномъ психическихъ факторахъ и отвергаютъ за негодностью всю „индивидуальную психологию“ (которую, между прочимъ, одни лишь дилеттанты могутъ приводить въ связь съ „индивидуалистическимъ“ пониманіемъ исторіи), то это, пожалуй, содѣйствуетъ расплывчатости и неопредѣленности этой новой исторіи и вызываетъ иллюзію, будто они примѣняютъ „методъ естественныхъ наукъ“; непризна-

не роли выдающихся (wesentlich) личностей в истории, может быть, ведет их к прямому искажению фактов; но все это ничуть не изменяет индивидуализирующего характера исторического метода.

Мало того. Мы должны пойти еще дальше. Хотя общія групповыя понятія истории и содержатъ только то, что обще извѣстному множеству объектовъ, они все же не являются общими понятіями в смыслѣ понятій систематическихъ, генерализирующихъ наукъ. Дѣло въ томъ, что историкъ можетъ удовольствоваться групповымъ понятіемъ лишь въ томъ случаѣ, если въ немъ уже содержится индивидуальность всѣхъ членовъ этой группы, имѣющая для него извѣстное значеніе въ исторической связи. Такимъ образомъ, цѣлью, опредѣляющей построение историческихъ групповыхъ понятій, является не обобщеніе, подобное практикующемуся въ генерализирующихъ наукахъ, но изображеніе индивидуальности группы (Gruppenindividualität). Такого рода общія понятія также всегда являются продуктами индивидуализирующаго метода постольку, поскольку принципъ, опредѣляющій ихъ составныя части, неразрывно связанъ съ цѣлями индивидуализирующей истории и лишь въ связи съ этими цѣлями вообще можетъ быть понятъ. Ихъ можно поэтому также назвать индивидуализирующими коллективными понятіями, (Kollektivbegriff), въ отличіе отъ коллективныхъ понятій, строяемыхъ генерализирующими науками, а также отъ общихъ понятій, употребляемыхъ въ истории въ качествѣ средства.

Различіе это можетъ показаться слишкомъ уже искусственнымъ, если мы не примемъ во вниманіе еще другой стороны исторического метода. Дѣло въ томъ

что не только понятіе ряда, но также и понятіе единичнаго ряда недостаточно для опредѣленія историческаго. Для того, чтобы уяснить себѣ это, достаточно опять-таки вспомнить, что, вслѣдствіе индивидуальности и необозримаго многообразія дѣйствительности, индивидуализирующее пониманіе ея не въ состояніи разсмотрѣть всего индивидуальнаго многообразія дѣйствительности, но что историкъ, изображая ее, всегда принужденъ ее упрощать. Возможно что намъ на это возразятъ, что вѣдь историкъ въ большинствѣ случаевъ знаетъ о событіяхъ, которыя онъ хочетъ изобразить, гораздо меньше, чѣмъ ему это желательно, и что, стало быть, отъ него нельзя требовать еще большаго упрощенія имѣющагося у него матеріала. Какъ ни мало правдоподобно такое возраженіе, мы все таки должны его разсмотрѣть. Не объ упрощеніи этого матеріала, т. е. „источниковъ“, идетъ здѣсь рѣчь; ибо полнота или неполнота его съ логической точки зрѣнія случайна и потому не можетъ насъ здѣсь интересовать. Мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь содержаніе историческихъ понятій, которое несравненно проще сам ихъ историческихъ событій во всемъ ихъ многообразіи. Не все то, что мы могли бы знать объ этихъ событіяхъ, является въ нихъ историческимъ, и потому историкъ всегда выбираетъ изъ содержанія своихъ объектовъ то, что для него существенно. Въ исторической наукѣ выборъ этотъ и преобразование должны производиться на основаніи какого либо принципа, и лишь по точномъ выясненіи этого принципа мы сможемъ вполне проникнуть въ логическую сущность историческаго метода.

Для того, чтобы найти этотъ принципъ попробуемъ снова обратиться къ нашимъ донаучнымъ познаніямъ

Они находятся въ тѣсной зависимости отъ интереса, возбуждаемаго въ насъ окружающей насъ средой. Что означаетъ, однако, когда мы говоримъ, что насъ интересуютъ какіе нибудь объекты? Это значитъ, что мы не только представляемъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставимъ ихъ въ извѣстнаго рода отношеніе къ нашей волѣ, связывая ихъ съ нашими оцѣнками (Wertung). Если мы понимаемъ какой нибудь объектъ индивидуализирующимъ способомъ, то особенность его должна быть связана какъ имъ нибудь образомъ съ цѣнностями, которыя уже ни съ какимъ другимъ объектомъ не могутъ находиться въ такой же связи; если же мы довольствуемся генерализирующимъ пониманіемъ дѣйствительности, то съ цѣнностью связывается лишь то, что одинаково имѣется и у другихъ объектовъ и потому можетъ быть вполне замѣнено другимъ экземпляромъ того же родового понятія. Эта еще не выясненная нами сторона въ различіи генерализирующаго и индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности имѣетъ основное значеніе: въ соотвѣтствіи съ ней и оба научные метода также обнаруживаютъ принципиальную противоположность.

Если отъ до-научнаго генерализированія мы перейдемъ къ научному подведенію объектовъ подъ систему общихъ понятій, то мы замѣтимъ, что при этомъ мы не только лишь отвлекаемся отъ интереса къ единичному и индивидуальному; съ дальнѣйшимъ развитіемъ процесса построения системы все болѣе и болѣе порывается также и связь между цѣнностями и тѣмъ, что обще извѣстному множеству объектовъ. Допустимъ, что каждое общее понятіе подчинено какому нибудь еще болѣе общему и что, наконецъ, всѣ понятія подведены подъ одно самое общее понятіе, которое именно и

является цѣлью всего изслѣдованія; въ такомъ случаѣ также и всѣ объекты, для которыхъ система должна значить (gelten), должны разсматриваться такимъ образомъ, какъ будто бы они обладаютъ одинаковой цѣнностью или одинаково лишены всякой цѣнности, ибо принципъ, опредѣляющій то, что существенно въ какомъ нибудь объектѣ, отнюдь не есть болѣе первоначальный интересъ, но лишь положеніе, которое занимаетъ объектъ въ системѣ общихъ понятій. Такимъ образомъ, въ генерализирующей наукѣ постепенно вытѣсняется первоначальный типъ отдѣленія существеннаго отъ несущественнаго, которое сначала повсюду совершалось на основаніи точекъ зрѣнія цѣнности (Wertgesichtspunkte); оно замѣняется тѣмъ, что, существенное въ этихъ наукахъ совпадаетъ съ общимъ, какъ съ таковымъ. Это уничтоженіе всякой связи между объектами и цѣнностями или отвлекающееся отъ цѣнностей (wertfrei) пониманіе дѣйствительности составляетъ, слѣдовательно, вторую, еще не выясненную нами сторону генерализирующаго метода.

Можно, конечно, сомнѣваться въ томъ, чтобы въ дѣйствительности возможно было совершенно отвлечься отъ всякихъ цѣнностей. Никто вѣдь не изслѣдуетъ объектовъ, которые его такъ или иначе не интересовали бы, а тамъ, гдѣ есть интересъ, имѣется уже на лицо и связываніе съ цѣнностями (Wertverbindung). Все это вѣрно. Тѣмъ не менѣе, однако, этого рода интересъ относится къ психологическимъ предпосылкамъ, а не къ логической структурѣ наукъ. Мы должны всегда имѣть въ виду лишь логическій идеаль. И съ этой точки зрѣнія, естествоиспытателя объекты интересуютъ лишь постольку, поскольку онъ ихъ стре-

мится понять генерализирующимъ образомъ; поэтому каждый изъ нихъ неизбежно становится для него безразличнымъ экземпляромъ рода. Можно однако пойти еще дальше и утверждать, что какъ ни какъ, а интересъ къ генерализирующему образованію понятій все же есть интересъ, что отдѣленіе существеннаго отъ несущественнаго есть уже актъ оцѣнки (Werthen), и что, если такимъ образомъ понятіе существеннаго само становится понятіемъ цѣнности (Wertbegriff), то и связываніе съ цѣнностями не только психологически, но и логически неотдѣлимо отъ понятія научнаго образованія понятій. И это тоже вѣрно. Но дѣло въ томъ, что этого рода связываніе съ цѣнностями не касается самихъ объектовъ науки; при этомъ оцѣнивается только логическая цѣль науки, образованіе понятій; и именно потому, что эта логическая оцѣнка цѣли есть предпосылка всякой науки, какъ бы послѣдняя ни рассматривала своихъ объектовъ, т. е. отвлекаясь или не отвлекаясь отъ цѣнностей,—именно потому мы должны теперь отвлечься отъ нея, ибо мы хотимъ сейчасъ уяснить себѣ различные виды образованія понятій, и къ тому же насъ интересуеетъ лишь связь объектовъ съ цѣнностями. Если, такимъ образомъ, мы пожелаемъ придать нашему утвержденію наиболѣе безукоризненную форму, то мы можемъ его формулировать хотя бы слѣдующимъ образомъ: независимо отъ всѣхъ только психологическихъ и потому съ логической точки зрѣнія несущественныхъ связей съ цѣнностями, и независимо отъ признанной цѣнности цѣли генерализированія и вытекающаго отсюда значенія (Bewertung) общаго, являющагося существеннымъ,—генерализирующій методъ уничтожаетъ всякую связь между

своими объектами и цѣнностями, получая такимъ образомъ, возможность рассматривать ихъ какъ экземпляры общихъ родовыхъ понятій, при чемъ каждый экземпляръ свободно можетъ быть замѣненъ любымъ другимъ.

Обстоятельство это для насъ имѣетъ большое значеніе: оно указываетъ намъ также на другую еще не выясненную нами сторону научнаго индивидуализированія. Можетъ быть также и въ научномъ индивидуализированіи остается въ концѣ концовъ лишь та связь съ цѣнностями, которая является логической предпосылкой всякой науки, поскольку цѣль науки повсюду имѣетъ значеніе цѣнности, причемъ отдѣленіе существеннаго отъ несущественнаго, предпринятое на основаніи этой цѣли, и является извѣстнаго рода оцѣнкой? Или иными словами: можетъ быть историческая наука точно также отличается отъ до-научнаго индивидуализированія тѣмъ, что ведетъ къ уничтоженію всякой связи между объектами и цѣнностями, сохраняя лишь чисто логическія оцѣнки своихъ цѣлей? На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь отрицательно, ибо невозможно представить себѣ, на основаніи какого другого принципа, кромѣ принципа связи объектовъ съ цѣнностями, могло бы вообще возникнуть индивидуализирующее пониманіе этихъ объектовъ. Если мы уничтожимъ всякую связь между объектомъ и нашимъ интересомъ къ нему, то онъ будетъ для насъ имѣть лишь значеніе экземпляра какого-нибудь общаго понятія. Только логическая цѣль генерализированія вытѣсняетъ и замѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ связь объектовъ съ цѣнностями, на которой вообще говоря основывается различіе существеннаго отъ несущественнаго, при чемъ достигается

это тѣмъ, что общее, какъ таковое, является вмѣстѣ съ тѣмъ и существеннымъ. Въ противоположность этому логическая цѣль индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности, какъ таковая, не даетъ еще никакого указанія на то, индивидуальность какъ и хъ именно объектовъ существенна и что именно изъ ихъ индивидуальности должно быть принято во вниманіе историческимъ изложеніемъ. Соотвѣтственно этому оба вида образованія понятій обнаруживаютъ новую противоположность. Лишь подъ угломъ зрѣнія какой-нибудь цѣнности индивидуальное можетъ стать существеннымъ, и потому уничтоженіе всякой связи съ цѣнностями означало бы также и уничтоженіе историческаго интереса и самой исторіи.

Передъ нами, такимъ образомъ, не только открывается необходимая связь генерализирующаго метода съ отвлеченіемъ отъ всякихъ цѣнностей (въ указанномъ нами смыслѣ), но также и столь же необходимая связь между индивидуализирующимъ пониманіемъ объектовъ и привлеченіемъ точекъ зрѣнія цѣнности (Wertverbindende); говоря точнѣе цѣнность, являющуюся предпосылкой исторіи, составляетъ не только сама ея научная цѣль, какъ это имѣетъ мѣсто во всякой наукѣ, но къ логической сущности ея привходятъ еще и другія цѣнности, связанныя съ ея объектами, и безъ которыхъ невозможно вообще никакое индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности. Поэтому, чтобы понять и эту сторону логической структуры исторической науки, намъ нужно теперь поближе ознакомиться съ тѣмъ, каковы эти историческія цѣнности и какимъ образомъ онѣ приводятся въ связь съ историческими объ-

ектами. Установивъ сначала то, что общее какъ донучному, такъ и научному связыванью съ цѣнностями намъ теперь, конечно, необходимо будетъ рѣзко отдѣлить одно отъ другого.

Тотъ фактъ, что цѣнности вообще играютъ въ наукѣ рѣшающую роль и даже должны быть принципами образованія понятій, повидимому, противорѣчитъ существу науки. Не безъ основанія требуютъ именно отъ историка, чтобы онъ былъ возможно „объективнѣе“ въ своихъ изслѣдованіяхъ, и если цѣль эта до сихъ поръ еще никѣмъ вполне не достигнута, то она во всякомъ случаѣ служить логическимъ идеаломъ. Какъ согласовать съ этимъ то утвержденіе, что связываніе съ цѣнностью составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ историческаго метода? Развѣ не должны всѣ науки отвлекаться отъ всякаго рода цѣнностей, кромѣ чисто логическихъ? Въ противномъ случаѣ онѣ вѣдѣ теряютъ свой научный характеръ? Многіе дѣйствительно придерживаются этого мнѣнія, и еще недавно Ксенополь именно на этомъ основаніи построилъ свои возраженія противъ защищаемой здѣсь нами теоріи. На возраженія послѣдняго мы должны ему прежде всего замѣтить, что не только его опредѣленіе историческаго, какъ „ряда“, недостаточно и слишкомъ широко, но что также и другія попытки опредѣлить историческое безъ понятія цѣнности потерпѣли неудачу. Всякій долженъ признать, что исторія изображаетъ не все индивидуальное, но лишь „важное“, „значительное“: „интересное“, короче говоря—существенное. Что же, однако, является существеннымъ, если не имѣть въ виду генерализирующаго образованія понятій,—у котораго существенное совпадаетъ съ тѣмъ, что обще извѣстному множеству объ-

ектовъ? Эд. Мейеръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: историческимъ является все то, что дѣйствительно (wirk-sam), или было когда-нибудь таковымъ. Этимъ однако проблема отнюдь не рѣшена, но лишь отодвинута. Дѣйствительно все въ мѣрѣ, только большая часть дѣйствій не интересуется историка, послѣдній принимаетъ во вниманіе одни лишь „существенныя“ дѣйствія. Не дѣйствительное вообще, но лишь то, что имѣетъ или имѣло существенныя дѣйствія и потому само также существенно, является, такимъ образомъ, историческимъ. А безъ новыхъ понятій цѣнности, дополняющихъ чисто логическія цѣнности, это понятіе исторически существеннаго совершенно не поддается опредѣленію.

И все — таки стремленіе исключить изъ науки и стало быть также изъ исторіи всѣ не-логическія цѣнности имѣетъ за собой нѣкоторыя основанія. Эмпирическая наука дѣйствительно-таки не можетъ высказывать общеобязательныхъ (allgemeingültig) сужденій о положительной или отрицательной цѣнности вещей. И если все же связываніе объектовъ съ цѣнностями составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ исторической науки, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ ея объективности, то это только потому, что имѣется еще такой родъ связыванія съ цѣнностью, который не совпадаетъ съ практическимъ отношеніемъ къ объекту и съ актомъ оцѣнки его, что, напротивъ, можно также и чисто теоретическимъ образомъ относить (beziehen) объекты къ цѣнностямъ, при этомъ не оцѣнивая ихъ. Иными словами, суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: не является ли необходимымъ слѣдствіемъ того, что индивидуальность объекта становится существенной подъ

угломъ зрѣнія какой нибудь цѣнности, также и положительная либо отрицательная оцѣнка этого объекта что противорѣчило бы существу науки? На этотъ вопросъ мы должны дать рѣзко отрицательный отвѣтъ. Историческая наука, если мы отвлечемся отъ логической цѣнности ея научной цѣли, имѣетъ дѣло съ цѣнностями лишь постольку, поскольку объектъ, понятый индивидуализирующимъ способомъ, имѣетъ вообще какое-нибудь значеніе для цѣнности; ей не нужно, однако, разрѣшать вопроса о томъ, какую цѣнность имѣетъ данный объектъ: положительную или отрицательную; поэтому она и можетъ совершенно отвлечься отъ всякой — непременно положительной или отрицательной — оцѣнки. Такимъ образомъ, объективность исторіи, вопреки моменту цѣнности, совершенно не нарушается.

Говоря короче, мы должны рѣзко отличать практическую оцѣнку отъ чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности (Wertbeziehung). Всѣ сомнѣнія исчезаютъ тогда сами собой. Трудно понять, какъ могли сомнѣваться въ правомѣрности этого различенія. Теоретическое отнесеніе къ цѣнности большей частью до того само собой понятно, что мы его не замѣчаемъ. Только этимъ и можно объяснить, что на него совершенно не обращали вниманія. И все же совсѣмъ уже не такъ трудно уяснить себѣ его сущность, а также и его результаты. Если мы вспомнимъ, что мы никогда не знаемъ дѣйствительности такой, какой она есть на самомъ дѣлѣ — во всемъ ея необозримомъ многообразіи, — но что всякое знаніе есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразование дѣйствительности, — то станетъ ясно, что для того только, чтобы приступить къ спору о поло-

жительной или отрицательной цѣнности какой нибудь индивидуальности, спорящіе должны сначала имѣть уже общее имъ индивидуализирующее пониманіе дѣйствительности, полученное при посредствѣ чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности, независимо отъ различія ихъ практическихъ оцѣнокъ, ибо иначе споръ весь вращался бы не около одной и той же индивидуальности. Такимъ образомъ, какъ ни достовѣрно то, что теоретическое познаніе есть процессъ, принципиально отличающійся отъ акта положительной или отрицательной оцѣнки объекта, не менѣе достовѣрно также и то, что съ логической точки зрѣнія чисто теоретическое отнесеніе къ цѣнности принципиально отличается отъ акта оцѣнки и ничуть не противорѣчитъ научному познанію. Какъ историкъ, историкъ не оцѣниваетъ своихъ объектовъ; онъ лишь просто находитъ, эмпирически констатируя фактъ ихъ существованія, извѣстныя цѣнности, какъ напр. цѣнность государства, экономической организаціи, искусства, религіи и т. д., а теоретически относя объекты къ этимъ цѣностямъ, т. е. выясняя, имѣть ли, и если имѣть, то благодаря чему именно имѣть значеніе ихъ индивидуальность для этихъ цѣнностей, онъ получаетъ возможность расчленивъ всю дѣйствительность на существенные и несущественные элементы, при чемъ для этого ему отнюдь не нужно вступать въ прямую положительную или отрицательную оцѣнку этихъ самыхъ объектовъ.

Вполнѣ уяснимъ мы себѣ сущность историческаго отнесенія къ цѣнности тогда, когда мы установимъ еще второй пунктъ, въ которомъ научное и донаучное индивидуализированіе отличаются другъ отъ друга, при

чемъ нѣкоторое указаніе въ этомъ направленіи смогутъ намъ дать приведенныя выше въ качествѣ примѣра понятія цѣнностей. Для теоретическаго отнесенія къ цѣнности въ исторіи является характернымъ не только то, что оно не зависитъ отъ положительной или отрицательной оцѣнки объектовъ; оно еще и въ другомъ отношеніи должно быть свободно отъ всякаго произвола, именно въ отношеніи цѣнностей, къ которымъ объекты относятся. Это, однако, достигается тѣмъ, что историкъ расчленяетъ дѣйствительность на существенные и несущественные элементы, относя ее къ всеобщимъ (allgemein) цѣностямъ, т. е. къ такимъ цѣностямъ, которыя воплощены въ уже приведенныхъ выше примѣрахъ: въ цѣнности государства, искусства, религіи и т. д.

Несмотря на то, что въ концѣ концовъ все это вещи весьма простыя, съ ними связалось весьма много спорныхъ вопросовъ и недоразумѣній. Въ особенности характерно одно: основываясь на всеобщности историческихъ цѣнностей вновь стали говорить о томъ, что исторія все же пользуется генерализирующимъ методомъ. Это послѣднее мнѣніе можно обосновать хотя бы слѣдующимъ образомъ: государство вѣдь есть общее понятіе, и въ томъ случаѣ, когда историческія событія изображаются въ качествѣ политическихъ событій, политическая сторона ихъ, на основаніи которой они и являются исторически существенными, и есть вѣдь именно общее для нихъ всѣхъ. Подводя ихъ такимъ образомъ подъ общее понятіе политическаго, мы слѣдуемъ въ этомъ методу генерализирующихъ наукъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ объекты какъ экземпляры родового понятія. Обстоитъ ли дѣло дѣйствительно такимъ образомъ?

Что всеобщія цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ и общими понятіями—это вѣрно. Но что отнесеніе историческихъ объектовъ къ цѣностямъ—одно и то же, что и подчиненіе ихъ подъ общія понятія, и что потому логическая структура исторіи не отличается отъ логической структуры генерализирующихъ наукъ,—оба эти утвержденія совершенно ошибочны. Ибо во-первыхъ, исторія никогда не пытается сама строить или даже только систематизировать такія всеобщія понятія цѣнности, что она, будучи генерализирующей наукой, необходимо должна была бы дѣлать; она просто находитъ уже готовыми эти всеобщія понятія цѣнности, и лишь философія исторіи, а не эмпирическая историческая наука, можетъ, какъ мы это увидимъ далѣе, ставить себѣ задачей построеніе системы общихъ понятій цѣнности. Что для насъ, однако, здѣсь болѣе всего имѣетъ значеніе, это то, что всеобщность цѣнности для историка состоитъ не въ томъ, что цѣнности содержатъ въ себѣ нѣчто, общее нѣсколькимъ отдѣльнымъ цѣностямъ; здѣсь важно лишь то, что исторія относитъ свои объекты къ такимъ цѣностямъ, которыя признаются цѣностями всѣми тѣми, къ которымъ она обращается, или по крайней мѣрѣ всѣми ими понимаются, какъ цѣнности. Впрочемъ, отнесеніе объектовъ къ цѣностямъ неизбежно приводитъ къ индивидуализирующему пониманію дѣйствительности, все равно, являются ли цѣнности чисто индивидуальными или всеобщими въ вышеприведенномъ смыслѣ, ибо это послѣднее различіе касается лишь значимости (Geltung) цѣнностей, а не логической структуры отнесенія къ цѣнности. Короче говоря, то обстоятельство, что историческая наука, въ своемъ стремленіи къ общеобязательнымъ результатамъ, употребляетъ всеобщія цѣнности,

совершенно не затрагиваетъ противорѣчія между относящимъ къ цѣнности индивидуализирующимъ историческимъ методомъ и отвлекающимся отъ цѣнностей генерализирующимъ методомъ наукъ, формулирующихъ законы. При желаніи можно, конечно, сказать, что всякая наука, для того, чтобы быть общеобязательной, необходимо и всегда должна „подчинять“ частное общему. Подобное утвержденіе, однако, въ виду своей неопредѣленности весьма чревато недоразумѣніями и во всякомъ случаѣ ничего рѣшительно не говоритъ. Тотъ, кто почему либо хочетъ имъ пользоваться долженъ строго отдѣлать два рода подчиненія: генерализирующее подчиненіе отвлеченнымъ отъ цѣнностей родовымъ понятіямъ и понятіямъ закона, съ другой стороны, и индивидуализирующее „подчиненіе“ всеобщимъ понятіямъ цѣнности, съ другой; лучше всего поэтому употреблять слово подчиненіе лишь для обозначенія взаимнаго отношенія общихъ понятій между собою и экземпляра къ стоящему надъ нимъ родовому понятію, ибо иначе совершенно невозможно уберечься отъ ошибокъ.

Попробуемъ, проникнувъ теперь болѣе глубоко въ сущность индивидуализирующаго метода, возвратиться еще разъ къ тѣмъ историческимъ понятіямъ, которыя вслѣдствіе общности своего содержанія, казалось, говорили противъ того, чтобы называть исторію индивидуализирующей наукой. Мы еще лучше поймемъ теперь все отличіе историческихъ групповыхъ понятій отъ генерализирующихъ. Ихъ цѣль не совпадаетъ съ цѣлью понятій историческихъ частей, стремящихся выразить лишь индивидуальность историческаго цѣлаго, къ которому онѣ принадлежатъ; къ тому же, выборъ существеннаго при образованіи этихъ понятій опредѣленъ

всеобщей руководящей цѣнностью, къ которой ихъ объекты отнесены; иными словами, не общее, какъ таковое, является уже и существеннымъ въ нихъ, ибо единственнымъ логическимъ основаніемъ того, что содержаніе этихъ понятій состоитъ изъ общаго извѣстному множеству объектовъ, является то обстоятельство, что для всеобщей цѣнности, къ которой группа отнесена, имѣетъ значеніе лишь индивидуальность группы, а не индивидуальность отдѣльныхъ ея частей, и что поэтому групповое понятіе содержитъ въ себѣ уже достаточно индивидуальности для того, чтобы выразить то, что для относящагося къ цѣнности индивидуализирующаго изображенія дѣйствительности является существеннымъ. Такимъ образомъ, принципъ образованія историческихъ коллективныхъ понятій ничѣмъ не отличается отъ принципа образованія другихъ историческихъ понятій. Отсюда мы опять таки видимъ, какъ мало имѣетъ смысла называть методъ исторіи коллективистическимъ, съ точки зрѣнія его логической структуры. Споръ такъ называемаго коллективистическаго метода съ индивидуалистическимъ есть споръ о содержаніи исторической науки, т. е. онъ имѣетъ въ виду лишь вопросъ о томъ, въ какой степени отдѣльныя личности и въ какой степени движенія массъ обладаютъ значеніемъ по отношенію ко всеобщимъ цѣностямъ и, слѣдовательно, являются историческими; къ логическимъ проблемамъ метода онъ не имѣетъ никакого отношенія. Даже чисто коллективистическая исторія не только была бы, какъ мы это уже видѣли, индивидуализирующей, но и подобно всякому историческому труду, зависѣла бы отъ точекъ зрѣнія цѣнности.

Впрочемъ, въ послѣднее время все болѣе и болѣе

пробиваетъ себѣ путь сознаніе того, что точки зрѣнія цѣнности играютъ большую роль въ исторіи, причемъ возрастаетъ также стремленіе понять этотъ фактъ. Правда, вниманіе при этомъ не всегда направлено на два главнѣйшіе пункта: на отличіе теоретическаго отношенія къ цѣнности отъ практической оцѣнки и на всеобщность цѣнностей. Мы, конечно, не можемъ исчерпать здѣсь всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ проблемой цѣнности; еще на два пункта, однако, мы хотѣли бы обратить особое вниманіе.

Логическое изслѣдованіе никогда не можетъ запретить историку, не ограничиваясь теоретическимъ отношеніемъ къ цѣнности, подходить съ той или иной оцѣнкой къ своимъ объектамъ. Да и врядъ ли дѣйствительно найдется такой историческій трудъ, въ которомъ бы совершенно не было положительной или отрицательной оцѣнки объектовъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что не всюду, гдѣ оцѣнка (Werturteil) повидимому имѣется, она дѣйствительно-таки и подразумевается. Дѣло въ томъ, что во всякомъ историческомъ трудѣ можно будетъ найти такія предложенія, въ которыхъ къ нѣкоторымъ фактамъ, въ особенности къ человѣческимъ поступкамъ, прилагается сказуемое, выражающее похвалу или порицаніе, въ которыхъ констатируется то доброе или мужественное, то преступное дѣяніе, и въ этомъ, повидимому, и заключается отличіе исторіи отъ естественныхъ наукъ, для которыхъ пороки и добродѣтели суть такіе же продукты, какъ купоросъ и сахаръ. Ясно также, что подобными предложеніями историкъ можетъ выражать оцѣнку фактовъ. Въ весьма многихъ случаяхъ, однако, подобнаго рода сказуемое, повидимому выражающее оцѣнку, служитъ лишь для установленія факта и для чисто теоре-

тической характеристики событія. Называя, напр., какой-нибудь поступок преступнымъ, историкъ можетъ при этомъ имѣть въ виду лишь то, что источники заставляютъ признать, что передъ нами поступокъ, который всѣ называютъ преступленіемъ, и если другой историкъ обозначитъ этотъ поступокъ какимъ-нибудь инымъ словомъ, то это отнюдь не должно еще означать, что этотъ же поступокъ иначе оцѣниваетъ; онъ просто можетъ считать, что здѣсь весь поступокъ—иной, который онъ конечно, и называетъ иначе. Во всякомъ случаѣ, говоря о моментахъ цѣнности въ исторіи, слѣдовало бы всегда задавать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли имѣется сказуемое, повидимому выражающее оцѣнку, смыслъ оцѣнки, или не служитъ ли оно лишь для использованія обычно связаннаго съ нимъ словеснаго значенія въ цѣляхъ установленія факта, подобно тому, какъ это бываетъ съ словесными значеніями, которыя обыкновенно нельзя употребить въ цѣляхъ оцѣнки.

Если, слѣдовательно, иной разъ кажется, что оцѣнки встрѣчаются чаще, нежели это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, то, съ другой стороны, нужно признать, что въ извѣстномъ смыслѣ и оцѣнки, а не только отношеніе къ цѣнности, все же принадлежатъ къ элементамъ исторической науки. При этомъ, конечно, мы опять таки отвлекаемся отъ логической оцѣнки цѣли образованія понятій, оцѣнки, принадлежащей къ необходимымъ предпосылкамъ всякой науки, и имѣемъ въ виду лишь тѣ не—логическія цѣнности, безъ которыхъ исторія не могла бы существовать.

Сколь ни достовѣрно то, что теоретическое отношеніе къ цѣнности есть нѣчто совершенно отличное отъ практической оцѣнки объекта, и что, поэтому, историкъ

можетъ воздерживаться отъ оцѣнки своихъ предметовъ, не менѣе достовѣрно также и то, что въ области тѣхъ цѣнностей, къ которымъ онъ относитъ свои объекты, онъ, именно въ качествѣ историка, необходимо долженъ самъ подходить къ явленіямъ съ какой-нибудь оцѣнкой. Никто не можетъ писать или читать политической исторіи, не ставя политическія цѣнности въ извѣстное отношеніе къ своимъ собственнымъ положительнымъ или отрицательнымъ оцѣнкамъ, т. е. не подходя вообще съ какой-нибудь оцѣнкой къ политическимъ вопросамъ, ибо иначе, не оцѣнивая совершенно явленій въ этой области, онъ не могъ бы понимать цѣнностей, опредѣляющихъ выборъ историческаго матеріала, и потому не могъ бы имѣть также и по отношенію къ этому матеріалу никакого, даже малѣйшаго историческаго интереса. То же самое можно сказать и объ исторіи искусствъ, религій, хозяйства и т. д. Какъ на многое, что само собой понятно, на это часто совершенно не обращаютъ вниманія; даже находятся историки, которые увѣрены въ томъ, что они не только относятся чисто созерцательно по отношенію къ своимъ объектамъ, но что, какъ историки, они вообще являются людьми чистаго созерцанія. На самомъ же дѣлѣ историкъ и отличается отъ естествоиспытателя тѣмъ, что, работая, онъ не только долженъ признавать цѣнностью ту научную цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, но что онъ также извѣстнымъ образомъ относится, если не къ самимъ своимъ историческимъ объектамъ, то, во всякомъ случаѣ, къ тѣмъ всеобщимъ цѣностямъ, къ которымъ онъ, индивидуализируя, свои объекты относитъ.

Что касается, однако, логической сущности исторіи, то это обстоятельство все же не играетъ большой

роли, ибо оно относится лишь къ психологическимъ ея предпосылкамъ; это нужно особенно имѣть въ виду, иначе невозможно уберечься отъ недоразумѣній при выясненіи понятія чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности, а также его логическаго значенія. Только это и могъ имѣть въ виду Риль, утверждая, что требованіе, чтобы историкъ не оцѣнивалъ своихъ объектовъ, но лишь относилъ ихъ къ цѣностямъ, психологически невыполнимо. И именно для Рилия, съ рѣдкой ясностью проведеншаго различіе между логикой и психологіей, не должна имѣть значенія невозможность психологически отдѣлать оцѣнку отъ отнесенія къ цѣнности, ибо эта психологическая нераздѣльность ихъ совершенно не затрагиваетъ защищаемой здѣсь нами теоріи историческаго понятія, согласно которой послѣднее является продуктомъ теоретически относящей къ цѣнности индивидуализирующей обработки дѣйствительности. Впрочемъ: какое значеніе имѣетъ для вопроса объ „объективности“ историческихъ наукъ то обстоятельство, что исторія вообще можетъ имѣть смыслъ только для оцѣниваемыхъ существъ, въ какомъ отношеніи стоитъ эта объективность къ объективности генерализирующихъ наукъ, или наукъ, формулирующихъ законы, которымъ не нужно признавать никакой другой цѣнности, кромѣ цѣнности самой генерализирующей науки,—это все вопросы, разбирать которые мы здѣсь не намѣрены. Мы хотимъ здѣсь лишь выяснитъ логическую структуру фактически существующей исторической науки, просто лишь описать сущность ея относящаго къ цѣнности, индивидуализирующаго метода, какъ онъ дѣйствительно примѣняется, и понять этотъ методъ въ его логической необходимости, вытекающей изъ цѣли исторіи.

Исходя изъ указанныхъ выше мотивовъ, мы до сихъ поръ ничего не говорили объ особенностяхъ историческаго матеріала, и потому мы не могли также дать до сихъ поръ никакого отвѣта на вопросъ, почему именно матеріаль историческихъ наукъ мы обрабатываемъ не только генерализирующимъ, но и индивидуализирующимъ способомъ. Чтобы, наконецъ, вполне выяснить сущность исторической науки, мы должны попытаться отвѣтить и на этотъ вопросъ, постольку, конечно, поскольку матеріальныя особенности историческихъ объектовъ можно понять изъ формальной логической сущности историческаго метода.

Рѣшающее значеніе имѣетъ при этомъ, опять-таки, связь между индивидуализирующимъ и относящимъ къ цѣнности пониманіемъ дѣйствительности. Именно, потребность индивидуализирующемъ пониманіи дѣйствительности должна прежде всего находиться тамъ, гдѣ объекты тѣснѣе всего связаны съ цѣностями. Если мы вновь обратимся къ донаучному образованію понятій, то мы вспомнимъ, что характернымъ признакомъ его повсюду является то обстоятельство, что, во-первыхъ по преимуществу люди разсматриваются въ немъ, какъ индивидуумы, и что, во-вторыхъ, для индивидуальности этихъ людей особенное значеніе имѣетъ то, что является выраженіемъ ихъ духовной жизни (Seelenleben). Даже болѣе того. Для нашего индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности интересъ къ духовной жизни человека является до того господствующимъ, что понятіе индивидуума вообще сплошь и рядомъ склонны отождествлять съ понятіемъ личности и что нужно извѣстное усиленіе мысли, чтобы сознать, что вообще любому объекту въ такой же степени присущи абсолютно индивидуаль-

ныя черты. Должна ли исторія, какъ наука, относящая свои объекты не къ чисто личнымъ, индивидуальнымъ, но къ всеобщимъ цѣнностямъ,—должна ли она, и если да, то въ какой степени должна она изображать отдѣльныя личности,—это зависитъ исключительно отъ того значенія, которое отдѣльныя личности во всей своей единственности и своеобразіи имѣютъ по отношенію къ всеобщимъ цѣнностямъ, и постольку научное индивидуализированіе можетъ весьма сильно отличаться отъ донанучнаго. Въ виду того, однако, что исторіей занимаются люди, научное изображеніе единичнаго и особаго (Besonderes) и должно быть направлено главнымъ образомъ на духовную жизнь человѣка. На этомъ именно основаніи историческія науки и причислялись обыкновенно къ „наукамъ о духѣ“. Такимъ образомъ противорѣчіе наукъ о природѣ и наукъ о духѣ, которое мы сначала съ логической точки зрѣнія оспаривали, получаетъ теперь, съ предметной точки зрѣнія, нѣкоторое оправданіе, поскольку вообще, говоря о матеріалѣ исторіи, имѣетъ смыслъ различать между физическимъ и психическимъ.

Но это не можетъ, конечно, служить возраженіемъ противъ попытки придать въ логикѣ первенствующее значеніе противорѣчію генерализирующаго и индивидуализирующаго методовъ. Напротивъ, плохо обстояло бы дѣло съ нашимъ логическимъ дѣленіемъ наукъ, если бы послѣднее не въ состояніи было объяснить того факта, что индивидуализирующія науки занимаютъ преимущественно духовными явленіями. Мы не только попрежнему считаемъ, что различіе природы и духа не можетъ и не должно служить исходнымъ пунктомъ для логической теоріи, но даже думаемъ, что мнѣніе это наше теперь еще болѣе подтверждается. Дойдя въ свою очередь до

различія природы и духа, мы теперь вполне ясно видимъ, почему, называя исторію „наукой о духѣ“, этимъ терминомъ выражаютъ лишь такой признакъ исторической науки, который съ логической точки зрѣнія является второстепеннымъ, и почему, даже независимо отъ этого, терминъ этотъ непригоденъ для того, чтобы вполне точно охарактеризовать матеріалъ этой науки. Ибо, во-первыхъ, историкъ интересуется не исключительно, но лишь преимущественно духовной жизнью, и, во-вторыхъ, исторіи совсѣмъ не нужно проводить такого строгаго абстрактнаго различенія между духовной жизнью и тѣлесными процессами, какъ это дѣлаетъ психологія, разлагающая міръ на двѣ области, взаимно исключаящія одна другую. Напротивъ, исторія всегда видитъ въ духовной жизни лишь одинъ изъ элементовъ полной непосредственно пережитой дѣйствительности, понимая ее такимъ образомъ въ реальной связи съ тѣлесными процессами. Наконецъ, матеріаломъ исторической науки отнюдь не является вся духовная жизнь, даже не вся духовная жизнь человѣка, но лишь опредѣленная, сравнительно незначительная часть духовной жизни принимается главнымъ образомъ во вниманіе историкомъ. Поэтому для обозначенія сущности исторіи понятіе науки о духѣ является одновременно и слишкомъ узкимъ и слишкомъ широкимъ.

Для того, чтобы отграничить эту часть духовной жизни и тѣмъ самымъ еще точнѣе охарактеризовать матеріалъ исторической науки, мы должны опять-таки исходить изъ уже найденнаго нами понятія историческаго метода, и при томъ, имѣя въ виду особенности тѣхъ цѣнностей, которыя въ индивидуализирующемъ образованіи понятій опредѣляютъ выборъ существеннаго. Это

всегда всеобщія человѣческія цѣнности, иными словами, исторически существенными могутъ стать лишь тѣ объекты, которые по отношенію къ общественнымъ или социальнымъ интересамъ обладаютъ значеніемъ. Поэтому, вслѣдствіе исторической связи частей съ историческимъ цѣлымъ, т. е. съ обществомъ, главнымъ объектомъ историческаго изслѣдованія является не абстрагированный отъ него человѣкъ вообще, но человѣкъ, какъ социальное существо, и опять-таки лишь постольку, поскольку онъ участвуетъ въ реализаціи социальныхъ цѣнностей. При этомъ нужно, конечно, понятіе *societas* понимать въ возможно болѣе широкомъ смыслѣ, такъ, чтобы подъ него подпадали также и формы общенія людей науки и искусства. Если процессъ реализаціи всеобщихъ социальныхъ цѣнностей въ теченіе историческаго развитія мы назовемъ культурой, то тогда мы сможемъ сказать, что главнымъ предметомъ исторіи является изображеніе частей и цѣлаго культурной жизни человѣка, и что всякій съ исторической точки зрѣнія важный матеріалъ долженъ стоять въ какой нибудь связи съ культурной жизнью человѣка, ибо только въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть возможность относить его къ всеобщимъ цѣностямъ, изслѣдуя его во всей его особенности и индивидуальности.

Цѣнности, опредѣляющія въ исторіи выборъ существеннаго, можно поэтому также назвать всеобщими культурными цѣностями (*Kulturwerte*). Мы уже познакомились съ ними на примѣрахъ такихъ понятій цѣнности, какъ понятіе государства, права, искусства, религіи, экономической организаціи. Само собой понятно, что это не значитъ еще, что историкъ долженъ рѣшать, что является прогрессомъ и что регрессомъ культуры, ибо, рѣшая

этотъ вопросъ, онъ отъ теоретическаго отнесенія къ цѣнности перешелъ бы къ практической оцѣнкѣ явленій. Его собственные культурные идеалы совсѣмъ не должны имѣть рѣшающаго значенія при обработкѣ имъ своего матеріала, ему нужно лишь понимать всеобщія культурныхъ цѣнности людей и народовъ, имъ изображаемыхъ, для того, чтобы посредствомъ чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности отдѣлять существенное отъ несущественнаго. Историческое изслѣдованіе не ограничивается однако, одними только явленіями культуры. Въ особенности, когда рѣчь идетъ о выясненіи причинъ историческихъ событій, необходимо иногда принимать во вниманіе и такіе объекты, которые всецѣло принадлежатъ къ „природѣ“, т. е. къ дѣйствительности, понятой обыкновенно отвлекающимся отъ цѣнностей и генерализующимъ методомъ, но индивидуальность которыхъ точно такъ же имѣетъ значеніе, какъ, напр., климатическія особенности мѣстности, географическое положеніе страны и т. п. Объекты эти всегда, однако, должны находится въ причинной связи съ явленіями культуры, и при томъ историкъ всегда долженъ имѣть въ виду то значеніе, которое они имѣютъ для культурныхъ цѣнностей. Лишь въ такомъ случаѣ они могутъ имѣть мѣсто въ историческомъ изображеніи дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ центромъ изслѣдованія индивидуализирующей науки всегда должна являться какая нибудь часть единичнаго развитія культурной жизни.

Врядъ ли нужно еще особо разъяснять, что, утверждая это, мы отнюдь не имѣемъ въ виду защищать, какъ это часто нынѣ случается, какой-то особый „культурно-историческій методъ“ въ противоположность методу политической исторіи. Логика не можетъ рѣшить вопроса

о „подлинной области историческаго изслѣдованія“, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ вообще не совпадаетъ съ вопросомъ о сущности историческаго метода. Врядъ ли вообще имѣетъ смыслъ противопоставлять политическую исторію культурной, ибо и та и другая примѣняютъ одинъ и тотъ же индивидуализирующій методъ. Правда, возможно, что культурная исторія въ общераспространенномъ нынѣ болѣе узкомъ смыслѣ слова употребляетъ больше групповыхъ понятій, нежели исторія политическихъ событій. Мы знаемъ, однако, что сущность историческаго метода не мѣняется отъ большаго или меньшаго употребленія групповыхъ понятій. Да и независимо отъ этого, неизвѣстно еще, дѣйствительно ли культурная исторія должна быть болѣе „коллективистической“, нежели политическая исторія. Ибо ни для одной области культуры нельзя дать общаго рѣшенія вопроса о значеніи отдѣльныхъ личностей; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ этотъ долженъ рѣшаться особо.

Во всякомъ случаѣ, ученіе о методѣ должно коснуться всѣхъ этихъ вопросовъ лишь для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть, что они ничего не имѣютъ общаго съ логическими изслѣдованіями. Логическій дилеттантизмъ нашего времени также и сюда внесъ много путаницы, но значеніе его по существу не настолько велико, чтобы имѣло смыслъ разбирать его здѣсь болѣе подробно. Слово культура мы употребляемъ здѣсь въ такомъ смыслѣ, что политическая жизнь является частью культурной жизни вообще. Оно должно обозначать ничто иное, какъ совокупность объектовъ, имѣющихъ непосредственное значеніе для осуществленія всеобщихъ цѣнностей. Вслѣдствіе этого общеобязательнаго и необходимаго отнесенія къ цѣнности, генерализирующая наука не въ состояніи

дать вполнѣ исчерпывающаго изображенія этихъ объектовъ, они требуютъ обработки ихъ посредствомъ индивидуализирующаго метода. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ какомъ смыслѣ исторія необходима для культурнаго человѣка. Культурный человѣкъ (Kultur Mensch) всегда будетъ относить дѣйствительность къ всеобщимъ культурнымъ цѣностямъ, такъ что необходимо долженъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ реализовалась культура въ ея единичномъ развитіи, и отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать одна лишь индивидуализирующая исторія, а никакъ не генерализирующая наука.

am

Г Л А В А II.

Принципы исторической жизни.

Попробуем оглянуться еще разь назадъ. Мы видимъ, что съ помощью найденныхъ нами понятій можно построить систему эмпирическихъ наукъ, въ которой исторіи отведено опредѣленное мѣсто, какъ въ отношеніи ея метода, такъ и въ отношеніи ея матеріала. Исходя изъ этого построения, мы сможемъ, далѣе, понять и разработать и другія группы философско-историческихъ проблемъ.

Въ отношеніи метода отдѣльныя науки являются либо генерализирующими, либо индивидуализирующими. Ихъ матеріалъ состоитъ либо изъ объектовъ природы, т. е. дѣйствительности, утратившей всякую связь съ цѣнностями, либо изъ явленій культуры, т. е. дѣйствительности, отнесенной къ цѣнностямъ. Это все, конечно—и, въ виду возможности цѣлаго ряда недоразумѣній, мы обращаемъ на это особенное вниманіе—это все, конечно, лишь весьма общая схема. Выставляя ее, мы отнюдь не хотимъ утверждать, что отдѣльныя науки работаютъ при посредствѣ либо одного только генерализирующаго, либо одного лишь индивидуализирующаго метода, что онѣ занимаются либо одними лишь объектами природы, либо только явленіями культуры, и что объекты

природы можно разсматривать только генерализирующимъ, а явленія культуры только индивидуализирующимъ способомъ. Наоборотъ, при разработкѣ одного и того же матеріала различные методы бываютъ тѣсно сплетены другъ съ другомъ, такъ что указанные принципы могутъ комбинироваться между собой самымъ различнымъ образомъ. Исходнымъ пунктомъ для генерализирующей науки служатъ индивидуальныя факты, индивидуализирующей же методъ нуждается въ общихъ понятіяхъ какъ обходныхъ путяхъ для изображенія и связыванія объектовъ между собою. Нарядусъ генерализирующими науками о природѣ имѣется цѣлый рядъ наукъ, разсматривающихъ объекты природы индивидуализирующимъ способомъ и, стало быть, посредствомъ отнесенія къ цѣнности, хотя бы и непосредственнаго, а косвеннаго. Къ такимъ наукамъ принадлежатъ, напр., исторія происхожденія отдѣльныхъ организмовъ, геологія и, пожалуй, также и географія. И наоборотъ, явленія культуры, несмотря на отнесеніе къ цѣнности, могутъ быть разсматриваемы генерализирующимъ образомъ. Не говоря совсѣмъ о психологіи, цѣлый рядъ такъ наз. наукъ о духѣ, какъ напр. языковѣдѣніе, юриспруденція, политическая экономія, по крайней мѣрѣ отчасти, примѣняютъ методъ, который отнюдь не является чисто историческимъ, но стремится къ извѣстнаго рода систематизированію и который, несмотря на это, совсѣмъ не совпадаетъ съ методомъ генерализирующихъ наукъ о природѣ, почему логическая структура его и составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ и интересныхъ проблемъ ученія о методѣ. Но если бы даже всѣ эти проблемы и были бы въ концѣ концовъ достаточно подробно разработаны и разрѣшены, мы все же не можемъ даже и думать о томъ, чтобы когда нибудь построить во

всѣхъ отношеніяхъ законченную систему, въ которую бы вопли всѣ дѣйствительно существующіе научные методы во всемъ ихъ многообразіи, и при томъ цѣликомъ, безъ остатка, со всѣми ихъ частностями. Ибо научные методы, подобно самимъ наукамъ, не являются результатомъ чисто логическихъ соображеній, — они суть продукты исторіи, и именно вслѣдствіе невозможности обрабатывать историческое генерализирующимъ образомъ, они, подобно всѣмъ историческимъ явленіямъ культуры, не поддаются попыткѣ подвести ихъ подъ законченную, закругленную систему.

Но какъ бы ни были многообразны научныя стремленія, которыя логика должна не столько критиковать, сколько просто считаться съ ихъ наличностью, и какъ бы ни была ограничена цѣль логическихъ принциповъ дѣленія, лишь въ абстракціи (begrifflich) разъединяющихъ то, что въ дѣйствительности всегда тѣсно связано между собой, — все же исторія, которая трактуетъ о людяхъ, ихъ учрежденіяхъ и дѣяніяхъ, можетъ быть названа лишь индивидуализирующей наукой о культурѣ (Kulturwissenschaft), если мы будемъ имѣть въ виду ея послѣднія цѣли. Цѣлью ея всегда является изображеніе единичнаго, болѣе или менѣе обширнаго хода развитія во всей его единственности и индивидуальности, и объекты ея либо сами суть явленія культуры, либо находятся въ какомъ нибудь отношеніи къ культурнымъ цѣнностямъ. Этимъ собственно исторія принципиально отдѣлена какъ въ предметномъ отношеніи отъ естественныхъ наукъ, все равно, являются ли онѣ генерализирующими или индивидуализирующими, такъ и въ отношеніи метода — отъ всѣхъ тѣхъ наукъ о культурѣ, которыя разсматриваютъ свои объекты болѣе или менѣе систематическимъ обра-

зомъ. Въ этихъ рамкахъ и должна работать логика исторіи. Лишь тогда сможетъ она понять, что въ дѣйствительности представляетъ собою исторія, и лишь такимъ образомъ сможетъ она оказать истинную услугу философіи, которой для разрѣшенія ея проблемъ важно пониманіе того значенія, которымъ обладаетъ дѣйствительно существующая исторія. Построеніе же несуществующихъ наукъ будущаго — приемъ, особенно излюбленный нынѣ въ философіи исторіи — не имѣетъ никакой рѣшительно цѣны ни для спеціалиста-исслѣдователя, ни для философа, развѣ только цѣну устрашающаго примѣра.

Обращаясь теперь къ вопросу о принципахъ исторической жизни, мы должны точно также замѣтить, что разрѣшить его можно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ мы будемъ опираться на понятіе того, что историческими науками фактически изображается въ качествѣ исторіи. Мы уже знаемъ, что эти принципы ищутъ обыкновенно либо въ общихъ законахъ, либо въ общемъ смыслѣ исторической жизни. Для того, чтобы уяснить себѣ задачи философіи исторіи какъ ученія о принципахъ, нужно поэтому прежде всего опредѣлить, что можно и слѣдуетъ понимать подъ понятіемъ закона и подъ понятіемъ смысла исторіи, и лишь затѣмъ уже поставить вопросъ о томъ, что изъ нихъ заслуживаетъ названія историческаго принципа. Мы увидимъ далѣе, что эта альтернатива: законъ или смыслъ исторіи, подобно спору за генерализирующій или индивидуализирующій методъ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ борьбой двухъ главныхъ теченій въ современной философіи исторіи, и что побѣда въ этой борьбѣ опять-таки въ значительной степени зависитъ отъ проникновенія въ логическую сущность эмпирической исторической науки.

Слово законъ относится къ тѣмъ выраженіямъ, многозначность которыхъ подала поводъ къ цѣлому ряду неясностей и недоразумѣній. Если, отождествляя законъ съ причинностью, мы односторонне видимъ въ причинности форму генерализирующаго пониманія дѣйствительности, то, съ другой стороны, согласно также довольно распространенному словоупотребленію закономѣрный (gesetzlich) означаетъ вообще одно и то же, что и необходимый. Въ такомъ случаѣ слово законъ, означая причинную необходимость единичнаго и особаго, можетъ также означать и необходимость императива или цѣнности, объединяя, стало быть, вмѣстѣ такія разнородныя понятія, какъ необходимость и долженствованіе (Müssen und Sollen), — понятія, которыя нужно тщательно различать. Борьбѣ съ подобнаго рода словоупотребленіемъ, согласно которому слово „законъ“ употребляется въ трехъ столь различныхъ смыслахъ, было бы, вообще говоря, излишнимъ педантизмомъ и врядъ ли могло бы рассчитывать на успѣхъ. Въ философскихъ трудахъ, однако, слѣдовало бы избѣгать подобной многозначности въ словоупотребленіи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ она можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Во всякомъ случаѣ, говоря о томъ, что задачей философіи исторіи является отысканіе законовъ исторіи, подъ словомъ законъ здѣсь слѣдуетъ понимать ничто, иное, какъ естественный законъ (Naturgesetz). Только тогда можно связать съ этимъ утвержденіемъ опредѣленный и ясный смыслъ. Необходимость закона означаетъ въ такомъ случаѣ не необходимость цѣнности и не причинную необходимость индивидуальной дѣйствительности, но безусловную общность понятія, говоря точнѣе — необходимое соединеніе по крайней мѣрѣ двухъ общихъ понятій въ одномъ безусловно общемъ

сужденіи. При этомъ законъ означаетъ необходимое соединеніе частей самой дѣйствительности лишь постольку, поскольку онъ говоритъ, что, если какой нибудь объектъ среди другихъ признаковъ обнаруживаетъ также и такіе, которые являются элементами одного общаго понятія, то съ нимъ повсюду и всегда реально связанъ другой объектъ, у котораго между другими признаками имѣются также и такіе, которые образуютъ элементы другого общаго понятія. Короче говоря, именно въ той формѣ пониманія дѣйствительности, которую представляетъ изъ себя построеніе естественныхъ законовъ, генерализирующая наука о природѣ видитъ свой высшій идеаль.

Мы уже знаемъ, что исканіе законовъ въ этомъ смыслѣ никоимъ образомъ не можетъ служить послѣдней цѣлью эмпирической исторической науки. Историкъ, дѣлая это, перестаетъ тѣмъ самымъ быть историкомъ, онъ уже не хочетъ историческаго изображенія своего объекта. Если такимъ образомъ понятіе исторической науки и науки, формулирующей законы, взаимно исключаютъ другъ друга, то можно сказать, что понятіе „историческаго закона“ есть *Contradictio in adjecto*. При этомъ слово „историческій“ мы употребляемъ конечно въ указанномъ выше формальномъ или логическомъ смыслѣ, и логическимъ является это положеніе еще и потому, что оно не только не зависитъ отъ различныхъ мнѣній относительно матеріала исторіи, но также и отъ различныхъ взглядовъ относительно сущности дѣйствительности вообще. Онъ вполнѣ согласуется и съ материализмомъ и съ психофизическимъ параллелизмомъ, а также и съ спиритуалистической онтологіей и съ метафизическимъ ученіемъ о свободѣ. Даже если бы какимъ нибудь обра-

зомъ намъ и были въ совершенствѣ извѣстны всѣ законы какого нибудь объекта, то все таки и его исторія никогда не состояла бы изъ этихъ законовъ, она бы лишь пользовалась ими въ указанномъ нами смыслѣ—въ качествѣ обходныхъ путей для индивидуализирующаго изображенія историческихъ причинныхъ связей.

То, что относится, однако, къ эмпирической исторической наукѣ, не касается еще философіи исторіи. Такъ какъ стремленіе окутать каждую часть дѣйствительности системой общихъ понятій съ логической точки зрѣнія вполне правомѣрно, и въ виду того, что, и не будучи послѣдователемъ матеріализма или психофизическаго параллелизма, вполне можно вѣрить въ возможность подведенія подъ общіе законы всего бытія, вообще доступнаго эмпирическимъ наукамъ,—въ виду этого нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что философія исторіи, не будучи сама исторіей и, какъ философія, имѣя дѣло лишь съ „общимъ“, ищетъ законовъ для того же самаго матеріала, индивидуализирующее пониманіе котораго составляетъ задачу отдѣльныхъ историческихъ наукъ. Въ виду того, что матеріаломъ этимъ является преимущественно социальная жизнь человѣка, то отсюда возникаетъ мысль о философіи исторіи, какъ социологіи, ищущей законовъ, мысль, которая, будучи гораздо древнѣе Контовской терминологіи, и въ наши дни имѣетъ не мало приверженцевъ. Правда, она и до сихъ поръ еще не нашла, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе удачнаго научнаго выраженія, на логическомъ анализѣ котораго стоило бы остановиться болѣе подробно. Мы и ограничимся здѣсь поэтому лишь общей и краткой характеристикой этой точки зрѣнія, а потомъ перейдемъ къ ея критикѣ.

Соціологи эти стремятся къ такому познанію, которое, выходя за предѣлы отдѣльныхъ историческихъ трудовъ съ ихъ тяготѣніемъ къ частному, проникало бы въ общую сущность всего историческаго развитія. Конечно, говорятъ по крайней мѣрѣ наиболѣе разсудительные приверженцы этой точки зрѣнія,—конечно историческое познаніе единичнаго и индивидуальнаго не лишено цѣнности; наоборотъ, оно представляетъ изъ себя необходимое основаніе для болѣе общаго и болѣе широкаго изслѣдованія, но съ философско-исторической точки зрѣнія оно все же является только основаніемъ, лишь подготовительной работой. На этомъ историческомъ фундаментѣ должно возвести обширное зданіе философіи исторіи, постигающей въ законахъ вѣчный ритмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принципы всей исторической жизни.

Попробуемъ перейти къ оцѣнкѣ этого взгляда. Если слово исторической означаетъ не методъ, но матеріаль исторіи, то тогда дѣйствительно понятіе историческаго закона не заключаетъ въ себѣ повидимому никакого противорѣчія, и во всякомъ случаѣ попытка искать законовъ общественной жизни человѣка представляется вполне правомѣрной. Но тутъ возникаетъ вопросъ совершенно иного свойства. Имѣетъ ли смыслъ называть принципами исторической жизни тѣ законы, которые можно будетъ найти при помощи генерализирующей обработки того самаго матеріала, который исторія изображаетъ индивидуализирующимъ способомъ? И, слѣдовательно, можно ли называть социологию философіей исторіи? Это не только вопросъ терминологіи. Тѣ, кто отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, образуютъ, основываясь при этомъ на томъ, что законы должно искать для всей дѣйствительности и, стало быть, и для объектовъ истори-

ческихъ наукъ, забываютъ при этомъ два пункта, имѣющихъ рѣшающее значеніе. Дѣло въ томъ, что историческіе принципы должны быть, во-первыхъ, принципами культуры, и, во-вторыхъ, принципами историческаго у н и в е р с у м а (Universum). Законы въ смыслѣ естественныхъ законовъ могутъ ли удовлетворить этимъ условіямъ?

Для того чтобы уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, нужно опять-таки прежде всего имѣть въ виду, что ни до-научныя, ни какія бы то ни было научныя познанія наши объ эмпирической дѣйствительности не передаютъ намъ ея такой, какой она существуетъ независимо отъ нашего образованія понятій, что всякое познаніе есть скорѣе продуктъ преобразующаго пониманія дѣйствительности. Въ этомъ процессѣ преобразованія дѣйствительности наука должна лишь руководиться той цѣлью, которую она, какъ генерализирующая или индивидуализирующая наука, себѣ ставитъ; и поэтому генерализирующая наука сможетъ рассчитывать на отысканіе законовъ, лишь освободившись отъ всѣхъ нелогическихъ интересовъ къ дѣйствительности и руководясь, слѣдовательно, лишь тѣми интересами, которые направлены на построеніе безусловно общихъ понятій въ ея области. Она должна часто разъединять то, что съ другихъ точекъ зрѣнія кажется связаннымъ вмѣстѣ, и она должна соединять въ одномъ понятіи то, что съ точки зрѣнія другихъ интересовъ, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Этимъ она все болѣе и болѣе удаляется отъ до-научнаго пониманія дѣйствительности. Особенно ясно это тамъ, гдѣ уже имѣются законы съ болѣе широкимъ объемомъ. Достаточно только вспомнить, что науки, формулирующія законы, приводятъ къ принципиальному различенію между наполняющимъ пространство физическимъ и непротя-

женнымъ психическимъ, изображая такимъ образомъ два міра, между которыми невозможно болѣе установить никакой реальной связи, тогда какъ для нашего до-научнаго, а также и для нашего историческаго пониманія дѣйствительности обѣ эти области остаются неразрывно связанными другъ съ другомъ. Или стоитъ только вспомнить, что въ наукахъ, формулирующихъ законы, вещный (dinghaft) характеръ нашего представленія о мірѣ все болѣе и болѣе утрачивается, замѣняясь понятіями отношеній. Наука, формулирующая законы социальной жизни, будетъ и должна, понятно, требовать въ принципѣ такой же свободы для столь же далеко идущаго преобразованія дѣйствительности посредствомъ генерализирующаго образованія понятій. Обращаясь, однако, къ отношенію социологіи къ исторической жизни, мы замѣчаемъ, что социологія, желая вмѣстѣ съ тѣмъ быть и философіей исторіи, не можетъ такъ же свободно разрушать всѣ тѣ формы и способы пониманія дѣйствительности, которые руководятся какой-нибудь иной цѣлью, а не ея цѣлью познанія законовъ.

Допустимъ, что социологія дѣйствительно такъ обрабатываетъ тотъ же самый матеріалъ, что и исторія. Тогда задачей ея будетъ во всякомъ случаѣ отысканіе законовъ культурной жизни человѣка, ибо историческая наука имѣетъ дѣло лишь съ явленіями культуры или съ тѣми частями дѣйствительности, которыя находятся съ ней въ какомъ-нибудь отношеніи. Культура же ни въ какомъ случаѣ не есть свободная отъ всякаго пониманія дѣйствительность, которую можно подвергнуть любой обработкѣ и любому преобразованію посредствомъ понятій. Она, напротивъ, есть продуктъ извѣстнаго пониманія, опредѣленная вырѣзанная изъ дѣйствительности часть ея, при чемъ остается совер-

шенно открытымъ, значать ли именно для нея и только ли для нея соціологическія понятія закона. Къ тому же эта вырѣзанная изъ дѣйствительности часть ея уже вполне опредѣленнымъ образомъ расчленена и преобразована при посредствѣ культурныхъ цѣнностей. А кто можетъ поручиться, что это расчлененіе, на основаніи котораго мы и назвали культурой извѣстную часть дѣйствительности, останется нетронутымъ послѣ того, какъ генерализирующее образованіе понятій попробуетъ и сюда наложить свою тяжелую руку? Такое совпаденіе совсѣмъ не необходимо. Въ виду этого хотя соціологія, какъ наука, формулирующая законы, и рассматриваетъ среди другой не исторической общественной жизни также и ту часть дѣйствительности, которую обрабатываетъ и исторія, она все же рассматриваетъ ее не какъ ту же самую дѣйствительность, иными словами она смотритъ на нее, не какъ на культуру. А что общность матеріала въ этомъ смыслѣ врядъ ли имѣетъ большое значеніе, это видно уже изъ того соображенія, что вѣдь общій объектъ является въ такомъ случаѣ частью того необозримаго многообразія, которое не только не входитъ, какъ таковое, ни въ какую науку, но о которомъ вообще мы можемъ говорить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не входя въ его частности, т. к. мы вообще узнаемъ его, лишь понимая его какимъ нибудь образомъ и притомъ при помощи понятій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что не только генерализирующій и индивидуализирующій методы несоединимы въ спеціальныхъ наукахъ, но что, кромѣ того, нѣтъ также никакой гарантіи въ томъ, что закономерно-научный и культурно-научный способы изслѣдованія соединимы въ философіи исторіи; скорѣе наоборотъ, при тѣс-

ной связи индивидуализирующаго метода съ отнесеніемъ къ цѣнности, если логически и не невозможно, то во всякомъ случаѣ весьма маловероятно, чтобы понятія закона совпадали всегда по своему содержанію съ общими понятіями наукъ о культурѣ. (Kulturbegriff). Все это колеблеть въ принципѣ понятіе соціологіи, какъ философіи исторіи, хотя она и ссылается на то неоспоримое положеніе, что всякая дѣйствительность подчинена законамъ, которые могутъ быть найдены. Само собой понятно, что мы ничуть не возражаемъ противъ попытки найти законы общественной жизни; такая попытка вполне правомѣрна. Но мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ считать эти законы также и принципами культурной жизни, только на томъ основаніи, что они являются законами той же самой свободной отъ всякаго пониманія дѣйствительности, которую обрабатываетъ и исторія. Въ-ривъ въ возможность этого совпаденія могутъ только тѣ, кто, слѣдуя наивному реализму понятій, смѣшиваютъ наше до-научное и научное пониманіе дѣйствительности съ самой дѣйствительностью.

Мы не выходимъ здѣсь все же изъ круга логическихъ возможностей, хотя, какъ мы видѣли, совпаденіе понятій закона съ понятіями наукъ о культурѣ было бы по меньшей мѣрѣ дѣломъ чудеснаго случая. Въ виду этого для выясненія вопроса не бесполезно будетъ показать подробнѣе, въ какихъ именно случаяхъ уже не имѣетъ никакого смысла искать законовъ культурной жизни. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь опять таки является понятіе отношенія, въ которомъ находится историческое цѣлое къ своимъ частямъ.

Прежде всего: въ какихъ случаяхъ пониманіе дѣйствительности какъ культуры можетъ итти рука объ

руку съ генерализирующимъ пониманіемъ дѣйствительности? Въ виду того, что культурныя цѣнности, будучи всеобщими цѣнностями, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и общими понятіями и, какъ таковыя, обладаютъ общимъ содержаніемъ,—историческія событія, становясь благодаря своей индивидуальности, существенными чрезъ отнесеніе ихъ къ какой-нибудь всеобщей культурной цѣнности, могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваемы какъ экземпляры соотвѣтствующаго общаго понятія. Ибо, если индивидуализирующій методъ и связанъ всегда съ отнесеніемъ къ цѣнности, то предложенія этого все же нельзя обратить, утверждая, что примѣненіе понятія всеобщей цѣнности непременно связано съ индивидуализированіемъ. Скорѣе наоборотъ. Мы можемъ смотрѣть на тѣ, напр., событія, которыя встрѣчаются въ какой-нибудь исторіи искусства или права, также какъ на экземпляры общаго понятія искусства или права; и если при этомъ порывается та связь съ цѣнностями, въ которой вещи находились къ культурной цѣнности искусства или права благодаря своей индивидуальности,—то все же такого рода генерализирующее изображеніе дѣйствительности имѣетъ въ виду явленія культуры; при этомъ оно даже разсматриваетъ дѣйствительность какъ культуру, ибо вѣдь понятіе искусства или права отграничиваетъ собственно въ данномъ случаѣ область изслѣдованія, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ, какіе именно объекты становятся экземплярами соотвѣтствующей системы общихъ понятій. То, что касается этихъ культурныхъ цѣнностей, можетъ, конечно, относиться ко всѣмъ культурнымъ цѣностямъ, и поэтому представляется весьма возможнымъ, чтобы всѣ тѣ великія единицы общественной жизни, которыя мы называемъ

культурными народами,—чтобы всѣ онѣ разсматривались нами какъ экземпляры системы общихъ понятій, въ которой бы также находили выраженіе извѣстные законы, при чемъ значимость послѣднихъ простиралась бы на всегда повторяющееся развитіе и ростъ любого культурнаго народа. На основаніи сказаннаго нами выше ясно, что, во первыхъ, подобнаго рода изслѣдованія, конечно, нельзя называть исторіей, и что, во вторыхъ, считая его возможнымъ, мы имѣемъ въ виду лишь логическую возможность, совершенно не говоря о тѣхъ фактическихъ трудностяхъ, которыя стоятъ на пути къ его осуществленію. Ибо для насъ важно здѣсь лишь одно: мы хотимъ допустить здѣсь максимумъ того, что вообще возможно только допустить въ вопросѣ о наукѣ, формулирующей законы культурной жизни,—для того, чтобы имѣть затѣмъ возможность, сдѣлавъ это, тѣмъ вѣрнѣе рѣшить, удовлетворяетъ ли названная наука, сколь совершенной мы бы себѣ ее ни представляли, тѣмъ требованіямъ, которыя мы необходимо должны предъявлять къ философіи исторіи, какъ ученію о принципахъ исторической жизни.

Желая отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны имѣть въ виду, что философія исторіи, какъ бы мы ни опредѣляли ея задачи, должна быть не философіей объекта какого-нибудь спеціальнаго историческаго изслѣдованія, но философіей объекта всемірной исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она должна установить принципы историческаго универсума. Подъ историческимъ универсумомъ, однако, какъ бы ни было неопредѣленно это понятіе, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ понимать наиболѣе обширное историческое цѣлое, какое тольковозможномыслить, а, слѣдовательно, нѣчто такое, что по своему поня-

тію уже является чѣмъ-то единичнымъ и индивидуальнымъ, причемъ объекты спеціальныхъ историческихъ изслѣдованій должны быть индивидуальными членами этого цѣлаго. Кромѣ того, принципы исторіи должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ принципами единства этого универсума. Уже изъ этого одного слѣдуетъ, что наука, формулирующая законы и вмѣстѣ съ тѣмъ желающая быть ученіемъ о принципахъ исторіи, не только стоитъ передъ бѣльшими или меньшими трудностями, но что она логически невозможна. Можно, конечно, возразить, что міровое цѣлое, о которомъ трактуютъ естественныя науки, по своему понятію уже есть нѣчто единичное, и что, основываясь на тѣхъ же аргументахъ, можно было бы утверждать, что вообще не можетъ быть такихъ законовъ, значимость которыхъ, подобно, напр., закону тяготѣнія, простиралась бы на міровое цѣлое. Но это возраженіе явно не состоятельно. Дѣло въ томъ, что понятіе мірового цѣлаго естественныхъ наукъ, какъ индивидуума, весьма проблематично. Генерализирующія науки не занимаются имъ постольку, поскольку именно наиболѣе общіе законы, подобно первому и второму закону термодинамики, закону энергіи и закону энтропіи, совершенно невозможно примѣнить по отношенію къ неопредѣленному безграничному цѣлому вселенной. И во всякомъ случаѣ отношеніе наукъ, формулирующихъ законы, къ міровому цѣлому, или изучаемому, совершенно нельзя сравнить съ отношеніемъ философіи исторіи къ рассматриваемому ею историческому универсуму. Если первая ищетъ законы для мірового цѣлаго, то это значитъ только, что онѣ хотятъ установить то, значимость чего простирается на любую изъ его частей. Никогда, однако, не рассматриваютъ онѣ этихъ

частей вмѣстѣ съ тѣмъ какъ членовъ индивидуальнаго цѣлаго, и общіе законы уже во всякомъ случаѣ не могутъ быть принципами единства этого цѣлаго. Съ возрастаніемъ общности этихъ законовъ, каждая часть все болѣе и болѣе становится простымъ лишь экземпляромъ рода, отрѣщаясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ опредѣленій, дѣлающихъ ее членомъ цѣлаго. Положимъ, социологія достигла своей высшей цѣли и нашла законы для всѣхъ частей историческаго универсума, напр. законы развитія всѣхъ культурныхъ народовъ. Въ такомъ случаѣ эти культурные народы тѣмъ самымъ стали бы уже для нея экземплярами родового понятія и, какъ таковыя, необходимо стояли бы въ абстракціи изолированными другъ отъ друга. Ихъ нельзя было бы вновь сомкнуть вмѣстѣ, связавъ ихъ въ единство единичнаго индивидуальнаго историческаго универсума, ибо для того, чтобы быть членами исторической связи, они должны быть непременно индивидуумами. И уже во всякомъ случаѣ законы, найденныя социологіей, никакъ не могутъ быть также и принципами единства для индивидуальныхъ членовъ индивидуальнаго универсума.

Для философіи исторіи понятіе закона какъ принципа историческаго универсума является поэтому логически столь же противорѣчивымъ, какъ и понятіе историческаго закона въ качествѣ цѣли эмпирической исторической науки. Конечно философія исторіи занимается только „общимъ“, но лишь постольку, поскольку она имѣетъ дѣло съ историческимъ универсумомъ, и именно поэтому также и ея объектомъ всегда является единичный и индивидуальный рядъ развитія, членами котораго состоятъ такіе же индивидуумы. Поэтому, какой бы цѣн-

ностью ни обладала сама по себѣ социологія какъ наука, формулирующая законы,—она можетъ, правда, доставлять исторіи вспомогательныя понятія для изслѣдованія ея причинныхъ связей, но она совсѣмъ не можетъ замѣнить философіи исторіи.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ также смотрѣть и на всѣ попытки познать общіе „факторы“ или „силы“ исторической жизни. Такъ какъ исторія трактуетъ о людяхъ, а у всѣхъ людей можно раздѣлить физическую и духовную стороны, то можно, понятно, совершить дѣленіе этихъ силъ на физическія и психическія; пожалуй не безъ успѣха можно было бы также дать еще болѣе подробный обзоръ всѣхъ тѣхъ общихъ, т. е., точнѣе говоря, укладывающихся въ общія понятія факторовъ, дѣйствующихъ въ исторической жизни. Но какой бы цѣнностью ни обладали въ частности подобныя изслѣдованія, мы не только должны быть весьма осторожными, употребляя подобныя генерализирующія теоріи, въ виду того, что пониманіе дѣйствительности какъ природы и какъ культуры не совпадаютъ другъ съ другомъ,—но мы прежде всего не должны никогда забывать, что эти общіе силы и факторы, не будучи сами исторически существенными, и не опредѣляютъ также того, что исторически является важнымъ. Они скорѣе суть лишь условія, безъ которыхъ конечно не могли бы произойти никакія историческія событія, но именно потому, что они суть абсолютно общія условія, они не представляютъ никакого интереса ни для историка ни для философа исторіи. Такъ напр. солнечная теплота есть факторъ, безъ котораго немислимо ни одно историческое событіе; и точно также, если бы люди не обладали рѣчью, какъ орудіемъ взаимнаго пониманія, то вся

исторія протекла бы иначе, чѣмъ она протекла на самомъ дѣлѣ, да и больше того: вообще не было бы никакой культуры. Но все же на этомъ основаніи общія понятія: солнечная теплота или взаимное пониманіе при помощи рѣчи совсѣмъ, конечно, не являются „историческими принципами“. Именно безусловная общность лишаетъ ихъ историческаго интереса. Но даже совсѣмъ независимо отъ того, можно и должно ли называть науку объ общихъ силахъ и факторахъ общественной жизни философіей исторіи,—представляется весьма сомнительнымъ, чтобы всѣ относящіяся сюда разнообразныя естественныя, психологическія и культурно-научныя познанія можно было бы вообще объединить въ одну отдѣльную науку. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ такой науки нѣтъ, и, повидимому, такъ будетъ продолжаться и впредь: историкъ, которому нужно проникнуть въ общія „силы“, играющія роль въ изслѣдуемой имъ области, обращается для этого къ генерализирующимъ спеціальнымъ наукамъ: къ антропологіи, психологіи, социологіи и т. д., которыя и доставляютъ ему нужныя ему подробныя свѣдѣнія.

Мы не будемъ здѣсь отдѣльно разсматривать всѣхъ относящихся сюда проблемъ: для выясненія общаго принципа—а это только вѣдь и составляетъ цѣль этого очерка—достаточно уже сказаннаго нами. Отмѣтимъ только еще, что генерализирующія спеціальныя науки могутъ помочь историку лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ однихъ лишь болѣе или менѣе постоянныхъ факторахъ исторической жизни, но что на цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся общей сущности (*Wesen*) исторической жизни, онѣ вообще не могутъ дать никакого отвѣта. Къ вопросамъ послѣдняго рода и относятся большей частью

тѣ вопросы, которые обыкновенно причисляютъ къ философско-историческимъ.

Мы ограничимся здѣсь для примѣра лишь однимъ вопросомъ, въ которомъ одинаково ошибаются самыя различныя направленія эмпирической исторической науки и философіи исторіи. Это вопросъ о роли, которую играютъ въ исторіи тѣ индивидуумы, которыхъ только обыкновенно и называютъ индивидуумами, именно—отдѣльныя личности. Въ виду того, что мы отвергаемъ возможность нахождения законовъ исторіи какъ при помощи эмпирической исторической науки, такъ и при помощи философіи исторіи, для насъ особенно важно здѣсь отмѣтить, что эта проблема не допускаетъ общаго разрѣшенія ея въ такъ называемомъ „индивидуалистическомъ“ смыслѣ, и опять-таки на основаніи логическихъ соображеній, Конечно, совсѣмъ неправильно утверждать, что исторіи совершенно нѣтъ дѣла до отдѣльныхъ личностей, и что лишь „общая“ жизнь массъ всегда имѣетъ рѣшающее значеніе; но точно также совсѣмъ неправильно поступаютъ тѣ, которые рѣшающее значеніе приписываютъ всегда дѣяніямъ отдѣльныхъ личностей и, подобно Карлейлю, видятъ въ исторіи лишь сумму біографій великихъ людей. Къ сожалѣнію, возникающую здѣсь альтернативу смѣшиваютъ весьма часто съ вопросомъ о логической сущности исторіи. При этомъ считается, что тѣ, которые придерживаются нашего взгляда, согласно которому исторія пользуется индивидуализирующимъ методомъ, защищаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и біографическое пониманіе исторіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ индивидуализирующій методъ не имѣетъ ничего общаго съ культомъ героевъ. Напротивъ, именно потому, что исторія есть наука объ индивидуальномъ,

философія исторіи не можетъ рѣшить вопроса о роли отдѣльныхъ личностей въ пользу великихъ людей.

Не можетъ она этого сдѣлать на томъ же основаніи, по которому недозволительно также, впадая въ противоположную крайность, видѣть въ построеніи коллективныхъ понятій новый методологическій принципъ. Оба утвержденія: что массы повсюду имѣютъ рѣшающее значеніе и что исторію дѣлаютъ только отдѣльныя личности,—были бы одинаково продуктами генерализирующаго образованія понятій, „историческими законами“. Для каждой отдѣльной части исторической жизни нужно поэтому особо изслѣдовать, какія массовыя движенія и какія чисто личныя дѣйствія имѣли рѣшающее значеніе для руководящихъ культурныхъ цѣнностей, и лишь тогда возможно будетъ дать также отвѣтъ и на вопросъ о значеніи отдѣльныхъ личностей для всѣхъ областей исторіи вмѣстѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, стремленіе выставлять подобныя общія утвержденія о рѣшающемъ значеніи массъ или о роли отдѣльныхъ личностей отнюдь не вызывается любовью къ генерализирующему образованію понятій; причину этого надо искать въ произвольномъ и одностороннемъ предпочтеніи однѣхъ культурныхъ цѣнностей другимъ и такимъ образомъ въ произвольномъ выборѣ исторически существеннаго матеріала, какъ мы это и увидимъ еще яснѣе дальше, когда будемъ отвѣчать на вопросъ, что же въ самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя принципы исторической жизни.

Разбирая вопросъ о значеніи историческихъ законовъ, мы должны указать, наконецъ, еще на одинъ пунктъ, который также вызвалъ не мало споровъ. Мы хотимъ именно показать, что не только цѣлый рядъ весьма извѣстныхъ давшія философско-историческихъ проблемъ

не допускаетъ никакого общаго разрѣшенія, но что также и тамъ, гдѣ историкъ, выставляя какое-нибудь положеніе, распространяетъ его на всю историческую жизнь, мы отнюдь не всегда имѣемъ дѣло съ продуктомъ генерализирующаго пониманія дѣйствительности. Возьмемъ для примѣра извѣстную тезу Ранке, тоже сыгравшую роль въ борьбѣ за историческіе законы. Она содержитъ въ себѣ, по словамъ проф. Белова, ту „общую истину, что внутренняя жизнь государствъ въ значительной степени зависитъ отъ взаимныхъ отношеній государствъ между собою, т. е. отъ міровыхъ условій“. Въ тезѣ этой многіе видятъ также первостепенное научное открытіе. Можетъ быть, эта общая истина представляетъ изъ себя историческій законъ, хотя бы въ томъ логически не противорѣчивомъ смыслѣ закона для матеріала, который исторія изображаетъ индивидуализирующимъ образомъ? Тотъ, кто знаетъ историческія воззрѣнія Ранке, долженъ отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ. Подъ „міровыми условіями“ великій историкъ понимаетъ лишь опредѣленный комплексъ взаимно связанныхъ между собой культурныхъ государствъ, да и вообще Ранке причисляетъ къ своему историческому міру лишь тѣ государства, которыя стоятъ въ какой-нибудь связи съ этими культурными государствами и, слѣдовательно, находятся подъ ихъ вліяніемъ. Въ приведенной тезѣ, именно въ силу ея абсолютной общности и въ виду того, что она вслѣдствіе этого отрѣшена отъ всякаго собственно историческаго содержанія, не имѣетъ никакого рѣшительно смысла видѣть продуктъ генерализирующей науки и вообще какое бы то ни было научное „открытіе“; она формулируетъ лишь методологическую предпосылку, съ которой Ранке при-

ступаетъ къ индивидуализирующему изображенію отдѣльныхъ государствъ и необходимо долженъ приступить, разъ онъ задался цѣлью разсматривать все съ точки зрѣнія всемірной исторіи—въ своемъ, конечно, смыслѣ. Точно также обстоитъ дѣло и съ другими общими утвержденіями, подобно, напр., утвержденію, что всякій индивидуумъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, стѣсненъ въ своей дѣятельности извѣстными рамками, налагаемыми на него культурнымъ уровнемъ его народа. Въ силу своей общности оно просто на просто само собой понятно; ибо оно вѣдь утверждаетъ лишь реальную связь каждой исторической части съ ея историческимъ цѣлымъ. Такимъ образомъ, система подобныхъ общихъ утверждений не можетъ представлять изъ себя вспомогательной генерализирующей науки, которая содѣйствовала бы исторіи при изслѣдованіи ея причинныхъ связей;—въ лучшемъ случаѣ такая наука можетъ содержать въ себѣ лишь тѣ предпосылки, которыя необходимо должны быть сдѣланы, разъ мы вообще признаемъ возможность исторіи, какъ изображенія историческихъ связей. Мы видимъ опять-таки, что не имѣетъ никакого смысла искать въ законахъ принциповъ исторической жизни.

Но именно потому, что, отвергая за философіей исторіи право формулировать законы, мы это сдѣлали на основаніи чисто логическихъ соображеній о сущности исторіи, мы, повидимому, доказали этимъ уже слишкомъ много; ибо, какъ бы ни были по содержанію своему ложны всѣ соціологическія теоріи, желающія занять мѣсто философіи исторіи,—все же фактически имѣется цѣлый рядъ попытокъ выставить законы для единичнаго цѣлага историческаго развитія, а между тѣмъ послѣд-

нее было бы совершенно невозможно, если бы понятие философии истории, формулирующей законы, заключало в себя логическое противоречие. Это конечно правильно, и поэтому мы попробуем здесь еще показать, что там, где принципы исторической жизни выставлены повидимому в форме законов, отнюдь не может идти речь о законах в смысле естественных законов,—даже в чисто формальном отношении. Понявши же, в чем здесь дело, мы вместе с тем сможем ответить и на вопрос, что же именно мы должны называть принципом исторической жизни.

Характерным отличием всех попыток найти естественный закон исторического универсума является то обстоятельство, что все они хотят, чтобы закон их был вместе с тем и формулой исторического прогресса. Этим, собственно говоря, все самое главное уже сказано. Мы понимаем, как должно быть заманчиво совместить в одном понятии естественный закон, закон развития и закон прогресса, как этого хотѣль, напр., Конт со своим законом трех стадий: теологической, метафизической и позитивной,—и почему и нынѣ еще этот род социологии, обещающий так много, пользуется такой большой любовью. Но мы понимаем также, что тот, кто хоть немного понялъ, в чем заключается логическая сущность истории, уже не может верить в возможность выполнения подобных обещаний. Дело в том, что, во-первых, прогресс и регресс суть понятия ценности, точнее говоря понятия о возрастании, либо уменьшении ценности, и поэтому о прогрессе можно говорить лишь тогда, когда уже предварительно имеется критерий ценности (Wertmasstab). Во-вторых, прогресс означает всегда возникновение

чего-то нового, того, что в своей индивидуальности нигде еще не было. Понятие же критерия ценности, как понятие того, что должно быть, ни в каком случае не может совпадать с понятием закона, содержащим в себе то, что повсюду и всегда есть или неизбежно будет, и чего требовать поэтому не имеет никакого смысла. Понятие должностности и неизбежности взаимно исключают друг друга, и лишь вследствие упомянутой уже выше многозначности слова закон можно вообще говорить о законе прогресса. Наконец, возникновение нового, до сих пор еще нигде не бывшаго, не может войти ни в какой закон; ибо закон содержит лишь то, что повторяется любое число раз. Поэтому, если под прогрессом мы будем понимать, во-первых, возникновение чего-то нового и, во-вторых, возрастание ценности, то с логической точки зрения понятие закона прогресса вдвойне противоречиво. Таким образом там, где „закон“ сообщает единство историческому универсуму, расчленяя его в отношении возникновения нового и обозначая его прогрессом, этот закон ни в каком случае не есть естественный закон. „Закон“ Конта и является на самом деле формулой ценности. „Позитивное“ имеет для него значение того, что должно быть, значение абсолютнаго идеала. С этой точки зрения он рассматривает все развитие человечества, устанавливая то новое и ценное, что в процессе реализации его идеала различныя стадии принесли с собою. Ничего подобнаго не может дать наука, формулирующая законы, ибо она, порывая всякую связь между своими объектами и ценностями, необходимо должна видеть в них лишь безразличныя экземпляры родовых понятий.

Мы не можем здесь—да для выяснения общаго прин-

ципа врядь ли это и нужно—мы не можемъ здѣсь под-
вергнуть критикѣ всѣ попытки построения мнимыхъ
законовъ, долженствовавшихъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и
принципами исторической жизни, и доказать повсюду, что
законы эти содержать въ себѣ, въ болѣе или менѣе
скрытомъ видѣ, понятія цѣнности и, стало быть, не
являются совсѣмъ законами. Мы упомянемъ здѣсь лишь
еще одну попытку этого рода, связанную съ именемъ
Дарвина. При этомъ мы конечно опять-таки оставляемъ
совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, могутъ или не
могутъ эти естественно-научныя теоріи доставлять исто-
ріи вспомогательныя понятія и служить ей обходными
путями для достиженія ею своихъ особыхъ цѣлей. О
роли ихъ въ этомъ отношеніи можно спорить. Дѣйстви-
тельно ли теорія развитія Дарвина научила насъ, какъ
это думаетъ Гёфдингъ¹⁾, тому, что даже и цѣнное не-
обходимо должно бороться для того, чтобы устоять
въ борьбѣ за существованіе, и что понятія цѣнности
должны претвориться въ плоть и кровь, разъ они хо-
тятъ обладать дѣйствительнымъ вліяніемъ? Или можетъ
быть истины, столь неопредѣленныя, столь общія и, въ
концѣ концовъ, столь очевидныя, не были извѣстны уже
и до Дарвина? Мы не можемъ здѣсь рѣшать всѣхъ этихъ
вопросовъ. Насъ интересуетъ теперь лишь стремленіе
искать въ дарвинизмѣ историческіе принципы, и въ осо-
бенности попытка придать понятію историческаго раз-
витія чисто натуралистическій характеръ посредствомъ
того доказательства, что именно естественный за-
конъ развитія гарантируетъ также и необходимое воз-
растаніе цѣнности послѣдняго.

¹⁾ Въ упомянутой выше рецензій.

Прим. перев.

Всякій прогрессъ отъ низшаго къ высшему, какъ го-
ворятъ дарвинисты, обусловленъ закономъ подбора,
имѣющимъ повсемѣстную значимость. Согласно ему, под-
боръ постепенно устраняетъ все плохое, помогая хо-
рошему въ его побѣдѣ. Поэтому законъ этотъ и дол-
женъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ историческаго
развитія и прогресса. Съ виду это кажется весьма вѣ-
роятнымъ, но врядь ли даже нужно входить въ особенно
подробный разборъ этихъ мыслей, на основаніи которыхъ
найденъ былъ цѣлый рядъ самыхъ различныхъ понятій
прогресса, чтобы показать, что онѣ являются результа-
томъ явнаго непониманія біологической теоріи Дарвина.
Еслибы эта теорія дѣйствительно хотѣла дать чисто
натуралистическое объясненіе явленій, то она должна
была бы отказаться отъ всякой телеологіи, связанной
съ понятіями цѣнности, и потому также совершенно
избѣгать употребленія такихъ понятій цѣнности, какъ
„высшій“ и „низшій“. Естественный подборъ не устра-
няетъ плохого, сохраняя хорошее; онъ лишь помогаетъ
при извѣстныхъ условіяхъ побѣдѣ болѣе жизнеспособ-
наго, и процессъ этотъ можно называть прогрессомъ
лишь въ томъ случаѣ, если въ жизни, какъ таковой, въ
какомъ бы видѣ она ни проявлялась, видѣтъ абсолютную
цѣнность. Но это не имѣетъ рѣшительно никакого смысла,
ибо всякая жизнь уже однимъ простымъ фактомъ
своего существованія доказала свою жизнеспособность,
и потому съ этой точки зрѣнія всякое отличіе въ цѣн-
ности отпадаетъ. На основаніи дарвиновской теоріи не-
дозволительно даже человѣческую жизнь оцѣнивать выше
животной, называя такимъ образомъ развитіе къ чело-
вѣку прогрессомъ. И наконецъ, съ чисто естественно-
научной точки зрѣнія совсѣмъ уже невозможно прово-

дять какія бы то ни было различія въ цѣнности внутри челоуѣческой жизни. Лишь предварительно, на основаніи какого нибудь критерія цѣнности, сочтя цѣннымъ опредѣленное сочетаніе явленій, можно называть прогрессомъ развитіе, къ нему ведущее. Никоимъ образомъ, однако, нельзя вывести принципа прогресса изъ естественныхъ законовъ эволюціоннаго процесса, которые, разъ они хотять быть общими законами, необходимо должны быть одинаковыми для любой стадіи развитія. То обстоятельство, что нѣкоторыя явленія природы, какъ напр. челоуѣкъ, „очевидно“ цѣнятся выше другихъ формъ, объясняетъ намъ, правда, возможность индивидуализирующей исторіи происхожденія организмовъ; оно содѣйствуетъ также тому, что приверженцы естественно-научной философіи исторіи не вѣдаютъ, что творять, употребляя постоянно принципы цѣнности; но оно ничего рѣшительно не мѣняетъ въ томъ фактѣ, что изъ дѣйствительно естественно-научныхъ понятій невозможно вывести никакихъ цѣнностей.

Въ этомъ отношеніи обманываютъ себя, наконецъ, также и тѣ, которые, находясь опять-таки подъ вліяніемъ дарвиновскаго понятія „расъ, благопріятствуемыхъ въ борьбѣ за существованіе“, хотять построить философію исторіи на понятіи расы. Они забываютъ, что для того, чтобы вообще создать какую нибудь философію исторіи, имъ нужно употреблять это понятіе въ качествѣ понятія цѣнности, что они и дѣлають самымъ некритическимъ и необоснованнымъ образомъ; подобный методъ представляется тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что онъ дискредитируетъ одно крайне важное для философіи исторіи понятіе, именно понятіе націи, которое, являясь понятіемъ культурнаго цѣлаго, означаетъ народную

индивидуальность. Понятіе культурной націи ничего не имѣетъ общаго съ естественно-научнымъ понятіемъ расы, которое, будучи и съ естественно-научной точки зрѣнія не вполне безукоризненнымъ, даетъ нынѣ столько пищи диллетантскому философствованію. *Das Deutschtum steckt nicht im Geblüte, sondern im Gemüte,*— нѣмцевъ объединяетъ не общая кровь, а духъ,— сказала Лагардъ, челоуѣкъ, который стоитъ выше всякаго подозрѣнія въ томъ, что касается недооцѣниванія національнаго момента; и въ основаніи этихъ его словъ лежитъ та же самая мысль, возбраняющая изъ естественно-научныхъ понятій, какъ понятіе расы, дѣлать философско-историческіе принципы.

Доказавши, что мнимые историческіе законы суть ни что иное какъ формулы цѣнности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли путь, на которомъ дѣйствительно-таки нужно искать принциповъ исторической жизни; рѣшающимъ моментомъ при этомъ является опять-таки проникновеніе въ логическую сущность исторической науки. Историческій универсумъ есть ничто иное какъ самое обширное, какое только возможно мыслить, историческое цѣлое, понятое индивидуализирующимъ образомъ—а такъ какъ отнесеніе къ цѣнности есть *conditio sine qua* поп всякаго вообще индивидуализирующаго пониманія дѣйствительности, то, конечно, лишь понятія цѣнности могутъ конституировать понятіе историческаго универсума. Названія историческаго принципа и заслуживаетъ именно только то, что выполняетъ эту функцію конституированія историческаго универсума, дѣлая возможнымъ объединеніе всѣхъ частей послѣдняго, какъ индивидуальныхъ членовъ, въ единство историческаго цѣлаго. Поэтому, если философія исторіи какъ

наука о принципахъ, вообще имѣеть *raison d'être*, то она должна быть ученіемъ о цѣнностяхъ, сообщающихъ единство историческому универсуму и вмѣстѣ съ тѣмъ расчленяющихъ его. Въ отношеніи къ этимъ цѣнностямъ становится также возможнымъ истолковать и единый смыслъ всего историческаго развитія. Къ истолкованію этого смысла и стремилась дѣйствительно таки всегда философія исторіи, даже тамъ и тогда, когда она будто бы хотѣла искать законовъ, ибо главной ошибкой всѣхъ этихъ философовъ было смѣшеніе такихъ понятій, какъ закона и цѣнности, неизбежности и долженствованія, бытія и смысла, вслѣдствіе чего они и забывали, что то, что нельзя отнести къ цѣнностямъ, не имѣеть абсолютно никакого смысла. Отъ истолкованія смысла исторіи не отказывался даже и натурализмъ, да и врядъ ли вообще возможно закрывать глаза на эту проблему. Вся культурная жизнь есть историческая жизнь, и культурные люди, къ которымъ принадлежатъ также и натуралисты, не могутъ, будучи культурными людьми, не стремиться къ тому, чтобы дать себѣ отчетъ относительно смысла культуры и тѣмъ самымъ относительно смысла исторіи. Мы наталкиваемся такимъ образомъ здѣсь на задачу, которую не въ состояніи разрѣшить ни натурализмъ, порывающій всякую связь между дѣйствительностью и цѣнностями, ни эмпирическая историческая наука, изображающая ходъ исторической жизни лишь посредствомъ теоретическаго отнесенія къ цѣнности. Поэтому разрѣшеніе этой необходимой и неизбежной задачи является удѣломъ философіи исторіи, какъ ученія о принципахъ исторической жизни.

Мы отвѣтили такимъ образомъ на вопросъ о томъ, что является предметомъ этой философіи исторіи. Гораздо

сложнѣе, однако, отвѣтить на вопросъ о томъ, какимъ образомъ она должна его трактовать. Мы можемъ указать здѣсь лишь на одну задачу, возможность разрѣшенія которой врядъ ли возбудитъ серьезныя сомнѣнія. Она заключается въ томъ, чтобы, примыкая къ фактически существующимъ трудамъ историковъ и философовъ исторіи, вскрыть руководящія культурныя цѣнности, которыя, опредѣляя данные научныя труды, служили принципами изложенія. По отношенію къ нѣкоторымъ историческимъ трудамъ задача эта, по крайней мѣрѣ отчасти, представляется до того легкой, что для разрѣшенія ея врядъ ли требуется даже особое изслѣдованіе. Въ какой нибудь исторіи искусствъ или религіи объекты должны, конечно, относиться къ художественнымъ или религіознымъ цѣнностямъ. Но далеко не всегда обстоитъ дѣло такимъ образомъ, чтобы сразу можно было сказать, какая точка зрѣнія цѣнности является въ данномъ случаѣ руководящей. Въ особенности въ болѣе обширныхъ трудахъ, предметомъ которыхъ служить развитіе цѣлыхъ народовъ или какая нибудь большая эпоха, мы можемъ натолкнуться на самыя разнообразныя точки зрѣнія цѣнности. И иногда представляется весьма интереснымъ уяснить себѣ, почему тотъ или иной извѣстный историкъ одни событія разбираетъ подробно, другія же совсѣмъ вкратцѣ, нѣкоторыя же столь же дѣйствительныя происшествія совершенно оставляетъ въ сторонѣ. Сами историки далеко не всегда сознаютъ, на какихъ основаніяхъ они это дѣлаютъ. Да и не могутъ этого сознавать, ибо часто они совершенно не знакомы съ логической структурой своей науки, сплошь и рядомъ будучи увѣрены въ томъ, что они далеки отъ всякаго отнесенія къ цѣнности. Тѣмъ

болѣе важнымъ представляется вскрыть и самымъ явнымъ образомъ показать, какими именно предпосылками руководились они при обработкѣ своего матеріала. Мы увидимъ при этомъ, что у всякаго историка, въ особенности если онъ не ограничивается уже очень спеціальными изслѣдованіями, имѣется своего рода философія исторіи, на основаніи которой онъ одни явленія считаетъ важными, другія—нѣтъ. Вскрыть подобныя философіи исторіи отдѣльныхъ великихъ историковъ представляется, конечно, весьма благодарной задачей. Даже у такого „объективнаго“ историка, какимъ считается, напр., Ранке, безусловно имѣется цѣлый рядъ вполне опредѣленныхъ философскихъ предпосылокъ относительно смысла исторіи, да и необходимо долженъ имѣться, ибо Ранке всегда вѣдь хотѣлъ разсматривать все съ точки зрѣнія всемірной исторіи. Дове справедливо замѣтилъ, что Ранке спасла отъ односторонности не нейтральность, но универсальность его историческаго чутья. Въ скрытомъ видѣ этимъ однако уже признано отнесеніе къ цѣнности, и если дѣло дѣйствительно обстоитъ такъ, то мы не можемъ на этомъ остановиться. Въ чемъ состоитъ универсальность чутья у такого великаго историка, его универсумъ? Подобнаго рода изслѣдованіе пролило бы, пожалуй, больше свѣта въ вопросъ, что же такое собственно представляютъ изъ себя „идеи“ Ранке, подавшія поводъ къ столь многимъ разговорамъ. Мы бы увидѣли, что философія исторіи Ранке подвергалась измѣненіемъ, при чемъ наиболѣе важную роль всегда играли руководящія точки зрѣнія цѣнности въ его пониманіи исторіи и ни въ коемъ случаѣ не простыя идеи. Въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ философія и исторія должны тѣсно соприкасаться другъ съ другомъ.

Съ философской точки зрѣнія, однако, еще болѣе возможнымъ представляется анализъ тѣхъ попытокъ, которыя, открыто выставляя принципы исторической жизни, тѣмъ самымъ выходятъ за предѣлы эмпирической исторической науки. При этомъ онѣ хотятъ служить пониманію всего человѣческаго развитія и истолкованію его смысла. Въ виду этого онѣ требуютъ не только анализа, но и критики, т. е. въ данномъ случаѣ нельзя ограничиться однимъ лишь установленіемъ того, въ какой степени принципы исторической жизни являются цѣнностями, и въ чемъ эти цѣнности состоятъ, но нужно затѣмъ еще и изслѣдовать, по какому праву именно этимъ, а не другимъ точкамъ зрѣнія цѣнности приписывается рѣшающее значеніе при истолкованіи общаго смысла всего историческаго развитія. При этомъ опять-таки, конечно, мы должны здѣсь ограничиться указаніемъ на два—три примѣра.

Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи является такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, и при томъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно вылилось въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, и по скольку оно, совершенно независимо отъ теоретическаго или метафизическаго матеріализма, ограничивается истолкованіемъ эмпирической исторической жизни. Уже то обстоятельство, что по происхожденію своему оно тѣсно связано съ опредѣленной политической программой, составной частью которой оно является, указываетъ намъ, гдѣ мы должны искать для него руководящія точки зрѣнія цѣнности. Для того чтобы понять его, необходимо имѣть въ виду, что интересы его творцовъ вращались исключительно вокругъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей, и

что побѣда пролетаріата была центральной абсолютной цѣнностью. И если въ настоящую эпоху существеннымъ по отношенію къ этой цѣнности является взаимная борьба двухъ классовъ, то и вся исторія, согласно матеріалистическому пониманію, есть ни что иное какъ исторія классовой борьбы, что и сообщаетъ ей цѣнность и единство. Имена борющихся партій мѣняются: свободные и рабы, патриціи и плебеи, феодалъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье являются враждующими классами. Но наиболѣе существеннымъ и собственно важнымъ—опять-таки по отношенію къ руководящей точкѣ зрѣнія цѣнности—является то, что повсюду—на всѣхъ различныхъ ступеняхъ историческаго развитія притѣсняемые борются съ притѣснителями, эксплуататуемые съ эксплуататорами. Такимъ путемъ матеріалистическое пониманіе исторіи находитъ общіе принципы исторической жизни, но точно также и всю теорію со всѣми подробностями вполнѣ опредѣляетъ абсолютная цѣнность, ожидаемая побѣда пролетаріата. Въ настоящей борьбѣ самымъ главнымъ моментомъ, вслѣдствіе его рѣшающаго значенія, представляется борьба за экономическія блага. Въ виду этого въ исторіи повсюду самая главная роль отводится экономической жизни, а поэтому также раздѣленіе исторіи на эпохи должно соотвѣтствовать различнымъ формамъ хозяйства. Отсюда и возникаетъ „матеріалистическое“, т. е. экономическое пониманіе исторіи.

Врядъ ли нужно еще болѣе подробно доказывать, насколько это пониманіе исторіи зависитъ отъ точекъ зрѣнія цѣнности. При этомъ, правда, оно не удовлетворяется тѣмъ, чтобы видѣть просто лишь существенное въ томъ, что отнесено къ его абсолютной цѣнности, но,

слѣдуя наивному реализму понятій, къ которому присоединяется еще совсѣмъ уже не наивный реализмъ понятій гегельянской школы, оно видитъ въ существенномъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „подлинную дѣйствительность“, приписывая всей остальной культурной жизни лишь существованіе низшей степени, въ качествѣ надстройки или отраженія. Но все это, однако, рѣшительно ничего не мѣняетъ. Эта ошибка типична для всѣхъ философско-историческихъ теорій, не отдавшихъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онѣ пользуются цѣнностями какъ руководящими точками зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ она мѣшаетъ также уясненію руководящаго принципа; ибо съ различеніемъ между двумя видами реального и съ нахожденіемъ въ хозяйственной жизни „подлинной причины“ всѣхъ историческихъ событій,—вслѣдствіе платонизма съ обратнымъ знакомъ,—неизбѣжно также возникаетъ иллюзія, что матеріалистическое пониманіе исторіи, исходя повсюду отъ экономической жизни, какъ основанія всей культурной жизни вообще, будто бы только констатируетъ факты. Впрочемъ это метафизическое гипостазированіе экономического начала, встрѣчающееся у вульгарныхъ истолкователей марксизма, не необходимо связано съ послѣднимъ. Его вполнѣ можно устранить, не затрагивая философско-историческаго ядра историческаго матеріализма. Во всякомъ случаѣ, уяснивъ себѣ принципы цѣнности этого пониманія исторіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли также и точку зрѣнія, изъ которой должна исходить критика марксизма.

Мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду подвергать критикѣ научное значеніе всего марксизма вообще. Быть можетъ Геффдингъ и правъ, говоря, что матеріалистическое пониманіе исторіи учить насъ тому, что

здоровое социальное развитие невозможно без экономического базиса и без справедливого распределения элементарных жизненных благ. Точно также несомненно, что всякой философии есть чему поучиться у натурализма, и что не хорошо, если идеи слишком высоко парят над жизнью. Но не это все, а также не многое другое, что точно также несомненно и точно, так же очевидно, интересует нас в данном случае. Нас интересует здесь лишь вопрос, правомочно ли видеть абсолютную ценность и смысл всего исторического развития в побѣдѣ пролетариата в экономической области и, стало быть, вообще в хозяйственных благах? Мы, конечно, не будем здесь рѣшать этого вопроса. Мы можем здесь лишь усомниться в вѣроятности того, чтобы марксистские принципы ценности, найденные под углом партийно-политических точек зрѣнія, годились для истолкования смысла всемирной истории. Стоит лишь вспомнить, напр., новѣйшее изслѣдование Макса Вебера „о протестантской этикѣ и духѣ капитализма“¹⁾. Можно ли послѣ него придерживаться еще чисто „материалистического“ толкования, хотя бы даже только в области экономической истории? Во всяком случае, для марксизма необозримая масса иного рода человеческих поступков и стремлений всѣх вѣков должна быть лишена всякаго смысла.

Но все это, конечно, лишь одни предположенія. Именно высказывая ту мысль, что цѣлью философии истории является не только анализъ эмпирических исторических трудовъ и философско-исторических теорій, но

¹⁾ Помѣщено въ „Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik“ В. 20 (1 Н.) und В. 21 (1 Н.)

Прим. перев.

также и критика найденныхъ путемъ этого анализа принциповъ, разъ послѣдніе притязаютъ на всеобщую значимость,—мы тѣмъ самымъ указываемъ уже на то, что главная задача исторической науки о принципахъ лежитъ въ совершенно иной плоскости. Во-первыхъ, въ основѣ всякой критики долженъ лежать какой-нибудь критерій ценности, и во-вторыхъ, для того, чтобы имѣть возможность называть какое нибудь пониманіе одностороннимъ, мы должны уже предварительно имѣть хоть какое нибудь понятіе всесторонняго пониманія истории. Самостоятельной наукой, поэтому, ученіе о принципахъ исторической жизни сможетъ стать лишь тогда, когда, выставя историческіе принципы, оно будетъ стремиться какъ къ систематической полнотѣ, такъ и къ критическому обоснованію ихъ, иными словами, когда оно поставитъ себѣ цѣлью построение системы ценностей; при этомъ интересъ его не можетъ ограничиться одной лишь фактической оцѣнкой, оно должно будетъ также поставить вопросъ о значимости культурныхъ ценностей, и поэтому оно не сможетъ обойтись безъ понятія необходимой ценности, могущей служить критеріемъ для фактическихъ оцѣнокъ. Эта ценность укажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и точку зрѣнія, которая должна будетъ имѣть рѣшающее значеніе при построении системы ценностей. Такимъ образомъ, проблемы систематизирования и значимости культурныхъ ценностей оказываются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Какимъ методомъ, однако, должна пользоваться философия истории при построении подобной системы ценностей, позволяющей ей истолковать смыслъ всего исторического развития? Мы подходимъ здесь къ послѣднему, и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ самому важному вопросу

историческаго ученія о принципахъ; при этомъ мы здѣсь, конечно, сможемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ отвѣтить на него, тѣмъ болѣе что для насъ важно лишь выяснитъ его значеніе, освѣтитъ самую постановку проблемы.

Сама собой напрашивается мысль, что разрѣшеніе указанной задачи можно предоставить особому виду психологическаго изслѣдованія. При этомъ конечно не „объясняющей“ („erklärende“) психологіи, о чемъбы послѣдняя ни трактовала: о душевной жизни вообще, въ качествѣ „индивидуальной психологіи“, или въ качествѣ социальной психологіи о социальной жизни въ особенности,—но психологіи культурныхъ цѣнностей. Всякая исторія не только трактуется, главнымъ образомъ, о культурныхъ людяхъ, но и пишется исключительно культурными людьми. Цѣнности, признаваемые вообще культурнымъ человѣкомъ, и должны, повидимому, быть вмѣстѣ съ тѣмъ принципами всеобщей исторіи культурнаго человѣка. Такимъ образомъ возникаетъ мысль о психологіи культуры, (Kulturpsychologie), которая, изслѣдуя и систематически изображая совокупность всеобщихъ культурныхъ цѣнностей, должна тѣмъ самымъ построить систему принциповъ исторической жизни; въ системѣ этой должны также найти свое мѣсто и всѣ тѣ системы цѣнностей, которыя мы смогли бы найти путемъ анализа историческихъ и философско-историческихъ трудовъ и критеріемъ которыхъ эта первая система и являлась бы. Это во всякомъ случаѣ самый глубокій, даже единственный смыслъ, который только можно связать съ психологистическимъ утвержденіемъ, согласно которому психологія должна служить базисомъ философіи исторіи. Это именно вѣроятно и имѣлъ въ виду Дильтей, который въ работѣ своей, совершенно непонятой психологами, задался цѣлью набро-

сать планъ „описательной и анализирующей психологіи“ („beschreibende und zergliedernde Psychologie“) въ противоположность „объясняющей“ психологіи, правомѣрность которой имъ, впрочемъ, ничуть не оспаривается.

Какъ бы ни была соблазнительна эта мысль создать такимъ образомъ чисто эмпирическую и потому вполне достовѣрную основу для философіи исторіи, непреодолимая трудность стоять на пути къ ея осуществленію. Изслѣдуя „культурнаго человѣка“, эта культурная психологія не можетъ однако ограничиться лишь установленіемъ и систематизированіемъ того, что общеоцѣнкамъ всѣхъ культурныхъ людей; ибо, слѣдуя этому генерализирующему методу, мы получили бы весьма плачевные результаты: систему цѣнностей, въ которой врядъ можно было бы найти хоть одинъ принципъ исторіи историческаго универсума. Для того, чтобы найти всѣ культурныя цѣнности, культурной психологіи слѣдовало бы уже скорѣе обратиться къ самой исторической жизни со всей ея полнотой и многообразіемъ. А откуда же она могла бы взять въ такомъ случаѣ руководящія точки зрѣнія цѣнности, которыя бы позволили ей расчленивъ ея матеріаль и вообще овладѣть имъ? Для того, чтобы разобратъ во всей массѣ оцѣнокъ, отдѣлить въ нихъ существенное отъ несущественнаго, ей нужно было бы уже обладать тѣмъ, что она только должна найти: именно, знаніемъ цѣнностей, служащихъ принципами всеобщей исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ принципами самого историческаго универсума. Такимъ образомъ, психологія культуры, желая стать философіей исторіи, попадаетъ въ неизбѣжный кругъ.

На этомъ эмпирическомъ пути, просто анализируя лишь фактически существующія оцѣнки, мы вообще не

сможемъ достигъ нашей цѣли систематизированія и обоснованія историческихъ принциповъ. Наоборотъ, мы должны сначала, совершенно независимо отъ многообразія историческаго матеріала, найти путемъ размышленія то, что необходимо имѣеть мѣсто и что является предпосылкой всякой оцѣнки, притязающей на болѣе чѣмъ индивидуальную значимость. Лишь найдя цѣнности съ внѣвременной значимостью, мы сможемъ отнести къ нимъ всю массу эмпирически констатируемыхъ культурныхъ цѣнностей, возникшихъ въ теченіе историческаго развитія, и попытаться, систематизировавъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ критически отнестись къ нимъ. Лишь въ томъ случаѣ, слѣдовательно, если возможно найти сверхъ-историческія цѣнности, представляется возможной также и философія исторіи, какъ особая наука о принципахъ историческаго универсума, а тѣмъ самымъ также и истолкованіе смысла всеобщей исторіи. Размышленіе же о сверхъ-историческихъ цѣностяхъ не относится уже болѣе къ области спеціальной философской науки, какой является философія исторіи, оно тѣснѣйшимъ образомъ связано съ построеніемъ системы философіи вообще. Мы видимъ такимъ образомъ, что философія исторіи, какъ наука о принципахъ, соприкасается здѣсь съ болѣе общими философскими изслѣдованіями, въ особенности же съ ученіемъ о смыслѣ міра или, говоря болѣе научнымъ языкомъ, съ ученіемъ о смыслѣ человеческой жизни. Основныя положенія философіи исторіи совпадаютъ поэтому вообще съ основными положеніями философіи, какъ науки о цѣностяхъ (Wertwissenschaft).

На этомъ и кончаемъ мы здѣсь наше изслѣдованіе, ибо задачей нашей въ этой главѣ было лишь установить въ общихъ чертахъ понятіе философіи исторіи,

какъ ученія объ историческихъ принципахъ. Мы не беремся здѣсь разрѣшать вопроса о томъ, является ли выставленіе абсолютныхъ цѣнностей еще дѣломъ науки; ибо этотъ вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ о понятіи научной философіи вообще. Для насъ здѣсь было важно лишь показать, что законы не могутъ служить принципами исторіи, что поэтому, если кромѣ логическихъ имѣются еще и другія тоже философско-историческія проблемы, онѣ всѣ неизбѣжно должны вылиться въ вопросъ о смыслѣ исторіи и что для истолкованія этого требуется критерій цѣнности съ сверхъ-исторической значимостью. Слѣдуетъ еще только прибавить, что философіи, какъ критической и систематической наукѣ о цѣностяхъ, совсѣмъ не нужно предпосылать въ качествѣ критерія абсолютной цѣнности съ какимъ-нибудь определеннымъ содержаніемъ. Пусть удастся только найти чисто формальную безусловную цѣнность; все содержаніе системы цѣнностей можно будетъ тогда позаимствовать у исторической жизни, хотя послѣдняя уже по понятію своему не систематична. Но даже болѣе того. Философія исторіи, спрашивающая о смыслѣ исторіи, неизбѣжно должна будетъ пользоваться чисто формальными принципами цѣнности, именно потому, что значимость этихъ принциповъ должна простираться на всю историческую жизнь. Основываясь на этой предпосылкѣ, возможно, конечно, мыслить лишь такую систему цѣнностей, которая опять-таки только формально обладаетъ систематической полнотой, по отношенію же къ своему содержанію, напротивъ, никогда не можетъ быть закончена, ибо съ каждымъ моментомъ развивается новая историческая жизнь, а съ нею возникаютъ и новыя по своему содержанію культурныя

цѣнности, которыя должны найти свое мѣсто въ системѣ. Такимъ образомъ, въ отношеніи своего содержанія, система цѣнностей лишь постольку заслуживаетъ названія систематической, поскольку систематическая законченность представляется намъ въ видѣ столь же необходимой, сколь и неразрѣшимой задачи. Поэтому предметъ философіи исторіи, какъ науки о принципахъ, и составляетъ лишь «идею» въ кантовскомъ смыслѣ, какъ всюду тамъ, гдѣ предметомъ является какая-нибудь цѣлостность въ неисчерпаемой полнотѣ своего содержанія. Всѣ эпохи должны, слѣдовательно, работать надъ реализаціей идеи подобной системы цѣнностей съ сознаніемъ, что онѣ никогда не завершатъ этой работы. Но это отнюдь не уничтожаетъ значенія послѣдней. Напротивъ, тотъ, кто посвятитъ себя ей, будетъ одинаково черпать мужество, какъ обращая взоръ свой назадъ въ минувшее, такъ и смотря впередъ — въ будущее. Если мы отвлечемся отъ всѣхъ тѣхъ проблемъ, которыя, отдѣлившись въ теченіе вѣкового развитія отъ философіи, отошли въ область спеціальныхъ наукъ, то мы увидимъ, что всѣ великіе философы работали надъ системой цѣнностей въ указанномъ смыслѣ; ибо всѣ они вопрошали о смыслѣ жизни, и уже этотъ одинъ вопросъ предполагаетъ критерій цѣнности, который должно найти. Такимъ образомъ, на всѣхъ нихъ мы должны смотрѣть какъ на своихъ предшественниковъ. То обстоятельство однако, что этотъ основной вопросъ всей философіи не только не разрѣшенъ еще, но, что касается полноты его содержанія, и никогда не сможетъ быть вполнѣ разрѣшенъ, пока все еще возникаетъ новая историческая жизнь, опять-таки лишь возвышаетъ значеніе работы надъ его разрѣшеніемъ; ибо сознаніе столь же явной

необходимости, сколь и неразрѣшимости какой-нибудь задачи сообщаетъ намъ увѣренность въ ея «вѣчности»; какъ и Фихте, оно утѣшаетъ насъ тѣмъ, что, работая надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, мы, благодаря этой нашей работѣ, становимся тоже «вѣчными», подобно самой задачѣ.

ГЛАВА III.

Философія історіи, какъ всеобщая історія.

Мы можемъ теперь, наконецъ, обратиться къ проблемамъ третьей дисциплины, притязающей на названіе философіи історіи. Въ противоположность къ спеціальнымъ историческимъ наукамъ она хочетъ дать всеобщую історію, иными словами, она хочетъ изобразить историческій „міръ“, т. е. историческій универсумъ. Какимъ образомъ достигается она этой цѣли? Быть можетъ, задачей ея является связать въ одно цѣлое всѣ спеціальныя труды и, если на этомъ пути невозможно притти къ дѣйствительно законченному цѣлому, заполнить болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами тѣ пустыя мѣста во всеобщей історіи, которыя спеціальныя труды почему либо не могутъ заполнить? Простую сводку нельзя считать самостоятельной научной работой, а попытка выставить гипотезы тамъ, гдѣ у спеціалиста-ученаго уже болѣе нѣтъ возможности дать дѣйствительно серьезныя доказательства, можетъ вызвать только улыбку у всѣхъ историковъ. Подобная философія історіи уже потому была бы во всякомъ случаѣ излишней, что вѣдь сплошь и рядомъ историки сами пишутъ труды по всеобщей історіи. Такимъ обра-

зомъ къ философіи історіи можно приложить въ данномъ случаѣ то, что можно сказать о философіи вообще. Послѣ того, какъ всѣ отдѣльныя области дѣйствительности постепенно стали удѣломъ спеціальныхъ наукъ, у философіи какъ науки о дѣйствительности (Seinswissenschaft), не осталось болѣе своей самостоятельной задачи, которая касалась бы эмпирическаго міра. Подобно этому и общее познаніе историческаго цѣлаго, отличающееся отъ спеціально-научныхъ изслѣдованій лишь тѣмъ, что оно не ограничивается какой нибудь одной частью дѣйствительности, не можетъ служить болѣе задачей философіи історіи. Не только изображеніе отдѣльныхъ областей історіи, но и всеобщая історія, какъ историческая наука, должна быть всецѣло предоставлена историкамъ, въ данномъ случаѣ, исключительно только и компетентнымъ; точно также какъ одни лишь эмпирики имѣютъ право устанавливать научныя истины относительно бытія природы, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Надѣясь достичь въ этой области болѣшихъ результатовъ, нежели эмпирическая наука, философія вызвала бы этимъ только улыбку.

Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о философскомъ трактованіи матеріала, изображаемаго совокупностью всѣхъ эмпирическихъ историческихъ наукъ. Даже принимая во вниманіе не только формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе историческаго цѣлаго, у философіи остается еще одна задача, которую не въ состояніи разрѣшить ни одна эмпирическая историческая наука, и именно то обстоятельство, что труды по всеобщей історіи, написанные историками, носятъ чисто-историческій характеръ, поможетъ намъ опредѣлить точнѣе эту философскую задачу. Поэтому попробуемъ сначала, основываясь

на найденномъ нами понятіи логической сущности исторической науки, выяснить понятіе эмпирическаго изображенія всеобщей исторіи, чтобы затѣмъ, увидѣвъ, на какіе вопросы историки, какъ историки, не въ состояніи дать отвѣтовъ, узнать тѣмъ самымъ, какіе вопросы остается еще разрѣшить философіи.

Что касается способа изложенія, то „Всемирная Исторія“, написанная, напр., Ранке, ничуть не отличается отъ другихъ его произведеній, изображающихъ отдѣльные объекты; да этого и хотѣлъ вѣдь самъ авторъ. По словамъ Дове, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что „раньше или позже наступитъ время, когда можно будетъ писать одни только труды по всеобщей исторіи“; во всякомъ случаѣ его „всемирная исторія“ выросла изъ его спеціально научныхъ изслѣдованій; отъ послѣднихъ она не отличается никакимъ новымъ принципомъ. При этомъ для насъ важнѣе всего узнать, что понимаетъ историкъ Ранке подъ историческимъ „міромъ“, подъ тѣмъ цѣлымъ, о которомъ онъ трактуетъ. Какъ-то разъ говоритъ онъ, что наукѣ не чуждо ничто человѣческое, что она охвачена стремленіемъ объять всѣ вѣка и всѣ царства. На самомъ же дѣлѣ, однако, онъ весьма далекъ отъ того, чтобы въ своей всемирной исторіи говорить о всѣхъ вѣкахъ и всѣхъ царствахъ, и онъ безусловно не сдѣлалъ бы этого также и въ томъ случаѣ, если бы ему было суждено закончить свой трудъ. Вѣдь, говоря, напр., о томъ, что Александръ не былъ призванъ пройти сквозь Индію и открыть восточную половину Азіи, онъ все же замѣчаетъ, что послѣдняя „еще въ теченіе многихъ столѣтій не была втянута въ кругъ всемирной исторіи“. „Универсумъ“ Ранке есть лишь часть извѣстной намъ исторіи человѣчества, и при

этомъ, съ логической точки зрѣнія, онъ отнюдь не представляетъ изъ себя послѣдняго наиболѣе обширнаго историческаго цѣлага; такимъ образомъ онъ вообще не есть универсумъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но мало того. Требуя трактованія историческаго матеріала съ точки зрѣнія всеобщей исторіи, Ранке главнымъ образомъ лишь хочетъ, не ограничиваясь какимъ нибудь отдѣльнымъ народомъ, прослѣдить тѣ нити, которыя связуютъ между собою различные народы одного опредѣленнаго культурнаго круга. Ранке не только никогда не пытался установить понятіе историческаго универсума или связать его различныя части въ систематически законченное цѣлое, но онъ даже и не могъ бы этого сдѣлать, оставаясь историкомъ. Эмпирическая исторія ни въ коемъ случаѣ не можетъ стать систематической наукой, т. е. она не только не можетъ дать систему общихъ понятій, но она даже и въ томъ смыслѣ не можетъ стремиться къ систематизированію, если мы подъ системой будемъ понимать совокупность индивидуальныхъ рядовъ, которые, являясь членами индивидуальнаго цѣлага, замыкаются вмѣстѣ въ опредѣленное единство. Ибо, во-первыхъ, для того, чтобы построить подобную индивидуализирующую систему, необходимо было бы уже обладать системой всеобщихъ культурныхъ цѣнностей, выставленіе которой совсѣмъ не есть дѣло историка; и, во-вторыхъ, „историческое чувство“ (historischer Sinn) непременно должно будетъ противиться не только историческимъ законамъ, но и всякой систематикѣ вообще. Ибо послѣдняя лишила бы историка свободы и широты кругозора, которые нужны ему для непредвзятаго пониманія всѣхъ историческихъ событій во всемъ ихъ своеобразіи. Поэтому всѣ историки, даже

тѣ, которые работаютъ надъ всеобщей исторіей, оставаясь при этомъ историками, поступаютъ въ принципѣ не иначе какъ Ранке, т. е. не систематически. Мнимый недостатокъ этотъ былъ недавно рѣзко оттъненъ въ одной „всемирной исторіи“, покоящейся на „этнографическомъ“ фундаментѣ. Но развѣ попытка эта подвергнуть всѣ части земли историческому трактованію въ принципѣ дѣйствительно что нибудь измѣнила? Для систематическаго отграниченія (Abgrenzung) и расчлененія (Gliederung) историческаго универсума она во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть значенія. Выигрывая во внѣшней, количественной всеобщности, исторія необходимо при этомъ проигрываетъ во внутреннемъ единствѣ такъ какъ руководящій принципъ подобной исторіи не представляетъ изъ себя понятія какого-нибудь культурнаго цѣлаго.

Неизбѣжный „недостатокъ“ всякаго чисто историческаго изображенія всеобщей исторіи вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ намъ на задачи философскаго трактованія историческаго универсума. Въ противоположность исторіи философія всегда стремится къ систематизированію. Само собою понятно, что, поскольку рѣчь идетъ объ историческихъ фактахъ, она всегда должна опираться на эмпирическую историческую науку, подчиняясь въ этомъ безусловно ея авторитету. Несмотря на это, однако, во всѣхъ чисто историческихъ трудахъ, включая сюда и наиболѣе обширные, она можетъ видѣть лишь матеріаль, который она обрабатываетъ своего рода систематическимъ образомъ. Приступить къ этой обработкѣ она можетъ конечно лишь болѣе или менѣе разрѣшивъ уже свою задачу въ качествѣ науки о принципахъ. Имѣя же, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ,

критически обоснованную систему культурныхъ цѣнностей въ указанномъ смыслѣ, она можетъ приступить къ извѣстнаго рода систематическому пониманію также и содержанія исторіи. При этомъ, правда, она не строитъ системы общихъ понятій, какъ это дѣлаетъ генерализирующая наука, но за то систематическимъ образомъ отграничиваетъ и расчленяетъ историческій универсумъ.

Что касается отграниченія, то въ понятіе послѣдняго историческаго цѣлаго входитъ все то, что благодаря своей индивидуальности, является существеннымъ по отношенію къ критически обосновываемымъ, т. е. обладающимъ болѣе нежели эмпирической всеобщностью культурнымъ цѣностямъ. Конечно, возникающій такимъ образомъ историческій универсумъ можетъ быть опять таки лишь „идеей“ въ кантовскомъ смыслѣ, т. е. онъ, подобно самой системѣ культурныхъ цѣнностей, по содержанію своему никогда не сможетъ быть вполнѣ законченнымъ, почему онъ и относится уже, какъ говоритъ Медуза къ „трансцендентальной діалектикѣ“ критики историческаго разума. Но обстоятельство это не уничтожаетъ самостоятельнаго значенія систематическаго философско-историческаго трактованія историческаго универсума. Наоборотъ, отнесеніе къ системѣ цѣнностей позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и расчленить историческое цѣлое, т. е. оно позволяетъ намъ отграничить другъ отъ другъ опредѣленные наиболѣе важныя части его, какъ его „эпохи“ или „періоды“ и расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы смыслъ исторіи выражала не простая лишь абстрактная формула цѣнности, но конкретное изображеніе самого развитія. Выборъ существеннаго въ подобной философіи исторіи тоже долженъ отличаться отъ аналогичнаго процесса въ эмпирическихъ

наукахъ; философія исторіи принимаетъ вѣдь во вниманіе не всѣ культурныя цѣнности, обладающія эмпирической всеобщностью, но лишь только тѣ изъ нихъ, которыя нашли свое обоснованіе въ системѣ цѣнностей; масса историческихъ деталей должна будетъ поэтому отступить на задній планъ, такъ что рѣчь будетъ итти объ однихъ лишь „великихъ“ эпохахъ или періодахъ.

Это приводитъ насъ къ мысли о наукѣ съ весьма своеобразной логической структурой, именно къ понятію систематической науки о культурѣ. Несмотря на свой систематическій характеръ, она не представляетъ изъ себя генерализирующей науки, т. е. она не имѣетъ цѣлью построить систему болѣе или менѣе общихъ понятій, т. к. она вѣдь всегда имѣетъ дѣло съ исторической культурной жизнью, но она пытается, посредствомъ индивидуализирующаго метода, связать вмѣстѣ понятія объ историческихъ частичныхъ индивидуальностяхъ (Teilindividualität), сомкнуть ихъ въ законченное единое цѣлое понятія индивидуальности историческаго универсума (Universalindividualität). Такое понятіе не содержитъ въ себѣ никакого противорѣчія. Система цѣнностей дѣлаетъ возможнымъ систематизированіе, а отнесеніе къ системѣ цѣнностей позволяетъ примѣнить индивидуализирующій методъ.

Кто является носителями эпохъ историческаго универсума, отдѣльныя ли личности или движенія массъ— это можно, конечно, опять таки рѣшить лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; историческое изслѣдованіе не можетъ точно также рѣшить и вопроса о томъ, что представляютъ изъ себя наиболѣе обширные члены единичнаго процесса развитія: суть ли это различныя эпохи, слѣ-

дующія другъ за другомъ, или различныя народныя индивидуальности, отчасти сосуществующія другъ съ другомъ. Мы хотимъ здѣсь лишь отгѣнить систематическій характеръ философскаго трактованія того же самаго предмета, который историческія науки трактуютъ чисто историческимъ образомъ, и тѣмъ самымъ рѣзко отграничить философію исторіи не только со стороны генерализирующихъ общественныхъ наукъ или социологіи, какъ мы это уже сдѣлали раньше, но также и со стороны эмпирическихъ историческихъ наукъ. Въ указанномъ выше смыслѣ даже съ самой исторіей философія должна поступать не историческимъ образомъ. Ранке поэтому былъ правъ, когда, чувствуя противорѣчіе между своими общеисторическими построеніями и построеніями нѣкоторыхъ философовъ, опасался вторженія философіи въ область исторіи. Но все таки онъ былъ неправъ въ своемъ отношеніи къ философіи исторіи, ибо, скорѣе лишь чувствуя названное различіе, нежели ясно сознавая его, онъ не въ силахъ былъ его рѣзко формулировать въ понятіяхъ. Если и не въ своей „всемирной исторіи“, то въ своихъ лекціяхъ „объ эпохахъ новой исторіи“¹⁾, онъ самъ попытался дать нѣчто, что приближается въ извѣстномъ смыслѣ къ философіи исторіи. Для философіи трудъ этотъ все же слишкомъ историченъ и потому несистематиченъ; онъ представляетъ изъ себя такимъ образомъ переходную или смѣшанную форму, что понятно отнюдь не уничтожаетъ его цѣнности, т. к. онъ все же является выраженіемъ гениальной личности; имѣя въ виду его логическую структуру, мы, однако, должны назвать его

¹⁾ Этотъ трудъ знаменитаго историка переведенъ на русскій языкъ подъ редакціей проф. Виноградова. *Прим. перев.*

переходной формой. Желая быть въ извѣстномъ смыслѣ систематическимъ, трудъ этотъ не признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго ряда предпосылокъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая систематика. Это именно показываетъ намъ, какъ рѣзко необходимо различать между этими двумя понятіями: эмпирической несистематической исторической наукой и философіей исторіи. А если различіе это дѣйствительно не забывается, и если философъ исторіи избѣгаетъ вторженія въ область историческихъ наукъ, то его систематическій способъ разсмотрѣнія всего историческаго развитія имѣетъ на ряду съ историческимъ и несистематическимъ изображеніемъ исторической жизни неоспоримое право на существованіе.

Но для того, чтобы вполне уяснить это различіе и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость этого вида философіи исторіи, мы должны принять во вниманіе еще второй пунктъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ стремленіемъ къ систематизированію. Сущность „историческаго чувства“ составляетъ не одна только безсистемность; непредвзятое пониманіе историческаго процесса подразумеваетъ также вѣру въ „право“ каждой исторической дѣйствительности. Поэтому историкъ долженъ въ качествѣ историка воздерживаться отъ прямой оцѣнки своихъ объектовъ, и въ виду этого логика исторіи должна рѣзко отдѣлять теоретическое отнесеніе къ цѣнности отъ практической оцѣнки. Наоборотъ, философія, задачей которой является критически отнестись къ культурнымъ цѣностямъ, не признаетъ никакого „права“, подобающаго историческому, какъ таковому. И если философія вполне признаетъ чисто-историческій методъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, то столь же рѣ-

шительно должна она отклонить историзмъ какъ міровоззрѣніе. Историзмъ этотъ, столь много о себѣ думающій, представляетъ изъ себя въ сущности одну изъ формъ релятивизма и скептицизма; при послѣдовательности въ мышленіи онъ необходимо долженъ привести къ полнѣйшему нигилизму. Онъ этого избѣгаетъ съ виду лишь тѣмъ, что, совершенно произвольно тяготя къ какой нибудь одной изъ всѣхъ многообразныхъ историческихъ комбинацій, онъ ей приписываетъ „право историческаго“, черпая уже затѣмъ изъ нея всю массу положительной жизни. Это, правда, отличаетъ его отъ абстрактно формулированнаго релятивизма и нигилизма, но въ принципѣ, однако, ничуть не мѣняетъ дѣла. Будучи послѣдовательнымъ, историзмъ долженъ былъ бы приписывать право историческаго всякой любой исторической дѣйствительности, а именно потому что онъ долженъ былъ бы тяготѣть всюду, онъ нигдѣ собственно не можетъ тяготѣть. Какъ міровоззрѣніе, онъ возводитъ въ принципъ совершенную безпринципность, почему философія исторіи и должна бороться съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Что касается пониманія историческаго универсума, то, въ противоположность къ историзму, философія исторіи покидаетъ историческій методъ чисто-теоретическаго отнесенія къ цѣнности, замѣняя его критической оцѣнкой. Лучше всего мы уяснимъ себѣ это на примѣрѣ понятія прогресса, въ философіи исторіи опять вступающаго въ свои права. Ясно, что эту категорію нельзя отнести къ принципамъ эмпирической исторической науки. Подобно отнесенію къ системѣ цѣнностей она помѣшала бы непредвзятому пониманію историческихъ явленій во всемъ ихъ своеобразіи и, какъ

справедливо выразился Ранке, она медиатизировала бы прошедшее. Наоборотъ, философія исторіи не можетъ обойтись безъ категоріи прогресса, необходимой ей для того, чтобы подняться надъ нигилизмомъ историзма. Въ связи съ расчлененіемъ историческаго универсума она должна оцѣнить различныя стадіи единичнаго процесса развитія въ отношеніи того, что каждая изъ нихъ сдѣлала для реализаціи критически обоснованныхъ цѣнностей. Для этой цѣли она должна, въ сознанномъ противорѣчій съ чисто историческимъ пониманіемъ дѣйствительности, не только медиатизировать прошедшее ради настоящаго и будущаго, но прямо таки судить его, т. е. мѣрять его цѣнность съ точки зрѣнія своего идеала. Лишь само изслѣдованіе, понятно, сможетъ отвѣтить на вопросъ, повсюду ли или только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ историческій процессъ представляетъ изъ себя непрерывный рядъ прогресса или возрастаніе цѣнности. На первый взглядъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что исторія представляетъ изъ себя непрерывный регрессъ или постоянныя уклоненія въ ту или другую сторону, смѣну прогресса и вырожденія. Мыслимъ даже и такой случай: въ исторической жизни невозможно констатировать никакого подъема или упадка по отношенію къ цѣностямъ. Но какъ бы мы ни рѣшили этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ всѣ философы, которые дѣйствительно занимались исторіей, т. е. индивидуализирующимъ способомъ рассматривали единичное развитіе человѣческой культуры, а не только какъ соціологи искали законовъ общественной жизни,—всѣ они подходили къ разсмотрѣнію историческаго процесса съ какимъ нибудь критеріемъ цѣнности, а это только и позволяло имъ, расчленивъ эпохи историческаго универсума, подвергать

ихъ оцѣнкѣ. Даже такой философъ, какъ Шопенгауэръ, отрицавшій всякую философію исторіи на томъ основаніи, что историческое развитіе не представляло для него никакого прогресса и потому казалось совершенно бессмысленнымъ, даже онъ занимался въ указанномъ смыслѣ философіей исторіи, и если отличался въ принципѣ чѣмъ нибудь отъ другихъ философовъ исторіи, то только своимъ чисто отрицательнымъ результатомъ, а отнюдь не постановкой философско-исторической проблемы. Что философское трактованіе историческаго универсума по существу своему носитъ систематическій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо связано съ оцѣнкой,—это можетъ оставаться неяснымъ лишь для тѣхъ, кто, какъ это часто случается, не въ состояніи различать между бытіемъ и долженствованіемъ, между дѣйствительностью и цѣнностью, или кто, раздѣляя господствующее недовѣріе къ научному обоснованію цѣнностей, рѣшается высказывать оцѣнки лишь въ скрытомъ видѣ, для того чтобы изслѣдованіе его казалось чисто теоретическимъ, отвлекающимъ отъ всякихъ цѣнностей. Философія и должна прослѣдить эти скрытыя оцѣнки и доказать ихъ принципиальную необходимость. Въ виду широко распространенныхъ нынѣ неясности и путаницы понятій въ этой области задача эта представляется тѣмъ болѣе настоятельной для философіи.

Мы не намѣрены здѣсь разбирать подробно всѣ эти вопросы. Мы хотѣли здѣсь лишь указать на ту задачу, которая возникаетъ для философіи исторіи на ряду съ задачами эмпирической исторической науки, лишь только мы признаемъ для нея въ качествѣ предпосылки систему культурныхъ цѣнностей, какъ идею. Мы не можемъ здѣсь дать хотя бы краткой попытки разрѣшенія этой задачи;

для этого намъ нужно было бы развить, съ одной стороны, систему философіи и, съ другой стороны, принять во вниманіе данныя историческихъ наукъ. Чтобы сдѣлать наши выводы, однако, менѣе схематичными, обратимся къ прошлому философіи исторіи. Сравнивая выставленныя ранѣе понятія историческаго универсума и возникающія отсюда понятія философской всеобщей исторіи съ современнымъ состояніемъ этой дисциплины, мы, пожалуй, лучше всего сможемъ уяснить себѣ настоящее положеніе дѣлъ. Къ тому же этотъ эскурсъ въ прошлое покажетъ намъ, что тѣ философско-историческія проблемы, къ разбору которыхъ мы подошли теперь, ранѣе и болѣе всего интересовали человѣчество, и какъ, слѣдовательно, мало произвольно наше философско-историческое изслѣдованіе, ориентированное на логикѣ, Мы увидимъ, что наше изслѣдованіе привело насъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же самымъ проблемамъ, которыя когда-то были главными проблемами философіи исторіи.

Три эпохи можно различить въ исторіи философіи исторіи. Имъ соотвѣтствуютъ и нынѣ встрѣчающіеся еще три типа, которые можно назвать кантовскими терминами догматизма, скептицизма и критицизма. Эти три термина обозначаютъ конечно теоретическія цѣнности, и съ отнесеніемъ къ нимъ всего историческаго процесса его можно расчленивъ слѣдующимъ образомъ.

Уже часто указывали (въ послѣднее время въ особенности—Дильтей) на то, что, если и не понятіе исторіи вообще, то во всякомъ случаѣ понятіе историческаго универсума было чуждо грекамъ, и что только христіанство расчистило путь идеѣ „всемирной исторіи“ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Рѣшающимъ моментомъ при этомъ было представленіе единства че-

ловѣческаго рода. Оно устанавливается главнымъ образомъ, повидимому отношеніемъ къ Богу различныхъ частей человѣчества. Ибо всѣ народы должны искать Бога, и такимъ образомъ человѣчскій родъ въ своемъ единичномъ развитіи становится въ идеѣ единымъ законченнымъ цѣлымъ. Богъ создалъ міръ и людей, и при томъ всѣ люди происходятъ отъ одной четы. Такъ, въ опредѣленный моментъ времени начинается всемирная исторія, и со страшнымъ судомъ она кончится. Послѣдній рѣшаетъ уже, насколько развитіе міра выполнило свою задачу, выразило его смыслъ. Грѣхопаденіе и пришествіе Спасителя расчленяютъ весь историческій процессъ на эпохи, такъ что возникаетъ цѣлый рядъ ступеней развитія. Ясно, что на такой основѣ возможно построить всеобщую исторію, въ которой каждое событіе, обладающее значеніемъ по отношенію къ смыслу исторіи, становится членомъ цѣлаго, ступенью развитія въ всеобщей единой связи.

Мы не указали, однако, еще одного существеннаго момента, придающаго всѣмъ этимъ представленіямъ догматическій характеръ и въ послѣдствіи особенно подвергшаго ихъ нападкамъ со стороны скептицизма. Вначалѣ христіанская философія мало интересовалась проблемами внѣшняго міра, но постепенно религіозныя представленія тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются съ опредѣленнымъ представленіемъ о космосѣ, въ значительной степени взятымъ отъ древняго міра. Общей историческій процессъ теперь уже не только ограниченъ во времени,—сотвореніемъ міра, съ одной стороны, и страшнымъ судомъ съ другой,—но и мѣсто, на которомъ онъ разыгрывается, не необозримо въ пространственномъ отношеніи. Вспомнимъ, напр., міръ Данте,

который цѣликомъ можно нарисовать. Онъ представляетъ изъ себя законченное цѣлое, шаръ, въ центрѣ котораго покоится мѣсто дѣйствія всемірной исторіи,— земля. Надъ этимъ шаромъ, отдѣленный отъ него въ пространствѣ, находится престолъ Божій. Противъ него на землѣ Іерусалимъ и т. д. и т. д. Съ такими предпосылками дѣйствительно можно говорить о „всемірной исторіи“ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и въ точно ограниченныхъ рамкахъ обрисованныхъ нами представленийъ становится также возможнымъ набросать наглядную картину этой всемірной исторіи. Если взоръ греческихъ мыслителей либо покоился на вѣчномъ ритмѣ бытія, либо обращался въ сторону царства сверхъестественныхъ, но столь же абсолютно неисторическихъ, безвременныхъ, сверхъиндивидуальныхъ формъ, то нынѣ сущность міра начинаютъ видѣть въ единичномъ отнесенномъ къ Богу историческомъ процессѣ его становленія.

Насъ не интересуютъ здѣсь всѣ многообразныя философско-историческія теоріи, возникшія на этой почвѣ. Ясно, что ихъ понятіе и ихъ расчлененіе историческаго универсума имѣютъ съ логической точки зрѣнія такую же структуру, какъ и обрисованное выше понятіе и расчлененіе послѣдняго историческаго цѣлага. А что, какъ это особенно важно для насъ, ихъ основные принципы суть понятія цѣнности, это ясно уже изъ того, что всѣ эти теоріи носятъ философско-религіозный характеръ: Богъ есть абсолютная цѣнность, къ которой все относится. Но простое отнесеніе къ цѣнности не удовлетворяетъ. Всемірная исторія хочетъ быть своего рода „судомъ міра“, и при томъ въ иномъ, нежели у Шил-

лера смыслѣ ¹⁾. Она хочетъ пока, такъ сказать, дать лишь отчетъ о цѣнности историческаго процесса, а Богъ уже затѣмъ на страшномъ судѣ произнесетъ въ соответствіи съ нимъ свой окончательный приговоръ.

Что же лишило всѣ эти философско-историческія теоріи почвы подъ ногами и вызвало характеризующій вторую эпоху поворотъ въ сторону скептицизма? Сдѣлалъ это главнымъ образомъ переворотъ въ представленіяхъ о космосѣ, происшедшій въ началѣ современной эпохи. Переворотъ этотъ и въ настоящее время еще не лишень значенія, ибо онъ именно создалъ въ принципѣ ту картину міра, которая и нынѣ является послѣднимъ словомъ науки, которой, во всякомъ случаѣ, мы только и можемъ приписывать научный характеръ. При этомъ, какъ это въ особенности показалъ Риль, перемѣна геоцентрической точки зрѣнія на геліоцентрическую не имѣла уже такого рѣшающаго значенія; ибо съ перемѣной положенія земли внутри мірового шара можно было бы еще помириться. Рѣшающимъ моментомъ явилось ученіе Джіордано Бруно о безконечности міра; о него должна была сломиться всякая философія исторіи, желавшая быть вмѣстѣ съ тѣмъ „всемірной исторіей“ въ строгомъ смыслѣ этого слова. О томъ, что не ограничено во времени и въ пространствѣ, можно только формулировать законы, и то лишь въ уже указанномъ выше смыслѣ, такъ чтобы значимость законовъ простиралась на любую часть этого „міра“. Выраженіе „всемірная исторія“ такимъ

¹⁾ Намекъ на извѣстныя и вызвавшія много споровъ слова изъ стихотворенія Шиллера „Resignation“: „Die Weltgeschichte ist das Weltgericht“.

образомъ уже навсегда лишается своего подлиннаго значенія. Одновременно и все понятіе послѣдняго историческаго цѣлаго тѣмъ самымъ становится проблемой, и на первый взглядъ повидимому и нѣтъ даже пути къ ея разрѣшенію. Даже и на исторію человѣческаго „міра“ нельзя уже смотрѣть, какъ на какое-то единое, необходимо отнесенное въ своей индивидуальности къ абсолютной цѣнности, въ соотвѣтствіи съ ней измѣряемое цѣлое. Мѣсто дѣйствія ея, земля, потеряла все свое значеніе въ безконечной вселенной. Она стала безразличнымъ экземпляромъ родового понятія, и столь же безразличнымъ стало нынѣ, подъ угломъ зрѣнія наукъ, формулирующихъ законы, все то единичное и особое, что на ней разыгрывается.

Для насъ важно здѣсь отмѣтить, что весь этотъ поворотъ въ сторону скептицизма былъ въ принципѣ уже подготовленъ ученіемъ Коперника и Джіордано Бруно, а отнюдь не вызванъ, какъ многіе это считаютъ, современной біологіей. Значеніе теоріи происхожденія видовъ для спеціальной науки конечно громадно. Мы уже показали, однако, что она не можетъ дать никакихъ положительныхъ принциповъ для историческаго пониманія дѣйствительности, и теперь должны еще прибавить, что ей даже собственно уже ничего не осталось разрушать отъ древней философіи исторіи, въ особенности, если идею временной безграничности міра продумать до конца. Такимъ образомъ, изъ естественныхъ наукъ для общихъ вопросовъ міровоззрѣнія дѣйствительное значеніе имѣла не біологія, а астрономія, и даже она, по крайней мѣрѣ, что касается философско-историческихъ проблемъ, имѣла лишь отрицательное, разрушающее значеніе.

Мы можемъ даже сказать, что рѣшающій шагъ для новаго и положительнаго поворота въ философіи исторіи былъ сдѣланъ еще раньше, чѣмъ эволюціонная біологія дѣйствительно стала научной теоріей; ибо поворотъ этотъ, какъ и все, что касается послѣднихъ основъ нашего философскаго мышленія, былъ данъ Кантомъ, котораго какъ это ни забавно, хотятъ нынѣ опровергнуть при помощи дарвинизма; при этомъ поворотъ этотъ былъ вызванъ своеобразнымъ сплетеніемъ гносеологическихъ и этическихъ проблемъ. Кантъ самъ сравнилъ свою гносеологію съ открытіемъ Коперника, и мы можемъ еще и въ другомъ направленіи продолжить это сравненіе. Именно благодаря „точкѣ зрѣнія Коперника“ трансцендентальный идеализмъ снова знаменуетъ собой поворотъ на томъ пути, по которому повидимому должна была пойти философія вслѣдствіе новыхъ открытій въ астрономіи, вызвавшихъ перемѣну въ нашихъ представленіяхъ о мірѣ. Но, и это самое главное, поворотъ этотъ оставляетъ эту новую картину міра совершенно неприкосновенной, открывая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность для новой постановки старыхъ проблемъ.

Вполнѣ признавая современное естествознаніе, Кантъ снова отводитъ человѣку „центральное мѣсто“ въ мірѣ. Правда, не въ пространственномъ, но зато въ еще болѣе важномъ для философіи исторіи смыслѣ. Теперь снова все „вращается“ вокругъ субъекта. „Природа“ не есть абсолютная дѣйствительность, но соотвѣтственно общей сущности своей она опредѣлена „субъективными“ формами пониманія, и именно „безконечная“ вселенная есть ни что иное, какъ „идея“ субъекта, мысль о необходимости поставленной ему и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрѣшимой задачѣ. Этотъ „субъективизмъ“ не только

трансцендентальный
трансцендентальный
идеализмъ

не затрагиваетъ основъ эмпирическаго естествознанія, но еще болѣе укрѣпляетъ ихъ; зато онъ совершенно разрушаетъ основы натурализма, не видящаго въ историческомъ никакого смысла. Значеніе этой разрушительной работы было огромно; она прежде всего уничтожала всѣ препятствія, мѣшавшія историческому пониманію бытія; а благодаря тѣсной связи между гносеологіей и этикой, она клала первый камень для построенія положительной философско-исторической системы. Не только со своимъ теоретическимъ разумомъ человѣкъ стоитъ въ центрѣ „природы“, но въ то же самое время онъ своимъ практическимъ разумомъ непосредственно постигаетъ себя, какъ нѣчто, что даетъ культурной жизни объективный смыслъ, именно какъ сознающую долгъ, автономную, „свободную“ личность, и этому практическому разуму принадлежитъ приматъ. Какъ незначителенъ въ сравненіи съ этимъ тотъ фактъ, что мѣсто дѣйствія исторіи ограничено въ пространствѣ и времени, что это бесконечно малая частица на одной изъ бесконечныхъ точекъ міроваго цѣлаго! Для „законодательствующаго“ въ теоретической и практической области автономнаго субъекта всѣ эти пространственные и временныя отношенія уже не имѣютъ болѣе никакого значенія при обсужденіи вопросовъ цѣнности. Автономный человѣкъ предоставляетъ наукѣ, уничтожившей старыя представленія о мірѣ, полную свободу во всемъ томъ, что касается изслѣдованія ея „природы“, включая сюда и психическую жизнь. Никогда, однако, не позволить онъ этой наукѣ о бытіи вещей высказывать что нибудь о цѣнности или отсутствіи цѣнности, о смыслѣ или бессмысленности міроваго процесса; ибо въ качествѣ пракческаго разума онъ абсо-

лютно увѣренъ въ своей „свободѣ“, какъ въ истинномъ смыслѣ міра и его исторіи. Тѣмъ самымъ въ принципѣ найдена положительная критическая точка зрѣнія по отношенію къ исторіи и положено начало третьей эпохѣ философіи исторіи.

Самъ Кантъ, правда, не создалъ системы философіи исторіи, но цѣлый рядъ ихъ выросъ на почвѣ созданной имъ системы, и это одно составляетъ уже немаловажную заслугу. Единичный процессъ развитія человечества можно было отнынѣ снова понять какъ единое цѣлое при помощи такихъ абсолютныхъ понятій цѣнности, какъ понятіе разума и свободы, и при этомъ расчленяя его на различныя стадіи, такъ чтобы критеріемъ оцѣнки каждой ступени развитія служило то, что каждая изъ нихъ въ своемъ своеобразіи сдѣлала для реализаціи міроваго смысла. Эта возможность снова положительно отнестись къ исторической жизни составляетъ громадную надолго непреходящую заслугу философіи нѣмецкаго идеализма. Если какая нибудь философская система не въ состояніи обезпечить этой возможности, то какъ бы ни была она интересна въ частностяхъ, она никогда не сможетъ удовлетворить культурнаго человѣка, дать ему дѣйствительно широкое міровоззрѣніе. Во всякомъ случаѣ ей нечего надѣяться превзойти философію нѣмецкаго идеализма. Находясь всецѣло подъ вліяніемъ той мысли, что цѣлью земной жизни человечества является проведеніе во взаимныя отношенія людей принциповъ разума и свободы, Фихте первый послѣ Канта построилъ философское понятіе „всемирной исторіи“, какъ единаго цѣлаго. За нимъ Гегель, исходя изъ понятія свободы, набросалъ свою философско-историческую систему, гораздо болѣе обширную, нежели это

видно изъ его посмертныхъ „лекцій“, достигнувъ этимъ въ то же самое время кульминаціоннаго пункта философско-историческихъ изслѣдованій подобнаго рода. Мы не можемъ здѣсь войти въ разборъ содержанія его системы, еще и до сихъ поръ мало понятой. Мы не можемъ также останавливаться здѣсь на различіяхъ въ понятіи свободы у Канта, Фихте и Гегеля. Для насъ важно здѣсь лишь указать на то, что философія нѣмецкаго идеализма вообще нашла такое безусловное понятіе цѣнности, которое позволило ей подвергнуть философскому обсужденію въ указанномъ выше смыслѣ весь историческій процессъ, что это понятіе цѣнности было вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно формально для того, чтобы служить пунктомъ отнесенія къ цѣнности для всеобщей исторіи, какъ это особенно можно замѣтить у Гегеля въ его гениальной философско-исторической конструкціи, и что при этомъ, наконецъ, оказалось въ принципѣ вполне возможнымъ обойтись безъ предпосылокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя принимала прежде старая философія исторіи, уничтоженная современнымъ естествознаніемъ.

Для философіи исторіи нашего времени возникаетъ поэтому вопросъ, возможно ли, на почвѣ основаннаго Кантомъ идеализма и при полномъ признаніи всѣхъ данныхъ современнаго естествознанія, найти, во-первыхъ, такую точку зрѣнія цѣнности, которая позволила бы подвергнуть всеобщую исторію философскому обсужденію, и, во-вторыхъ, построить такую философію исторіи, которая, принимая во вниманіе историческое знаніе нашего времени, при всѣхъ различіи въ содержаніи, все-таки обладала бы въ принципѣ точно такой же формальной структурой, какъ и философско-историческія системы

Фихте и Гегеля. Что такая философія, исходя изъ формальныхъ и абсолютныхъ цѣнностей въ цѣляхъ истолкованія смысла исторіи, будетъ слишкомъ высоко парить надъ жизнью,—этого бояться нечего. Именно формальныя цѣнности возможно примѣнить ко всему содержанію жизни, и тотъ, кто хочетъ подойти къ жизни съ какойнибудь оцѣнкой, долженъ самъ имѣть прочную абсолютную точку зрѣнія. Лишь благодаря непослѣдовательности релятивизмъ тоже интересуется проблемами культуры, а натурализмъ со своей постоянной тенденціей къ обобщенію необходимо подвергается опасности потерять изъ виду все особое и единичное, т. е. единственно дѣйствительное. Лишь съ точки зрѣнія абсолютнаго идеала, служащаго намъ критеріемъ для эмпирической дѣйствительности, имѣетъ вообще смыслъ наполнить цѣнностями исторически обусловленную культурную жизнь во всемъ ея своеобразіи и индивидуальности. Что исторически настроенный идеализмъ Гегеля имѣлъ для проблемъ культуры и исторіи громадное значеніе,—этого не сможетъ отрицать никто, болѣе или менѣе знакомый съ идейной жизнью послѣдняго столѣтія. Но, пожалуй, еще яснѣе мы увидимъ на примѣрѣ Фихте, что даже самый высоко парящій идеализмъ не только соединимъ съ сильнымъ чутьемъ дѣйствительности, но что онъ даже необходимо побуждаетъ интенсивно заниматься практическими вопросами исторической жизни, самыми жгучими вопросами дня.

Но именно напоминаніе объ этихъ мыслителяхъ указываетъ намъ на одну сторону въ проблемѣ философскаго трактованія историческаго универсума, еще недостаточно выясненную нами. Дѣло въ томъ, что если философія исторіи нѣмецкаго идеализма и была, правда,

независима отъ ученій естествознанія, то въ тѣмъ большей зависимости находилась она зато отъ предпосылокъ относительно метафизической сущности, лежащей въ основѣ историческаго „міра явленій“. Уже у Канта ученіе о свободѣ было связано съ его метафизическимъ понятіемъ „интеллигибельнаго характера“, и вполне уже ясно проявляется это метафизическое обоснованіе философіи исторіи у Гегеля. Можетъ ли философія исторіи отрѣшиться отъ метафизики, или она всегда предполагаетъ два рода бытія, одинъ міръ явленій, въ которомъ разыгрываются историческія событія и другой міръ истинной, по ту сторону явленій лежащей реальности, къ которой мы необходимо должны отнести историческія явленія, разъ мы хотимъ, чтобы они представляли изъ себя единое расчлененное развивающееся цѣлое? Мы повидимому подошли теперь къ самому главному пункту, и въ виду взаимной связи различныхъ философско-историческихъ проблемъ между собою, значеніе этого вопроса простирается еще гораздо дальше.

Мы вѣдь нашли, что истолкованіе общаго смысла исторіи предполагаетъ идею системы безусловныхъ цѣнностей, могущихъ служить критеріемъ для культурныхъ цѣнностей, обладающихъ эмпирической всеобщностью. Можно ли дѣйствительно обосновать эту систему безъ того, чтобы, такъ сказать, не прикрѣпить ее къ метафизическому міру? Такое прикрѣпленіе вѣдь даетъ намъ увѣренность въ томъ, что историческое бытіе въ своемъ метафизическомъ началѣ предрасположено къ реализаціи того, что должно быть? Повидимому даже и эмпирическая историческая наука не можетъ обойтись безъ метафизическихъ предпосылокъ. Вѣдь для нѣкоторыхъ мыслителей

исторія кажется чѣмъ-то „призрачнымъ“, если въ объектахъ ея, въ особенности въ историческихъ личностяхъ, видѣть только имманентную дѣйствительность. Лишь „существенныя“ метафизическія души участвуютъ на исторической сценѣ, и мы должны представлять ихъ себѣ, такъ сказать, вкрапленными въ обнимающую всѣ отдѣльныя души великую „духовную“ связь, недоступную для простаго опыта, носительницу безусловныхъ цѣнностей, безъ которой вся исторія представляла бы повтому бессмысленной конгломератъ фактовъ, изслѣдовать который не имѣло бы никакого значенія. Однимъ словомъ, предполагаетъ ли положительное критическое трактованіе философско-историческихъ проблемъ какую нибудь метафизику или нѣтъ, подразумѣвая подъ метафизикой допущеніе двухъ реальностей, одной просто эмпирической, имманентной, и другой абсолютной, трансцендентной?

Мы должны хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ постараться освѣтить эти проблемы; при этомъ мы начнемъ съ вопроса о метафизическихъ предпосылкахъ, безъ которыхъ, будто бы, не можетъ обойтись даже и эмпирическая историческая наука, ибо только такимъ образомъ мы сможемъ отвѣтить также и на вопросъ о необходимости метафизическихъ допущеній для истолкованія смысла исторіи и для философскаго трактованія всеобщей исторіи.

Прежде всего мы, конечно, не будемъ спорить противъ того, что у многихъ историковъ была вѣра, которая, въ случаѣ, если бы мы пожелали ее формулировать абстрактно, несомнѣнно приняла бы метафизическій характеръ, и точно такъ же несомнѣнно, что въ значительной степени именно эта вѣра придавала въ ихъ

глазахъ смыслъ и значеніе изслѣдованію исторической жизни. Здѣсь опять-таки можно сослаться на Ранке, видѣвшаго въ великихъ тенденціяхъ исторіи мысли Бога, при помощи которыхъ Провидѣніе осуществляетъ свой божественный планъ мірового устройства, а также и другіе историки сплошь и рядомъ опирались на сверхъэмпирическія предпосылки. Въ особенности зависятъ отъ подобнаго рода предпосылокъ и тѣ историки, которые увѣрены въ томъ, что они нашли „законы развитія“ для всей исторической жизни. Вѣра эта, правда, принимаетъ у нихъ подъ вліяніемъ моды натуралистической покровъ, она превращается у нихъ въ вѣру въ понятія закона, въ которыхъ они видятъ дѣйствующія силы, но отъ этого она отнюдь не становится менѣ метафизической; ибо только метафизически гипостазируя законы, можно видѣть въ нихъ дѣйствующія силы. Вѣра, подобная той, которую исповѣдывалъ Ранке, безусловно представляетъ собой важную философскую проблему; ее нельзя просто отклонить указаніемъ на то, что все это не касается науки и не оказываетъ на нее никакого вліянія послѣднее вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что вѣра, какъ это и сказалъ Ранке о своемъ ученіи объ идеяхъ, не насилуетъ частностей исторической жизни. Въ общемъ же оно тоже относится къ предпосылкамъ исторической науки постольку, поскольку на ней основано убѣжденіе, что нѣчто бѣльшее, чѣмъ наше произвольное желаніе, заставляетъ насъ вообще придавать исторической жизни „объективное“ значеніе.

Съ другой стороны этимъ еще не сказано, что при этомъ важенъ именно метафизическій моментъ, отличающій вѣру. Въ качествѣ историка историкъ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ осложнять своей вѣры научно

формулированной метафизикой, внося послѣднюю въ свои труды. Это привело бы его къ обрисованной уже нами теоріи двухъ родовъ бытія, и онъ тотчасъ же натолкнута бы на весьма большія трудности въ случаѣ, если бы ему пришлось что нибудь высказать объ отношеніи къ трансцендентной дѣйствительности историческихъ событій, разыгрывающихся въ мірѣ опыта. Уже одна та мысль, что историческія событія суть простыя „явленія“ лежащаго за ними метафизическаго бытія, мало способна увеличить въ глазахъ историка значеніе его работы. Скорѣе наоборотъ, она должна охладить весь его пылъ. Для естествоиспытателя, пожалуй, безразлично, суть ли его объекты простыя явленія или реальности. Они интересуютъ его лишь какъ экземпляры рода, и общія понятія, которыя онъ только и ищетъ, во всякомъ случаѣ сохраняютъ свою значимость. Наоборотъ, событія, существенныя лишь въ силу своей индивидуальности, теряютъ все свое значеніе въ томъ случаѣ, если мы не будемъ разсматривать ихъ какъ реальности, и если цѣнности, къ которымъ историкъ относитъ свои объекты, не осуществляются въ бытіи, непосредственно доступномъ наукѣ. Поэтому отнюдь не философско-историческій интересъ вызвалъ потребность въ стоящей за ними абсолютной реальности. Виновата въ этомъ скорѣе та причудливая „гносеологія“, которая превращаетъ міръ опыта въ простую иллюзію, въ покрывало Майи, утверждая, что признаніе его реальности ведетъ къ сомнамбулизму или, какъ теперь говорятъ, къ иллюзионизму. Для мышленія, не затронутого въ той или иной формѣ метафизикой, непосредственно данная жизнь никогда не можетъ казаться сномъ или призракомъ, и во всякомъ случаѣ эмпирикъ-историкъ не долженъ

покидать міра, доступнаго его опыту. Въ немъ только и долженъ видѣть онъ единственную реальность, интересующую его, какъ историка, оставляя открытымъ вопросъ объ его метафизической „подпочвѣ“.

Можемъ ли мы видѣть въ системѣ цѣнностей нѣчто послѣднее, дальше чего мы не должны идти, даже отыскивая принципы исторіи и истолковывая ихъ смыслъ? Или, можетъ быть, допущеніе безусловной значимости этихъ цѣнностей подразумеваетъ уже и признаніе трансцендентной реальности? И не возникаетъ ли такимъ образомъ для философіи, не желающей обойти молчаніемъ всѣ эти вопросы, задача опредѣлить отношеніе цѣнностей къ метафизическому міру?

Мы готовы допустить, что, предполагая безусловную значимость цѣнностей, мы выходимъ изъ имманентнаго міра и, стало быть, вступаемъ въ область трансцендентнаго, и потому, во избѣжаніе неясности, мы дѣйствительно должны, въ противоположность чисто имманентной философіи, подчеркнуть признаніе нами значимости трансцендентныхъ цѣнностей. Но врядъ ли имѣетъ, смыслъ итти дальше, видѣть въ этихъ цѣностяхъ также и указаніе на какое-то трансцендентное бытіе. Во-первыхъ, одного неопредѣленнаго указанія еще весьма недостаточно для науки и, во-вторыхъ, всякая попытка болѣе точнаго опредѣленія трансцендентной реальности либо должна заимствовать матеріаль свой отъ имманентной реальности, либо ограничиться одними лишь отрицательными сужденіями. А врядъ ли нужно еще доказывать, что по вопросу объ отношеніи совершенно неопредѣленной либо лишь чисто отрицательнымъ образомъ опредѣленной реальности къ имманентному міру наука не сможетъ сказать ничего положительнаго. Та-

кимъ образомъ и для философіи исторіи, какъ ученія о принципахъ, трансцендентная реальность остается попрежнему совершенно пустымъ и бесплоднымъ понятіемъ. Для этой дисциплины поэтому вполне достаточно, если она, уяснивъ себѣ это, удовлетворится лишь выставленіемъ системы цѣнностей, обладающихъ безусловною значимостью и постольку трансцендентныхъ.

Намъ могутъ, конечно, возразить, что совершенно аналогичными аргументами, какъ при понятіи трансцендентнаго бытія, возможно доказать также и пустоту и бесплодность понятія трансцендентнаго долженствованія, которое при этомъ подразумевается. Но это возраженіе мало состоятельно. Правда, опредѣлить, что такое трансцендентное долженствованіе можно лишь путемъ ссылки на то, что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду цѣнности, обладающія сверхисторической, безвременной, безусловной значимостью. Такимъ образомъ, конечно, и понятіе трансцендентнаго долженствованія возможно опредѣлить лишь чисто отрицательнымъ образомъ, исходя изъ обусловленныхъ цѣнностей и отнимая у нихъ обусловленность. Возникающее отсюда понятіе имѣетъ, однако, совершенно иной смыслъ, нежели понятіе трансцендентнаго бытія, которое мы получаемъ, исходя изъ понятія имманентнаго бытія, отрицая затѣмъ его имманентность. Посредствомъ этого отрицанія мы отнимаемъ у бытія всякое извѣстное намъ содержаніе; наоборотъ, долженствованію мы оставляемъ его содержаніе, отнимая у него лишь ограниченіе, мѣшающее ему вполне развить скрытую въ немъ тенденцію значить. Лучше всего, пожалуй, можно уяснить себѣ различіе между трансцендентнымъ бытіемъ и трансцендентнымъ долженствованіемъ опять-таки на примѣрѣ

кантовскаго понятія идеи. Кантъ въ данномъ случаѣ точно также превращаетъ понятіе трансцендентной реальности въ понятіе трансцендентнаго долженствованія, устанавливая этимъ правомѣрность, а также и всю тщетность отличающаго науку стремленія къ безусловному. То же самое имѣетъ мѣсто и у насъ, когда мы, отвергая трансцендентное бытіе, останавливаемся на понятіи трансцендентнаго долженствованія. И именно для философіи какъ науки о принципахъ, нѣтъ никакого основанія умозаключать отъ трансцендентныхъ цѣнностей къ трансцендентному бытію. Вѣдь только въ цѣностяхъ находятъ она принципы исторической жизни, и только значимость цѣнностей, какъ цѣнностей, интересуется ее. Къ тому же, для того чтобы имѣть возможность умозаключать къ трансцендентной реальности, нужно сначала вѣдь доказать уже эту безусловную значимость, иными словами, единственно важная для ученія о принципахъ исторической жизни проблема должна быть уже предварительно рѣшена,—лишь тогда только сможетъ вообще появиться на сцену проблема трансцендентной реальности. Поэтому и философія исторіи, поскольку она имѣетъ дѣло съ принципами исторической жизни, можетъ вполне спокойно оставить открытыми всѣ эти метафизическія проблемы, подобно эмпирической исторической наукѣ; къ этой области философіи во всякомъ случаѣ всѣ эти проблемы не имѣютъ никакого отношенія.

Но какъ же обстоитъ, наконецъ, дѣло съ философской всеобщей исторіей, разъ по вопросу о трансцендентной реальности и отношеніи ея къ имманентному бытію мы должны удовлетвориться скромнымъ *non liquet*, или даже отвергнуть вообще всякую мысль о

метафизической дѣйствительности? Не теряетъ ли систематическое философское изображеніе историческаго универсума, которое, не ограничиваясь однѣми формальными цѣнностями, приводитъ ихъ въ явную связь съ самимъ содержаніемъ историческаго бытія,—не теряетъ ли оно всякій смыслъ въ томъ случаѣ, если оно такъ сказать только извнѣ вноситъ свои цѣнности въ историческую жизнь, не смѣя строить никакихъ предположеній относительно того, связано ли имманентное бытіе реально (а не только при посредствѣ отнесенія къ цѣнности) съ своей цѣлью реализаціи цѣнностей, и, если связано, то какимъ именно образомъ? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно трудной проблемой, и что метафизическія стремленія нашего времени, особенно ярко отразившіяся въ трудахъ Ойкена, пріобрѣтаютъ съ этой точки зрѣнія немаловажное значеніе также и для философіи исторіи. Но даже и въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что міръ опыта потому будто бы нуждается въ метафизическомъ фундаментѣ, что иначе онъ былъ бы такъ сказать недостаточно реаленъ и носилъ бы нѣсколько призрачный характеръ. Ибо если непосредственное переживаніе для насъ недостаточно реально, то никакое мышленіе, оперирующее абстрактными понятіями, не сможетъ восполнить этого „недостатка“. Но можно все же задать слѣдующій вопросъ: не предполагаетъ ли необходимость отнесенія къ безусловнымъ цѣностямъ исторической реальности своего рода всеобъемлющей связи между бытіемъ и долженствованіемъ и тѣмъ самымъ извѣстнаго рода реальности, въ которой мы не можемъ уже видѣть имманентнаго бытія, можетъ быть—бытіе долженствова-

нія (Sein des Sollens), которое лежит по ту сторону всякой эмпирической и исторической дѣйствительности? Понятіе метафизической дѣйствительности представляется, повидимому, въ данномъ случаѣ неизбѣжнымъ; философія исторіи, повидимому, неизбѣжно связана съ метафизикой, какъ это было, напр., у Гегеля.

Но не придется ли намъ и здѣсь повторить того, что мы уже какъ-то сказали раньше: что все дѣло исчерпывается лишь указаніемъ на метафизическую связь съ эмпирической дѣйствительностью, что этимъ уже дано все то, что позволительно еще мыслить наукѣ? И что для насъ вполне достаточно допущенія вообще какого бы то ни было необходимаго отнесенія дѣйствительности къ цѣнностямъ, хотя бы оно и не поддавалось болѣе точному опредѣленію?

Если мы опять, таки обратимся къ гегелевской философіи исторіи, то мы увидимъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается частныхъ, метафизика почти не играетъ никакой роли. При отграниченіи и расчлененіи историческаго универсума все дѣло сводится въ концѣ концовъ лишь къ понятію свободы какъ къ понятію цѣнности и къ убѣжденію вполне общаго свойства, именно, что міръ въ самой сущности своей предрасположенъ уже къ развитію къ свободѣ. Но все, что здѣсь предполагается, и исчерпывается однѣми названными предпосылками: предпосылкой абсолютной цѣнности и вообще необходимаго отнесенія ея къ исторической дѣйствительности. Вообще же философія исторіи Гегеля оперируетъ исключительно съ понятіями, взятыми изъ имманентной исторической жизни и къ этой имманентной жизни только и относимыми.

Не точно такъ же ли обстоитъ дѣло и во всѣхъ

философскихъ трудахъ по всеобщей исторіи? Не должны ли мы сказать, что за указаннымъ нами предѣломъ метафизика не только не нужна философу исторіи, но что она прямо-таки вредитъ ему? Его, такъ же какъ и эмпирика, интересуется развитіе культуры въ имманентномъ, временномъ и пространственномъ мірѣ. Если же благодаря метафизикѣ этотъ имманентный міръ опустится до реальности второстепеннаго свойства, истинная же реальность, въ которой наивысшія цѣнности совпадаютъ съ наивысшимъ бытіемъ, будетъ мыслиться внѣ времени и пространства, то единичное и индивидуальное развитіе во времени и пространствѣ теряетъ смыслъ какъ съ философско-исторической, такъ и съ эмпирико-исторической точки зрѣнія. Къ чему весь этотъ процессъ борьбы и стремленій человечества, разъ онъ лишь приблизительно и несовершенно осуществляетъ въ теченіе столѣтій то, что вѣчно реально существуетъ въ глубочайшей сущности міра? Если время представляется намъ лишь нитью въ таинственной ткани покрывала Майи, и все временное лишь бытіемъ второстепеннаго свойства, то мы не можемъ признавать болѣе никакой положительной философіи исторіи. Тогда вся задача послѣдней сводится лишь къ одному: мы должны постичь ничтожество всего историческаго, необходимо протекающаго во времени, и вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ отрицать всякій смыслъ за исторіей. Такимъ образомъ именно временное въ мірѣ не должна деградировать въ его реальности никакая метафизика, ибо, дѣлая это, мы отрицаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только эмпирическую историческую науку, но и философію исторіи.

Но можно, наконецъ, задать слѣдующій вопросъ:

нельзя ли временному тоже приписать метафизической реальности? Или трансцендентное бытіе нельзя мыслить иначе какъ внѣ времени? Здѣсь повидимому открывается все-таки еще одно послѣднее убѣжище для тѣхъ, кто хочетъ соединить философію исторіи съ метафизикой. Но только повидимому; ибо, допуская метафизическую реальность временнаго, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ подлинныя мотивы метафизическаго мышленія въ философіи исторіи. То, что намъ единственно только и указывало на трансцендентную сущность міра,—это было убѣжденіе въ трансцендентной значимости цѣнностей и требованіе ихъ реальной связи съ исторической дѣйствительностью. Трансцендентность же цѣнности означаетъ именно ея внѣвременную значимость, и поэтому лишь внѣвременная реальность могла бы быть метафизической „носительницей“ внѣвременныхъ цѣнностей. Поэтому также, желая установить необходимую связь историческаго развитія съ внѣвременными цѣнностями, мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ основывать значимости цѣнности на протекающемъ во времени метафизическомъ бытіи, ибо подобно имманентному и этого рода трансцендентное бытіе оставалось бы всегда позади трансцендентнаго долженствованія и въ лучшемъ случаѣ представляло бы изъ себя излишнее удвоеніе имманентной временной дѣйствительности.

Однимъ словомъ, метафизика, которая хочетъ служить базисомъ для философіи исторіи, сразу впадаетъ въ большія почти непреодолимыя трудности, разъ она, не удовлетворяясь понятіемъ трансцендентнаго долженствованія или цѣнностей, обладающихъ внѣвременной значимостью, ищетъ иной абстрактной формулировки своихъ трансцендентныхъ предпосылокъ. Мы

нуждаемся въ чемъ нибудь внѣвременномъ для того, чтобы придать временному историческому процессу объективный смыслъ. Превращая же это внѣвременное въ метафизическую реальность, мы тѣмъ самымъ отказываемъ историческому въ истинной реальности, уничтожаемъ смыслъ исторіи и возможность ея философскаго трактованія. Возможно ли избѣжать этого заколдованнаго круга, или о него должна разбиться всякая метафизика исторіи? Не принуждены ли мы поэтому также, философски трактуя всеобщую исторію, видѣть въ внѣвременныхъ цѣнностяхъ и необходимомъ, но научно неопредѣлимомъ отнесеніи ихъ къ временной реальности послѣднихъ предпосылокъ, дальше которыхъ мы не имѣемъ права итти?

Въ случаѣ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ—а до сихъ поръ по крайней мѣрѣ мы не видимъ никакой возможности отвѣтить на него отрицательно—задачи философіи исторіи, которыя вначалѣ, казалось, распались на три различныя дисциплины, принимаютъ въ концѣ концовъ совершенно тождественный видъ. Предоставивъ всю область эмпирическаго бытія спеціальнымъ наукамъ и подчинившись необходимости отречься отъ желанія проникнуть въ метафизическую сущность міра, философія оставляетъ себѣ царство цѣнностей, въ которомъ она видитъ свой истинный домень. Цѣлью ея является изслѣдовать эти цѣнности какъ цѣнности, подвергнуть вопросу ихъ значимость и включить ихъ въ общую телеологическую связь всѣхъ цѣнностей. Одною изъ этихъ областей цѣнностей является область науки, поскольку наука стремится реализовать цѣнность истины, и потому философія исторіи должна прежде всего проникнуть въ сущность истори-

ческой науки. Она видитъ въ ней индивидуализирующее изображеніе единичнаго развитія культуры, подъ которой она понимаетъ имманентную дѣйствительность, обладающую въ своей индивидуальности значеніемъ по отношенію къ культурнымъ цѣнностямъ. Отсюда вытекаетъ далѣе, что принципы исторической жизни сами являются цѣнностями, и изслѣдованіе вопроса о значимости этихъ цѣнностей и составляетъ такимъ образомъ вторую задачу философіи исторіи, задачу, которая въ концѣ концовъ совпадаетъ съ задачей философіи, какъ науки о цѣнностяхъ. Такимъ образомъ оба эти одинаково необходимые вида проблемъ систематически связаны другъ съ другомъ, и къ нимъ подъ конецъ присоединяется еще и третья группа философско-историческихъ вопросовъ. Она замыкаетъ собою всю философскую систему, указывая намъ, какія изъ критически обоснованныхъ цѣнностей реализовались пока въ теченіе исторіи, и на какія великія эпохи распадается весь этотъ процессъ реализаціи цѣнностей. И мы понимаемъ такимъ образомъ, въ какой стадіи развитія мы нынѣ находимся, и какія задачи намъ предстоитъ рѣшить въ будущемъ. Но во всѣхъ случаяхъ, мы видимъ, философія исторіи имѣетъ дѣло съ цѣнностями, причѣмъ исходитъ она изъ логики исторіи. Прежде всего—это цѣнности, на которыхъ зиждутся формы и нормы эмпирическаго историческаго познанія; во-вторыхъ, это цѣнности, которыя въ качествѣ принциповъ исторически существеннаго матеріала конституируютъ саму исторію; и въ-третьихъ, наконецъ, это цѣнности, которыя постепенно реализуются въ процессѣ исторіи.

Указатель литературы ¹⁾.

- Adler, M.** Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft. 1904.
- Barth, P.** Die Philosophie der Geschichte als Sociologie. I. 1897. [*II. Бартъ*, Философія исторіи, какъ социологія. I. Спб. 1900].
- Below, G. v.** Die neue historische Methode. 1898. (Hist. Zeitschrift. Bd. 81).
- Bernheim, E.**, Lehrbuch der historischen Methode. 3 Aufl. 1903.
- Breysig, K.** Aufgaben und Masstäbe einer allgemeinen Geschichtsschreibung. 1900.
- Der Stufenbau und die Gesetze der Weltgeschichte. 1905.
- Dilthey, W.** Einleitung in die Geisteswissenschaften. I. 1883.
- Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. 1894.
- Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. 1905.
- Dove, A.** Aufsätze und Veröffentlichungen zur Kenntnis Rankes. (Ausgewählte Schriftchen. 1898.)
- Droysen, I. G.** Grundriss der Historik. 1868. 3 Aufl. 1882.
- Euken, R.** Der Kampf um einen geistigen Lebensinhalt. 1896. 2 Aufl. 1907.
- Philosophie der Geschichte. 1907. (Die Kultur der Gegenwart. I. 6.)

¹⁾ Въ () скобкахъ указанъ журналъ или сборникъ, въ которомъ статья помѣщена. Въ []—русскій переводъ.

- Eulenburg, F.** Gesellschaft und Natur. 1905. (Archiv für Socialwissenschaft und Politik, Bd. XXI).
- Frischeisen-Köhler, M.** Ueber die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. I, II u. III. 1906 u. 1907. (Archiv für syst. Philos. Bd. XII и XIII).
- Gottl, F.** Die Herrschaft des Wortes. 1901.
— Die Grenzen der Geschichte. 1904.
— Zur socialwissenschaftlichen Begriffsbildung. I. Umrisse einer Theorie des Individuellen. 1906. (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXIII).
- Grotenfelt, A.** Die Wertschätzung in der Geschichte. 1903.
— Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie. 1905.
- Hartmann, L.** Ueber historische Entwicklung. 1905.
- Hettner, Alfred.** Das System der Wissenschaften. 1905. (Preuss. Jahrb. Bd. CXXII).
— Das Wesen und die Methoden der Geographie. (Geogr. Zeitschrift., Bd. XI).
- Hintze, O.** Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung. 1897. (Hist. Zeitschrift., Bd. 78).
- Hughes, P.** The concept action in history and in the natural sciences. 1905.
- Kistiakowski, Th.** Gesellschaft und Einzelwesen. 1899.
- Kuntze, Fr.** Die Kritische Lehre von der Objektivität. 1906.
- Lacombe, P.** L'histoire comme science. 1901. (Revue de synthèse historique. Bd. III).
- Lamprecht, K.** Was ist Kulturgeschichte? 1896.
— Die Kulturhistorische Methode. 1900.
— Moderne Geschichtswissenschaft. 1905.
- Langlois et Seignobos.** Introductions aux études historiques. 1899. [*Ланглуа и Сеньобосъ*. Введение въ изучение исторіи. СПБ.]
- Lask, E.** Fichtes Idealismus und die Geschichte. 1902.
- Lindner, Th.** Geschichtsphilosophie. 1901. 2 Aufl 1904.
- Lorenz, O.** Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. 1886 u. 1896.
- Lotze, H.** Mikrokosmos. III. 1864.
- Medicus, F.** Kant und Ranke. 1903. (Kantstudien, Bd. VIII).

- Mehlis, G.** Schellings Geschichtsphilosophie in den Jahren 1799—1804, gewürdigt vom Standpunkt der modernen geschichtsphilosophischen Problembildung. 1907.
- Menger, C.** Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften. 1883. [*К. Менгеръ*. Изслѣдованія о методѣ социальныхъ наукъ и политич. экономіи въ особенности. СПБ. 1894.]
- Meyer, Ed.** Zur Theorie und Methodik der Geschichte. 1902. [*Э. Мейеръ*, Къ теоріи и методикѣ исторіи. М. 1903].
- Münsterberg, H.** Grundzüge der Psychologie. I. 1900.
- Naville, A.** De la classification des sciences. 1888. 2 изд. 1901.
- Nietzsche, F.** Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. 1874. [*Ф. Ницше*, О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни].
- Paul, H.** Prinzipien der Sprachgeschichte. 1880. 3 изд. 1898.
- Ravà, A.** La classificazione delle science e le disciplini sociali. 1904.
- Rickert, H.** Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. 1896 bis 1902. [*Г. Риккертъ*, Границы естественно-научнаго образования понятій. 1905].
— Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. 1899. [Культуровѣдѣніе и естествовѣдѣніе. 1905].
— Ueber die Aufgabe einer Logik der Geschichte. 1902. (Archiv für syst. Philos. Bd. VIII).
- Richter, Ed.** Die Vergleichbarkeit naturwissenschaftlicher und geschichtlicher Forschungsergebnisse. 1903.
- Riehl, A.** Logik und Erkenntnistheorie. 1907. (Die Kultur der Gegenwart. I. 6).
- Ritschl, O.** Die Kausalbetrachtung in den Geisteswissenschaften. 1901.
- Rocholl, R.** Die Philosophie der Geschichte. 1878.
- Rubinstein, M.** Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. 1906. (Kant-

studien. Bd. XI). [*М. Рубинштейнъ*, Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи. „Вопросы философіи и психологіи“. 1905, ноябрь—дек.].

Schmeidler, B. Ueber Begriffsbildung und Werturteile in der Geschichte. 1904. (Annalen der Naturphilosophie. Bd. III).

Schuppe, W. Das System der Wissenschaften und das des Seienden. 1898. (Zeitschrift für imman. Philos. Bd. III).

Sigwart, Ch. Logik. II, 2 Aufl. 1893, 3 Aufl. 1904.

Simmel, G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 1892. [*Г. Зиммель*, Проблемы философіи исторіи. М. 1899]. 3 Aufl. 1907.

Spann, O. Zur Logik der sozialwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1905. (Aus den Festgaben für Fr. I. Neumann).

Spranger, E. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. 1905.

Stammler, R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 1896. 2 Aufl. 1906. [*Р. Штаммлеръ*, Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи. 2 т. СПБ. 1907.]

Stumpf, C. Zur Einteilung der Wissenschaften. 1907. (Abhandl. d. Königl. preuss. Akademie der Wissenschaften).

Tönnies, F. Zur Theorie der Geschichte. 1902. (Archiv für syst. Philos. Bd. VIII).

Troeltsch, E. Moderne Geschichtsphilosophie. 1903. (Theologische Rundschau).

— Das Historische in Kants Religionsphilosophie. 1904. (Kantstudien. Bd. IX).

Weber, M. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. 1904. (Archiv f. Sozialwiss. und Sozialpolitik. Bd. XIX).

— Roscher und Knies und die logischen Probleme der histor. Nat. Oekonomie I, II, III (Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung u. s. w. Bd. XXVII, XXIX u. XXX).

— Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwiss.

Logik. 1906. (Archiv f. Sozialwiss. und Sozialpol. Bd. XXII).

Windelband, W. Präludien. 1883. 3 Aufl. 1907. [Рус. пер. съ 2-го изд. *В. Виндельбандъ*, Прелюдии. Спб. 1904].

— Naturwissenschaft und Geschichte. 1894. [Помѣщено въ приложеніи къ переводу „Прелюдій“].

Wundt, W. Logik der Geisteswissenschaften. 2 Aufl. 1895. (Logik. II, 2).

Tschuprov, A. Statistik als Wissenschaft. 1906. (Archiv f. Sozialwiss. und Sozialpol. Bd. XXII).

Xénopol, A. D. Les principes fondamentaux de l'histoire. 1899.

— La causalité dans la succession. 1904.

— La notion de „valeur“ en histoire. 1906.

Главнымъ образомъ философско-историческіе вопросы разбираетъ выходящій съ 1900 г. въ Парижѣ журналъ: *Revue de synthèse historique*. Directeur: **Henri Berr**.

✓ **Арнольди (П. Лавровъ)**. Задачи пониманія исторіи. 1898.

Бельтовъ (Г. Плехановъ). Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. 1895. 4 изд. 1907.

Бердяевъ, Н. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. 1901. Съ предисловіемъ *П. Струве*.

Булгаковъ, С. Основныя проблемы теоріи прогресса. (Проблемы идеализма. 1902).

Випперъ, Р. Ю. Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія. (Вопросы философіи и психологіи. 1900, июнь).

Карѣевъ, Н. Введеніе въ изученіе социологіи. 1897.

✗ **Кистяковскій, Б.** Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій. (Жизнь, 1900, V, VI).

— Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблемъ. (Проблемы идеализма. 1902).

Лаппо-Данилевскій, А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. (Тамъ же).

Милюковъ, П. Очерки по истории русской культуры. Введение къ ч. I и II.

Морковниковъ, В. Изъ новѣйшей литературы по вопросамъ историческаго познанія. (Вопрос. фил. и психол. Ноябрь—декабрь, 1906.)

Покровскій, М. „Идеализмъ“ и „Законы истории“. (Правда, 1904, № II—III).

Рожковъ, Н. Новая теорія историческаго познанія. (Въ Нижегородск. сборникѣ. Спб. 1905.)

Рубинштейнъ, М. Генрихъ Риккертъ. (Вопросы философии и психологии. 1907.)

Софроновъ, Ф. Генрихъ Риккертъ и его книга „Границы ест.-научн. образованія понятій“. (Вопрос. фил. и психол. Май—июнь, 1905.)

— Механика общественныхъ идеаловъ. М. 1902.

Струве, П. Свобода и историческая необходимость. („На разные темы“ 1902).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
1	11 сверху	просвѣщенія	Просвѣщенія
30	2 „	рабтаеть	работаетъ
30	4 „	общаго ро-	общаго ро-
30	1 снизу	стр.	стр. VI
38	6 сверху	общепопят-	общепонят-
46	15 снизу	уальности	дуальности
58	15 „	ности	ность
59	14 сверху	другой	одной
65	15 „	потребность	потребность въ
91	1 снизу	извѣстныхъ давшія	извѣстныхъ
154	2 „	Свободѣ	Свобода